

ISSN 2587-8344

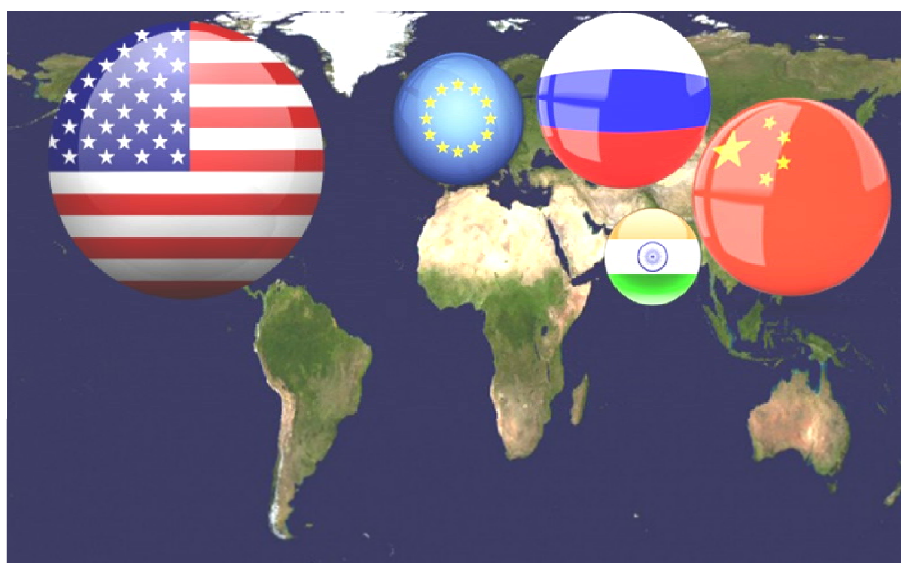
HISTORIA Provinciae

ЖУРНАЛ РЕГИОНАЛЬНОЙ ИСТОРИИ

Сетевой научный журнал

2018 • Т. 2 • № 3

Россия и новый мировой порядок

<http://hpchsu.ru>

Выход в свет: 2018 • Т. 2 • № 3 • СЕНТЯБРЬ. Выходит четыре раза в год.

УЧРЕДИТЕЛЬ: ФГБОУ ВО «Череповецкий государственный университет»

Свидетельство о регистрации средства массовой информации выдано Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор). Эл №ФС77-70013 от 31.05.2017 г.

ГЛАВНЫЙ РЕДАКТОР: *Солодянкина О.Ю.*, д-р ист. наук (Череповецкий государственный университет)

ЗАМЕСТИТЕЛИ ГЛАВНОГО РЕДАКТОРА:

Егоров А.Н., д-р ист. наук (Череповецкий государственный университет)

Марков Е.А., д-р полит. наук (Череповецкий государственный университет)

Петелин Б.В., д-р ист. наук (Череповецкий государственный университет)

Кузьминых А.Л., д-р ист. наук (Вологодский институт права и экономики ФСИН России)

РЕДАКТОР: Н.Г. МЕЛЬНИКОВА

КОМПЬЮТЕРНОЕ МАКЕТИРОВАНИЕ: М.Н. АВДЮХОВА

ОТВЕТСТВЕННЫЙ СЕКРЕТАРЬ: Н.А. ТИХОМИРОВА (8202) 51-72-40

ВЕДУЩИЙ ПЕРЕВОДЧИК: Н.Ю. КОНЕВА (PhD, MITI, DPSI, SFHEA (Kings' College London, UK) (Великобритания)

Адрес издателя, редакции, типографии:

162600, Россия, г. Череповец, Луначарского пр., д. 5.

ЦЕНА СВОБОДНАЯ

Сетевое издание

Уч.-изд. л. 20.

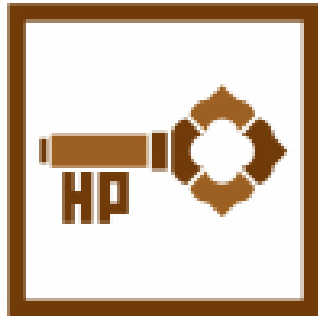
Выход в свет: 28.09.2018

Формат 60 × 84 ¹/₈.

Гарнитура Таймс.

© ФГБОУ ВО «Череповецкий государственный университет», 2018

ISSN 2587-8344

HISTORIA

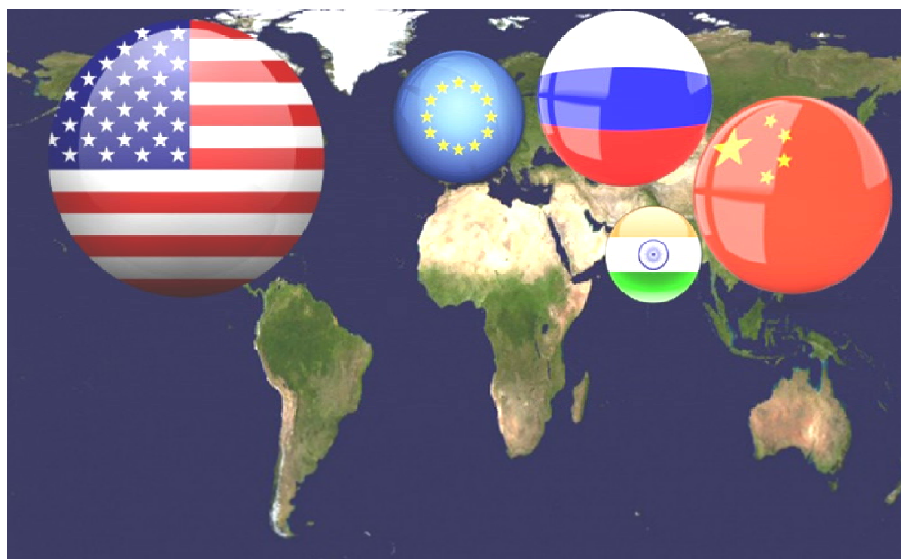
Provinciae

THE JOURNAL OF REGIONAL HISTORY

Online scientific journal

2018 • Vol. 2 • No. 3

Russia and new world order

<http://hpchsu.ru>

Publication: 2018 • Vol. 2 • No. 3 • SEPTEMBER. Issued four times a year.

FOUNDER: Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Education ‘Cherepovets State University’

The mass media registration certificate is issued by the Federal Service for Supervision of Communications, Information Technology and Mass Media (Roskomnadzor).
Эл №ФС77-70013 dated 31.05.2017

EDITOR-IN-CHIEF: *O.Y. Solodyankina*, Doctor of Historical Sciences
(Cherepovets State University)

DEPUTY EDITORS-IN-CHIEF:

A.N. Egorov, Doctor of Historical Sciences (Cherepovets State University)

E.A. Markov, Doctor of Political Sciences (Cherepovets State University)

B.V. Petelin, Doctor of Historical Sciences (Cherepovets State University)

A.L. Kuzminykh, Doctor of Historical Sciences (Vologda Institute of Law and Economics, Federal Penitentiary Service of Russia)

EDITOR: N.G. MELNIKOVA

COMPUTER DESIGN LAYOUT: M.N. AVDYUKHOVA

EXECUTIVE EDITOR: N.A. TIKHOMIROVA (8202) 51-72-40

PROOFREADER (ENGLISH): N. KONEVA, PhD, MITI, DPSI, SFHEA (King’s College London, UK)

Address of the publisher, editorial office and printing-office:

162600 Russia, Vologda region, Cherepovets, Prospekt Lunacharskogo, 5.

OPEN PRICE

Online media

20 standard published sheets

Publication: 28.09.2018

Format 60 × 84 ¹/₈.

Font style Times.

© Federal State Budgetary Educational
Institution of Higher Education
‘Cherepovets State University’, 2018

Содержание
Contents

Вступительное слово	8	Opening speech.....	8
ДИСКУССИОННАЯ ПЛОЩАДКА		DISCUSSION PLATFORM	
<i>Марков Е.А., Неволina А.А.</i> Россия как главный объект современных информационных войн	12	<i>Markov E., Nevolina A.</i> Russia as the Main Object of Modern Information Wars	12
ИССЛЕДОВАНИЯ		RESEARCH	
<i>Онопко О.В., Ландик Л.П.</i> Политические мифы в избирательных кампаниях: структура, функции, виды	50	<i>Onopko O., Landik L.</i> Political Myths in Election Campaigns: Structure, Functions, Types	50
<i>Тумаков Д.В.</i> Публикации иностранных журналистов в российских масс-медиа как источник по первой чеченской кампании 1994–1996 гг.	87	<i>Tumakov D.</i> Publications of Foreign Journalists in the Russian Mass Media as a Source of Information on the First Chechen Campaign of 1994–1996	87
<i>Градусова П.Б., Черноперов В.Л.</i> “Германский след” в миграционной политике Н. Саркози и Ф. Олланда на европейском направлении	119	<i>Gradusova P., Chernoperov V.</i> The ‘German Trail’ in the Migration Policy of Nicolas Sarkozy and François Hollande within the European Union	119
ИСТОРИКИ ОБ ИСТОРИКАХ		THE HISTORIANS’ HISTORIANS	
<i>Петелин Б.В.</i> Профессор В.Б. Конасов: между российской и германской историей	145	<i>Petelin B.</i> Professor V.B. Konasov: Between Russian and German History	145
РЕЦЕНЗИИ		REVIEWS	
<i>Баранов А.В.</i> Актуальное исследование мифотворчества в украинской историографии и публицистике.....	174	<i>Baranov A.</i> Actual Study of Myth-making in Ukrainian Historiography and Publicism	174

ХРОНИКА НАУЧНОЙ ЖИЗНИ

Егоров А.Н. Новое исследование по истории российского либерализма: рецензия на: Российский либерализм: идеи и люди / под общей редакцией А.А. Кара-Мурзы. М.: Новое издательство, 2018 194

Старостин С.И. Презентация новой книги по истории плена и интернирования Второй мировой войны на Европейском Севере СССР 199

Информация для авторов 205

CHRONICLE OF SCIENTIFIC LIFE

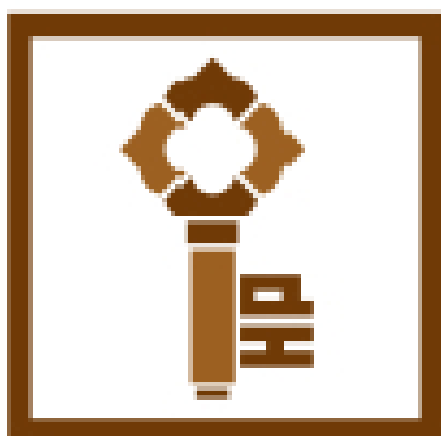
Egorov A. A New Study on the Russian Liberalism History. Review of *Russian Liberalism: Ideas and People*, by A. Kara-Murza 194

Starostin S. Presentation of a New Book on the History of Captivity and Internment during World War II in the European North of the USSR 199

Guide for authors 205

HISTORIA

Provinciae

2018 · Vol. 2 · № 3

Уважаемые коллеги!

Дорогие друзья!

С удовольствием представляю вам очередной номер (№ 3 – 2018) электронного научного журнала «*Historia provinciae – журнал региональной истории*».

Материалы данного номера выполнены в контексте главной темы – Россия и новый мировой порядок. Имеется в виду, что политические процессы, происходящие в системе международных отношений, отличаются динамичностью и, подчас, непредсказуемостью, что приводит к появлению новых вызовов и угроз для международного сообщества. Россия, являясь одним из важнейших игроков на международной арене, вынуждена учитывать влияние новых реалий, добиваясь достижения главной цели – обеспечения как своих собственных национальных интересов, так и интересов стран-союзников.

Открывается номер статьей, в которой рассматриваются особенности ведения современных информационных войн, объектом для которых с завидным постоянством является наша страна (автор статьи – Е.А. Марков). Исследователи из Донецка, Олег Онопко и Лариса Ландик, в своей статье предприняли попытку теоретического анализа использования политических мифов во время проведения современных избирательных кампаний. Статья молодого ученого из Ярославля Дениса Тумакова посвящена анализу публикаций отдельных иностранных журналистов, отражавших события первых дней чеченской войны 1994–1996 гг. Исследователь сравнивает материалы российских и зарубежных СМИ. Авторы из Иванова, профессор Василий Черноперов и Полина Градусова, анализируют миграционную политику президентов Франции Николя Саркози (2007–2012) и Франсуа Олланда (2012–2017) в рамках Европейского союза.

Профессор ЧГУ Борис Петелин делится воспоминаниями о своем коллеге, известном ученом-германисте Викторе Борисовиче Конасове, который одним из первых поднял тему истории военного плена и, опираясь на широкую документальную основу из засекреченных ранее документов, отразил в своих книгах, статьях и выступлениях судьбы немецких военнопленных в СССР.

Безусловно, интересной для наших читателей будет и рецензия профессора Андрея Баранова, представляющего Кубанский государственный университет, на монографию А.В. Ставицкого «Национально-исторический миф Украины». В данной рецензии определены концептуальные основания мифологизации ис-

торического знания, роль мифологии в конструировании идентичности и перекодировке сознания, выявлены назначение, принципы и особенности украинской мифоистории.

Мы надеемся, что включенные в номер материалы вызовут интерес не только у представителей научного сообщества, но и у студентов, учащихся и всех тех, кто интересуется подоплекой современных политических процессов.

Евгений Алфеевич Марков,
доктор политических наук,
профессор Череповецкого государственного университета,
заместитель главного редактора журнала «Historia provinciae –
журнал региональной истории»

Dear colleagues and friends,

I am happy to present the new online scientific edition (No. 3 – 2018) of ‘Historia Provinciae – The Journal of Regional History’.

All materials in this edition are prepared in the context of its main topic – Russia and the new world order. Political processes currently taking place in the system of international relations are dynamic and sometimes unpredictable, which leads to new challenges and threats for the international community. Russia, being one of the most important players in the international arena, must consider the impact of the new realities, to achieve the main goal – ensuring both its own national interests and the interests of its closest allies.

The edition opens with the article that discusses the specifics of modern information warfare, which is consistently waged against this country (the author – E.A. Markov). This is then followed by an article by Oleg Onopko and Larisa Landik, both researchers from Donetsk, who attempt to make a theoretical analysis of how political myths are used during campaigning of modern elections. Then an article by a young scientist from Yaroslavl, Denis Tumakov is devoted to the analysis of several foreign journalists’ publications, reflecting upon the events of the first days of the Chechen War 1994–96. The researcher compares the coverage given by

both Russian and foreign media. Professor Vasily Chernoperov and Polina Gradusova, both authors from Ivanovo, analyse the migration policy within the European Union conducted by French Presidents Nicolas Sarkozy (2007–12) and François Hollande (2012–17).

Boris Petelin, Professor of Cherepovets State University, shares in the presented material the memoirs of his colleague, the famous scientist Viktor Konasov, who was one of the first researchers to turn to the topic of history of military captivity and relying on the extensive documentary basis from previously classified documents, reflected in his books, articles and speeches upon the fate of German prisoners of war in the Soviet Union.

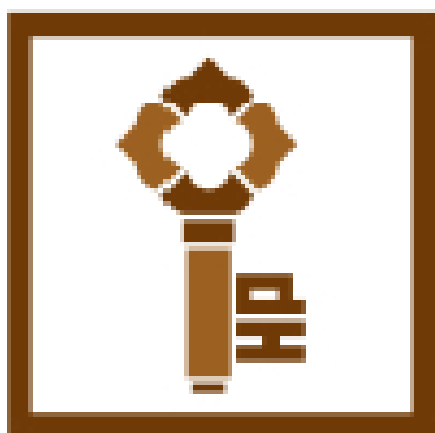
Undoubtedly, the review of Stavitsky's monograph 'National and historical myth of Ukraine' written by Andrei Baranov, professor of the Kuban State University, will also be of interest to our readers. In this review, the conceptual foundations to mythologize the historical knowledge, the role of mythology in identity construction and recoding of consciousness are determined, as well as the purpose, principles and characteristics of Ukraine's 'mytho-history' are revealed.

We hope that the materials of the edition will arouse interest not only among representatives of the scientific community, however also among students and all those who are interested in the background of modern political processes.

Evgeniy Markov,
Doctor of Political Science,
Professor of Cherepovets State University,
Deputy Editor-in-Chief of
'Historia Provinciae – the Journal of Regional History'

HISTORIA

Provinciae

ДИСКУССИОННАЯ
ПЛОЩАДКА

DISCUSSION PLATFORM

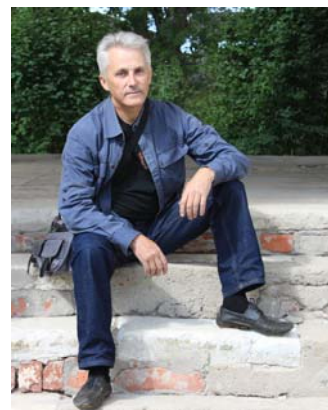
2018 · Vol. 2 · № 3

Марков Евгений Алфеевич

Доктор политических наук, доцент,
Череповецкий государственный университет
(Череповец, Россия)
marevgeny@inbox.ru

Markov Evgeniy

Doctor of Political Sciences, Associate Professor,
Cherepovets State University
(Cherepovets, Russia)
marevgeny@inbox.ru

Неволина Анна Александровна

Магистр, Череповецкий государственный университет
(Череповец, Россия)
nevolinaanna@yandex.ru

Nevolina Anna

Master in the area of International Relations,
Cherepovets State University
(Cherepovets, Russia)
nevolinaanna@yandex.ru

Россия как главный объект современных информационных войн*

Russia as the Main Object of Modern Information Wars

Аннотация. Россия, как минимум на протяжении последних 10 лет, является объектом информационных войн или, по оценкам некоторых исследователей, объектом непрекращающейся информационной войны. Современная информационная война отличается целым рядом особенностей, среди которых можно выделить: установленный контроль государств над средствами массовой информации; отсутствие каких-либо правил и морально-этических норм в проведении информационных атак; полное игнорирование отдельными странами норм международного права; отсутствие аргументов во время проведения информационных

* Для цитирования: Марков Е.А., Неволина А.А. Россия как главный объект современных информационных войн // *Historia Provinciae – Журнал региональной истории*. 2018. Т. 2. №3. С. 12–48. DOI: 10.23859/2587-8344-2018-2-3-4

For citation: Markov, E., and A. Nevolina. “Russia as the Main Object of Modern Information Wars”. *Historia Provinciae – The journal of regional history*, vol. 2, no. 3 (2018): 12–48, <https://doi.org/10.23859/2587-8344-2018-2-3-4>

атак ради достижения собственных целей и задач; отсутствие доказательств в обвинении в преступлениях; планомерным формированием, по отношению к некоторым государствам, образа страны-изгоя. Наша страна оказалась, как это бывало уже не раз в современной истории, в центре широкомасштабных информационных войн, более того, Россия стала главным объектом информационных нападений.

В данной статье рассмотрены особенности ведения современных информационных войн, привлекательной мишенью для которых является Россия, а также условия обеспечения необходимой и полноценной национальной безопасности.

Ключевые слова: информационная война, гибридная война, спорт и политика, Россия, Сирия, Украина, США, Европейский Союз.

Abstract. At least for the past ten years, Russia has been remaining the object of information wars or, according to some researchers, the object of one ongoing information war. Modern information wars are characterized by a number of special features, such as: established control of the state over the media; absence of any rules and moral and ethical norms in the process of carrying out information attacks (i.e. a cyber-attack or a media blitz); complete ignoring of the norms of international law by individual countries; absence of debates during the information attacks for the sake of achieving personal goals and objectives; lack of evidence in the prosecution of crimes; in relation to some states, as well as systematic formation of the image of a rogue state. This country found itself, as it happened more than once in the modern history, in the centre of large-scale information wars; moreover, Russia became the main target of information attacks.

The article examines the specifics of modern information wars, with Russia as an attractive target for such wars, as well as the conditions for ensuring full national security required in such a case.

Keywords: information war, hybrid war, sport and politics, Russia, Syria, the Ukraine, the USA, the European Union

Введение

Современные политические процессы, происходящие в международном сообществе, отличаются динамичностью и турбулентностью, сопровождаются появлением новых вызовов и угроз для участников международных отношений. Как отметил министр иностранных дел РФ Сергей Лавров: «Главной приметой современного этапа являются стремительные перемены во всех сферах международной жизни»¹. Основной причиной ускоряющегося темпа политических процессов является глобализация, которая была инициирована развитыми странами ради сохранения и упрочения такого миропорядка, при котором ведущие страны закрепляют за собой технологическое и экономическое превосходство и усиливают свое политическое влияние в мире. Но так не могло продолжаться

¹ Лавров С.В. Историческая перспектива внешней политики России. URL: http://www.mid.ru/web/guest/foreign_policy/news/-/asset_publisher/cKNonkJE02Bw/content/id/2124391 (Дата обращения 20.05.2018).

бесконечно, поскольку появились новые центры силы в лице стран, желающих устанавливать отношения на равной, партнерской, справедливой и взаимовыгодной основе. Таким образом, столкнулись две концепции будущего развития отношений в международном сообществе: теория однополярного мира и теория многополярного мироустройства. Первая концепция подразумевает доминирование одной сверхдержавы – США, пытающейся контролировать все политические процессы, происходящие в мире. Страны, поддерживающие политику в русле второй концепции, намерены выстраивать между собой равноправные отношения, что предполагает более высокий уровень доверия и безопасности в отношениях между государствами. Приверженцами первой концепции являются англосаксонские страны, уже несколько веков извлекающие выгоду из своего доминирования. Конечно, главным бенефициаром получаемой выгоды являются США. Концепции многополярного мира придерживаются Россия, Китай, Индия, Бразилия и ряд других государств. Страны англосаксонского мира, отмечая тенденцию появления в международном сообществе всё большего числа национальных субъектов, поддерживающих концепцию многополярности, включили в свой арсенал средств, позволяющих сохранить доминирование, и такие, которые ранее считались бы недопустимыми. Одним из таких средств является информационная война, методы которой широко используются сегодня англосаксонским союзом в противостоянии со странами, проводящими независимую внешнюю и внутреннюю политику. Главным объектом такого противоборства сегодня является Россия. И тому есть реальное обоснование, но об этом мы остановимся в нашей работе позднее, поскольку, прежде всего, необходимо выяснить происхождение самого термина «информационная война».

Исследование

Словосочетание «информационная война» было впервые упомянуто в 1976 году американским научным советником Томасом Рона в отчете «Системы оружия и информационная война», составленным им для компании «Боинг». Автор указывал, что именно информационная инфраструктура стала ключевым элементом американской экономики. При этом она может являться уязвимым объектом атаки как в военное, так и в мирное время².

Довольно скоро этот термин стал использоваться не только в среде военных и специалистов по обеспечению безопасности, но утвердился в исследовательском лексиконе. Таким образом, термин «информационная война» и обозначаемое этим термином явление становятся политологическим понятием, актуальным для использования в публицистических и научных текстах. Это обу-

² Десяев Д.Г. Политика противостояния в СМИ: Россия и США // Огарёв-Online. 2016. №7. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/politika-protivostoyaniya-v-smi-rossiya-i-ssha> (дата обращения: 15.05.2018).

словлено тем, что на стыке XX и XI веков появляются качественно новые способы работы с информацией, которая приобрела стратегическое значение в качестве нового орудия войны³.

Сегодня уже можно говорить об информационном противостоянии, в которое втягивается все большее число стран. Это означает, что информационное противоборство стало устойчивым явлением мировой политической системы. Информационные военные средства, будучи востребованными в современном мире, с каждым десятилетием приобретают новые черты, выводя возможности информационной войны на всё более высокий уровень, не только не уступая, но и превосходя традиционные типы вооружений по своей эффективности и следующим за их использованием разрушительным последствиям⁴.

Пытаясь сформулировать универсальное определение этому понятию, исследователи не могут прийти к общему мнению, поскольку каждый из них отмечает те особенности, которые он видит и которые хотел бы выделить. Это обусловлено тем, что в основе характеризуемого нами явления лежит понятие «информация», которое само по себе имеет широкое значение, затрагивая многие общественные сферы.

Отметим, что само явление информационного противоборства для человечества не является чем-то новым, правда, до появления термина «информационная война» оно трактовалось как пропаганда. Способы морального разложения противника средствами пропаганды, дезинформации, запугивания известны с древнейших времен и являются особым оружием в арсенале всех войн. К примеру, в сочинении Геродота «История» отмечено, что во время греко-персидских войн Персия, подавив восстание в ионических городах, расположенных в Малой Азии, намеревалась нанести удар по Афинам и Спарте, которые отказались покориться персидскому царю Ксерксу. Ксеркс собрал многочисленную армию, в которую включил, в том числе, и греков из полисов в Малой Азии. Афиняне высекли на скалах надписи следующего содержания: «Ионяне! Вы поступаете несправедливо, идя войной на своих предков и помогая варварам поработить Элладу. Переходите скорей на нашу сторону!»⁵.

Если вспомнить русский опыт ведения военных действий, то еще великий полководец Александр Суворов активно использовал навыки психологической войны для поднятия морального духа своих воинов. Вот лишь одно из его высказываний из книги «Наука побеждать!»: «В последнюю кампанию непри-

³ *Беляев Д.* Разруха в головах. Информационная война против России. СПб.: Питер, 2014. С. 21.

⁴ *Ларина Е.С., Овчинский В.С.* Новая военная стратегия США и поведенческие войны // *Мировая политика: Старые проблемы и новые вызовы.* 2015. № 13. С. 137.

⁵ *Данилин Павел.* Пропаганда с древнейших времен до наших дней. URL: <http://www.liberty.ru/columns/Professiya-propagandist/Propaganda-s-drevnejshih-vremen-do-Pervoj-mirovoj-vojny.-CHast-I>

ятель потерял счетных семьдесят пять тысяч, только что не сто тысяч. Он искусно и отчаянно дрался, а мы и одной полной тысячи не потеряли. Вот, братцы, воинское обучение!»⁶

В годы первой мировой войны специалист по оказанию психологического воздействия на противника англичанин П.Г. Уорбертон писал следующее: «...Вооруженное столкновение армий – это лишь одно из средств [войны]. Особое значение в противоборстве враждующих сторон имеет психологическое воздействие на противника, стремление, так или иначе, поколебать его веру в правоту защищаемых им идей, веру в будущую победу»⁷.

В современное понятие «информационной войны» включается целый набор приемов и способов оказания воздействия на противника, куда входит не только моральное или психологическое давление, но и противоборство в информационных системах, используемых сегодня, без преувеличения, во всех сферах деятельности человеческого общества. Отечественный исследователь С. Расторгуев именно на этом концентрирует свое внимание, предлагая свой вариант понятия «информационная война»: «Информационная война состоит из действий, предпринимаемых для достижения информационного превосходства в обеспечении национальной военной стратегии путем воздействия на информацию и информационные системы противника с одновременным укреплением и защитой нашей собственной информации и информационных систем»⁸.

На самом деле арсенал средств, которые могут быть использованы в информационном противоборстве, все время активно пополняется. Сегодня к ним уже можно отнести экономические санкции, принимаемые по отношению к некоторым странам (в число которых входит и Россия), предназначение которых – экономически ослабить страну, затормозить ее развитие.

Мощным средством информационной войны сегодня стала и деятельность средств массовой информации, которые, объединив свои возможности, могут обрушить информационную мощь на страну, идентифицируемую в качестве противника, с целью инициирования негативных политических процессов в данной стране и, в конечном итоге, к смене режима. Одной из задач совместных информационных атак является формирование мирового общественного мнения в необходимом контексте. Примеры таких согласованных действий мы и приведем в нашей работе.

⁶ Данилин Павел. Пропаганда с древнейших времен до наших дней. URL: <http://www.liberty.ru/columns/Professiya-propagandist/Propaganda-s-drevnejshih-vremen-do-Pervoj-mirovoj-vojny.-CHast-I>.

⁷ Военная пропаганда во время Великой Отечественной войны. URL: <http://www.otvoyna.ru/statya44.htm>

⁸ Расторгуев С.П. Информационное противоборство в моделях и задачах. М.: URSS. 2017. С. 54.

Учитывая широту понятия «информационная война», можно предложить следующее определение, которое, на наш взгляд, наиболее полно описывает сущность рассматриваемого явления: «война с целью захвата сырьевых, энергетических, людских ресурсов другой страны, с использованием такого воздействия на умы людей в области идеологии, религии, политики, истории, философии, науки, когда народу страны-жертве агрессии целенаправленно внедряются ложные представления о том, что происходит в обществе, в жизни людей, которые позволяют агрессору свободно манипулировать как правительством, так и народом этой страны и осуществлять захват ресурсов, практически не встречая никакого сопротивления, т.е. без вооруженного вторжения»⁹.

Мы предлагаем свое собственное определение, которое, на наш взгляд, является более ёмким. *Современная информационная или гибридная война – это агрессивное действие одной страны или целой группы стран по отношению к другим с применением не только военной мощи, но и целого набора других ресурсов (экономических, информационных, идеологических и др.), позволяющих оказывать массированное давление с целью влияния на поведение противника и достижения определенных целей.*

Материалы и методы

Россия сегодня, без всякого преувеличения, является объектом информационной войны, которую ведет против нее англосаксонский блок стран. Поводом для начала непрекращающихся и все усиливающихся информационных атак на Россию со стороны западных стран стала речь Владимира Путина, с которой он выступил 10 февраля 2007 года на Мюнхенской конференции по вопросам политики безопасности. Президент РФ заявил тогда, что «...Россия – страна с более чем тысячелетней историей, и практически всегда она пользовалась привилегией проводить независимую внешнюю политику. Мы не собираемся изменять этой традиции и сегодня»¹⁰. В своей речи Владимир Путин жестко раскритиковал внешнюю политику США за неоправданное применение силы по отношению к другим суверенным государствам и навязывание своих представлений об устройстве мировой политической системы в виде однополярного мира, в котором доминирующую роль играют США, извлекая для себя односторонние выгоды.

Реакция западных политиков, услышавших выступление В. Путина, была ожидаемой. К примеру, сенатор США от Демократической партии Джозеф

⁹ Зинчина А.Б. К вопросу о теории информационных войн // Город. Культура. Цивилизация. 2014. № 4. С. 62.

¹⁰ Мюнхенская речь Владимира Путина 10.02.2007 г. URL: <http://introvertum.com/myunhenskaya-rech-vladimira-putina-10-fevralya-2007-goda-stenogramma-polnyiy-tekst/> (Дата обращения 05.02.2018 г.).

Либерман заявил тогда, что «...Речь Путина была провокационна и сильно отдавала духом холодной войны»¹¹. Еще более резкой была реакция представителей республиканской партии США. Влиятельная американская газета "The Washington Post", о которой говорят, что она озвучивает мнение правящей верхушки республиканской партии, прямо назвала президента Путина лицемером и наглецом, открыто вмешивающимся в дела сопредельных государств, и энергетическим шантажистом¹².

По прошествии некоторого времени оценки западных политиков стали более взвешенными. К примеру, колумнист газеты "The New York Times" Томас Фридман заявил, что «...американцы сами спровоцировали гнев Москвы, не надо было в нарушение старых договоренностей двигать НАТО на восток»¹³. Бывший министр обороны США Уильям Коэн произнес на одном из телеканалов следующее: «Россия сейчас просто чувствует, что к ней относятся без уважения, несмотря на ее величие <...> И рецепт тут может быть только один – с Москвой должно быть больше контактов, встреч, переговоров»¹⁴.

Но не эти высказывания играли главную роль. Вектор отношения к России был задан, а в среде западных политиков стало устойчиво формироваться мнение, что Россия намерена вновь добиваться реализации своих давних имперских амбиций и ее необходимо остановить. Именно такое мнение и возобладавало в средствах массовой информации ведущих стран Запада. Речь Владимира Путина в Мюнхене стала началом новой «холодной» (информационной) войны и, как следствие, началом охлаждения отношений России с западными партнерами, которые захотели воспринять его слова как новую угрозу со стороны непредсказуемой России.

Немаловажную роль в процессе расхождения позиций по самым разным международным проблемам между Россией и странами Запада играют средства массовой информации, которые, на самом деле, далеко не всегда выполняют свою заявленную главную задачу – обеспечивать своих граждан объективной и полной информацией. Подтверждений того, что западные СМИ, поддерживая политику правительств своих стран, забывают о принципах объективности и полноты в подаче информации – не счесть числа.

Еще во время вторжения в Югославию в 1999 году основной задачей в условиях ведения информационной войны против этой страны стало обеспечение международной поддержки действиям США и НАТО. Для достижения этой цели был задействован целый ряд структур: Государственный департамент США,

¹¹ *Черноморский Павел* Мюнхенский говор. Как Запад отреагировал на речь Путина. URL: <http://www.globalrus.ru/column/783665/> (Дата обращения 05.02.2018).

¹² Там же.

¹³ Там же.

¹⁴ Там же.

информационное агентство США (ЮСИА) со своими подразделениями (радиостанциями «Голос Америки», «Свобода», «Свободная Европа»), ЦРУ и специалисты-психологи из Пентагона. Материалы агентства ЮСИА оперативно направлялись в различные информационные агентства мира, однако, что интересно, в самих США распространение продукции ЮСИА было запрещено (вероятно, потому, что информация была недостоверной и руководство страны не хотело получить обвинения от политических противников и своих СМИ в необъективности). После разрушения телецентров в гг. Белград и Приштина жители Сербии оказались в условиях «информационного вакуума», который уже была готова заполнить радиостанция «Голос Америки». Американцы наладили вещание своих передач на частотах сербского телевидения, в том числе и прямо с самолетов, принадлежащих Силам психологических операций ВС США. Не забыли американские военные и о старом, проверенном времени, средстве психологической войны, разбросав более 22 млн листовок, в которых были размещены призывы к гражданам страны выступить против президента Милошевича, что будет способствовать скорейшему завершению войны. Таким образом, страны, входящие в блок НАТО и принявшие участие в бомбардировках Сербии, использовали информационные ресурсы своих стран вкупе с военным вмешательством. И перед началом этой самовольной (без решения Совета Безопасности ООН) операции, и в ходе ее, и даже после ее окончания – союзники по НАТО обеспечили своим действиям мощную международную поддержку с помощью средств массовой информации различных стран мира.

Бомбардировки Сербии в 1999 году – это первый пример ведения гибридной войны (в которой используются и вооруженные силы, и информационные ресурсы) странами НАТО в Европе. Но можно сказать, что это был просто эпизод, ведь успех стран НАТО в смене политического режима в Сербии вызвал желание и далее обеспечивать свое политическое доминирование в разных регионах мира с помощью применения военной силы и сопровождающей военные операции информационной поддержкой в различных ее формах.

Руководство России до поры до времени не заявляло о своем несогласии с политикой доминирования в мире, которую проводили США, опираясь на поддержку своих союзников. Такое заявление, как уже было отмечено в нашей работе, прозвучало в Мюнхене, в феврале 2007 года. Президент России первым из мировых лидеров заявил о том, что международные отношения между странами могут быть выстроены на совершенно других принципах: равноправного и взаимовыгодного сотрудничества, в основе которых будет не страх перед военной мощью наиболее развитых стран, а взаимное уважение и доверие. Эта концепция получила название многополярного (многополюсного) мира и стала обретать поддержку со стороны и других стран, среди которых оказались Китай, Индия, Бразилия, Южноафриканская республика и целый ряд других. Таким

образом, Россия взяла на себя роль лидера в продвижении данной концепции мироустройства и приняла на себя гнев и недовольство такой позицией со стороны англосаксонских стран. С этого времени Россия стала объектом информационной войны.

Попытки, что называется, пощупать Россию на прочность последовали одна за другой. Первым испытанием для отношений России, с одной стороны, и США и Европы – с другой, стала так называемая «пятидневная» война с Грузией в августе 2008 года. В развязывании этой войны была обвинена Россия. Потребовался год, чтобы доказать, что виновницей этой авантюры была Грузия. Специально созданная Евросоюзом комиссия по расследованию причин трагических событий 2008 года на Кавказе, названная европейцами «Миссией правды», во главе с дипломатом Хайди Тальявини, представила в Брюсселе доклад, в котором была доказана вина Тбилиси в разжигании вооруженного конфликта на Кавказе. Но если о вине России в августе 2008 года громко кричали многие мировые СМИ, то о выводах комиссии Тальявини информация прошла почти незаметно. Общественное мнение трудно подвергается изменениям и многие европейцы до сих пор считают виновницей в событиях лета 2008 года Россию, а те, кто желает быть обманутым, в этом утверждении даже упорствуют¹⁵.

За последние годы отношения между Россией и англосаксонскими странами неизменно ухудшались на фоне произошедших в разных регионах мира трагических событий, виновницей которых стали США со своими ближайшими союзниками. В целом ряде стран (Молдавия, Киргизия, Тунис, Египет, Сирия, Венесуэла) прокатилась волна цветных революций, разгромлены Ливия и Ирак, идет многолетняя гражданская война в Сирии.

Разработанный американцами сценарий по насильственной смене политического режима был использован США и их союзниками в 2003 году в Ираке. Используя надуманный предлог о наличии в Ираке оружия массового поражения и вопреки решению Совета Безопасности ООН, США и Англия вторглись в страну, свергли режим С. Хуссейна (сам он был впоследствии казнен) и развязали гражданскую войну в стране, которая считалась одной из наиболее успешных на Ближнем Востоке. Президенту Саддаму Хуссейну удавалось длительное время проводить эффективную политику сдерживания агрессивных устремлений представителей разных религиозных течений и обеспечивать многолетний мир в своей стране. Вряд ли удалось добиться столь быстрой победы над армией Саддама Хуссейна в Ираке, если бы не заранее проведенная информационная подготовка и должным образом сформированное общественное мнение в этой стране с помощью телевизионных СМИ. Наибольших успехов в деле манипуляции общественным мнением достиг круглосуточно вещающий на все

¹⁵ См. подробнее: *Марков Е.А.* Проблемы ЕС в отражении российских СМИ // Ученые записки Череповецкого государственного университета. 2015. № 1. С. 69–72.

страны мира американский канал CNN. Репортажи журналистов этого канала отличаются реалистичностью подачи материалов, снимаются с нескольких камер с целью создания эффекта присутствия зрителя на месте события, получаемая аудиторией картинка сопровождается минимумом комментариев и обобщений. Такие методы являются весьма эффективными и позволяют обеспечивать манипулирование общественным мнением.

В 2011 году объединенная коалиция вооруженных сил НАТО испытала свою военную мощь, свергнув политический режим в еще одной ближневосточной стране. На этот раз объектом для атаки стала Ливия. Успешная операция американцев и их союзников по свержению политического режима Муамара Каддафи не привела, как планировалось, к успеху в деле устройства в этой стране демократии. Наоборот, страна погрузилась в хаос в результате развязанной гражданской войны, а итогом операции стран коалиции стал миллион погубленных жизней. Сегодня Ливия – это страна, охваченная гражданской войной и потерявшая свою государственность и суверенитет. И вновь, как и в других подобных случаях, военная операция заранее сопровождалась обработкой общественного мнения этой страны. Активную роль в этих и последующих событиях («арабская весна») сыграл созданный на деньги катарского эмира Хамад бин Халиф ат-Тани круглосуточный информационный телеканал «Аль-Джазира», который, совокупно с CNN, обеспечил информационное воздействие на население и других арабских стран, таких, как Сирия, где тоже была развязана гражданская война, разделившая страну на сторонников президента Башара Асада и оппозиционеров, вскормленных, прошедших боевую подготовку и обеспеченных оружием не без помощи США и ее союзников.

В некогда процветающей Сирии события пошли вопреки заранее спланированному сценарию. Цель развязывания гражданской войны в этой стране была все той же – свержение законного политического режима, но события приобрели другой оборот. На территории Сирии (и частично в Ираке) обосновались террористы, вышедшие из-под контроля западной коалиции стран и задумавшие создать радикальное исламское государство (ИДЛИБ, затем ИГИЛ), быстро превратившееся в угрозу для всего остального мира. В войну с террористами ИДЛИБ вступил альянс из 60 государств, которым руководит США. Но борьба с радикалами оказалась малоэффективной, и террористы захватывали все новые и новые территории, зарабатывая деньги на продаже нефти и исторических ценностей, в изобилии находящихся в имеющих долгую историю Ираке и Сирии. Россия оказала поддержку правящему режиму Башара Асада, направив в эту страну свою авиацию, военных специалистов и современное высокоточное оружие. Благодаря помощи России, правительственные войска Сирии в настоящее время почти полностью освободили территорию своей страны от террористов.

Но вот как трактуют западные издания успехи России в борьбе с ИГИЛ в Сирии. Английская газета “Guardian” после объявления о выводе части российских вооруженных сил из Сирии написала следующее: «...большинство российских авиаударов были направлены не против ИГИЛ, ...ослабляя сирийских повстанцев, Россия играла этой организации на руку террористам. ИГИЛ не только не разгромлено, но и сумело продвинуться вперед, в особенности в окрестностях Алеппо»¹⁶. А вот еще одна фраза из этого же издания: «...действия России привели к смерти дополнительных нескольких сотен мирных жителей и, скорее всего, усилили ИГИЛ»¹⁷. И уж совсем циничным выглядит следующее утверждение: «Г-н Путин любит создавать впечатление, что его действия в Сирии были хорошо продуманы. Однако их результаты выглядят зловещими и гибельными». Читатели уважаемой английской газеты "Guardian" наверняка никогда не прочтут выдержки из Доклада¹⁸, представленного международной правозащитной организацией Amnesty International, который посвящен так называемому «освобождению» сирийского города Ракка коалицией, возглавляемой США. «Одним из главных выводов 70-страничного документа под названием «Война на уничтожение» стало то, что удары коалиции во главе с США нарушили международное гуманитарное право и, возможно, даже привели к военным преступлениям. Активисты этой организации уверены, что действия союзников были «несоразмерными» и «неизбирательными» и привели к ранению и смерти тысяч мирных жителей. Заявления западных военных о крайне малых жертвах среди гражданского населения, по словам правозащитников, «не выдерживают критики <...> Правозащитники утверждают, что силы коалиции наносили удары даже по тем районам, где, как они знали, в ловушке оказались гражданские лица»¹⁹.

Сотни тысяч убитых сирийцев, разрушенные города и деревни, разбомбленная инфраструктура – вот последствия гражданской войны, развязанной в Сирии, и вооруженного вмешательства сил так называемой международной коалиции, возглавляемой США, находящейся на территории этой страны незаконно, вопреки нормам международного права. Показательно то, что последствия от событий на Ближнем Востоке докатились и до Европы, которую захлестнули волны беженцев, спасающихся от войны. Европейские страны наказали сами себя, поддержав политику США.

¹⁶ Действия России в Сирии привели к усилению ИГИЛ. URL: <http://politrussia.com/world/inostrannye-smi-deystviya-851/> (Дата обращения 08.06.2018).

¹⁷ Там же.

¹⁸ War of annihilation. Amnesty International. URL: <https://www.amnesty.org/download/Documents/MDE2483672018ENGLISH.PDF>

¹⁹ Коалиция нарушила международное гуманитарное право при освобождении Ракки. URL: <https://www.eg.ru/society/545123/>

Казалось бы, что то губительное вмешательство альянса западных стран в ход исторического и социально-экономического развития стран и целых регионов должно закончиться, по крайней мере, формированием в международном сообществе позиции осуждения незаконного вмешательства одних стран в дела других стран, попыток свержения политических режимов, приводящих к войнам и хаосу и становящихся причиной появления в мире новых вызовов и угроз. А уж демократические СМИ наиболее развитых государств, хвастающие своей независимостью, должны были резко осудить ошибочную внешнюю политику своих правительств. Но на самом деле все не так. Запятнанные репутации западных стран быстро подверглись очистке, а средства массовой информации сформировали общественное мнение таким образом, как будто все эти действия были единственно верными.

Технологии устройства политических переворотов давно уже и хорошо отработаны²⁰. Классическим примером организации такого рода переворота является государственный переворот, совершенный на Украине в феврале 2014 года. Насильственная смена власти на Украине была поддержана такими странами, как США, Польша, Германия, Франция. Президент РФ Владимир Путин открыто и неоднократно заявлял об этом на международных форумах: «Евросоюз и США не пожелали разобраться в подоплеке политического кризиса на Украине и поддержали силовой захват власти в стране»²¹. Министр иностранных дел России Сергей Лавров вообще назвал свержение законно избранной власти на Украине «позором Европы»²².

Активную роль в осуществлении государственного переворота на Украине сыграли западные СМИ, которые по большей части единодушно поддержали представителей радикальных и националистических сил, пришедших к власти. О таком перекосе в отражении событий говорят даже сами западные политики. К примеру, представитель страны, которую трудно обвинить в приязни к России, экс-глава МИД Литвы, представитель ЕС в РФ Вигаудас Ушацкас заявил в 2014 году литовской газете "Kauno diena", что «Литовским СМИ не хватает сбалансированной информации о России. Очень много негативной информации, но недостаточно сбалансированного объективного мнения»²³. По словам этого дипломата, в литовских изданиях также недостаточно информации об ук-

²⁰ Мир находится на грани открытого противостояния, считает Бордюжа. URL: <https://ria.ru/world/20140616/1012225737.html> (Дата обращения 09.02.2018).

²¹ Путин: ЕС и США поддержали государственный переворот на Украине. URL: <https://www.discred.ru/2017/06/15/putin-es-i-ssha-podderzhali-gosudarstvennyj-perevorot-na-ukraine/> (Дата обращения 09.03.2018).

²² Лавров назвал переворот на Украине европейским позором. URL: <https://lenta.ru/news/2018/01/21/pozor/> (Дата обращения 09.02.2018).

²³ Посол ЕС в РФ: Литовским СМИ не хватает объективной информации о России. РИА-Новости. URL: <https://ria.ru/world/20141103/1031573139.html> (Дата обращения 14.03.2018).

раинских процессах и событиях. «Мы не можем свалить все на одну Москву в связи с конфликтом на Украине», – сказал Ушацкас.

Еще одно издание, выходящее в стране, которая проводит антироссийскую внешнюю политику, а именно – польское издание "Obserwator Polityczny" пришло к выводу, что упреки многих западных СМИ в адрес российских журналистов о лжи и наличии агрессивной «кремлёвской пропаганды» несостоятельны, поскольку такие каналы как RT и «Россия 24», по мнению польских представителей масс-медиа, сообщают об украинском кризисе ту самую правду, «которая неужодна Брюсселю и Вашингтону и которую нельзя найти в западной прессе»²⁴.

Конечно, США со своими союзниками на свой лад оценивают события, происходящие в мире. А действующие политики, безусловно, будут оправдывать внешнеполитический курс своих стран, заявляя о необходимости защиты национальных интересов. И, тем не менее, даже в американском истеблишменте есть представители, которые критикуют администрацию Президента США за вмешательство в дела других стран. К примеру, американский журналист Уэйн Мадсен в своей статье привел целый список тех стран, государственные перевороты в которых, по его мнению, проходили при участии и прямой поддержке Вашингтона²⁵. «Следует отправить господину госсекретарю²⁶ упаковку из 64 цветных карандашей – по одному на каждую революцию, подготовленную Вашингтоном со времен свержения Слободана Милошевича», – пишет Уэйн Мадсен. В своей статье Мадсен также раскрыл подоплеку той двуличности, которая присутствует в объяснениях представителей администрации США по поводу трактовки событий, инициаторами которых они сами и являлись: «Представители американских политических элит в процессе своего становления проходят "хорошую школу лицемерия", обучаясь в элитных учебных заведениях или работая в проправительственных аналитических центрах и некоммерческих организациях»²⁷. Это объяснение помогает нам понять, почему политики западных стран и западные СМИ частенько пытаются выдать черное за белое, а белое – за черное.

Способы и методы ведения современной информационной войны постоянно совершенствуются и претерпевают качественные изменения. Информационные

²⁴ Obserwator Polityczny: О том, как «лгут русские СМИ». URL: <http://russian.rt.com/inotv/2015-02-05/Obserwator-Polityczny-O-tom-kak> (Дата обращения 08.02.2018).

²⁵ Kerry Re-writes History of U.S. Support for Color Revolutions. URL: <https://www.strategic-culture.org/news/2015/03/06/kerry-re-writes-history-of-us-support-for-color-revolutions.html> (Дата обращения 09.02.2018).

²⁶ В то время госсекретарем США был Джон Керри.

²⁷ Kerry Re-writes History of U.S. Support for Color Revolutions. URL: <https://www.strategic-culture.org/news/2015/03/06/kerry-re-writes-history-of-us-support-for-color-revolutions.html> (Дата обращения 09.02.2018).

технологии и деятельность средств массовой информации сегодня являются едва ли не самым главным средством достижения своих политических целей отдельными государствами. При этом можно отметить, что разрушительная мощь информационно-психологического воздействия на общественное сознание постоянно увеличивается и становится крайне опасной для некоторых стран, которые становятся объектом такого противоборства. К сожалению, к числу таких стран относится и Россия.

Западные страны, контролирующие собственные средства массовой информации, освоили сегодня еще одно пространство, в котором ведутся информационные войны, – это спорт. «О спорт, ты – мир!» – с помощью этого лозунга в начале XX века Пьер де Кубертен стал восстанавливать олимпийское движение, основанное на благородном соперничестве спортсменов разных стран. Однако почти сразу же проведение Олимпиад стало использоваться в качестве инструмента воздействия на отношения между странами. Сегодня спорт – это вполне эффективное средство оказания политического давления и демонстрации своей политической мощи отдельными государствами.

Современная история демонстрирует множество примеров оказания политического давления одних стран на другие с помощью спортивных мероприятий. В арсенале таких средств – бойкоты соревнований, протесты, отстранения от участия в соревнованиях отдельных спортсменов, применение различных санкций в отношении национальных спортивных организаций и даже целых стран. Все подобные действия приводят к осложнению международной обстановки и, в конечном итоге, дестабилизируют политическую ситуацию в международном сообществе.

Россия с момента проведения у себя зимних Олимпийских Игр 2014 года стала мишенью для информационных атак со стороны европейских и американских СМИ. Проведение зимних Олимпийских Игр в Сочи сопровождалось множеством публикаций в западных СМИ, имевших негативный характер. Зарубежные издания писали о, якобы, неготовности олимпийских объектов, об отсутствии гарантий безопасности для болельщиков и спортсменов, вероятности проведения в этом городе террористических актов, жестких мерах и угрозах со стороны России по отношению к журналистам и активистам по правам человека, критиковали Россию за неразумную трату денег, использованных для подготовки и проведения Олимпиады.

Организовав мероприятие на высоком уровне и одержав безоговорочную победу в медальном зачёте, Россия частично нейтрализовала поток негативной информации, что позволило в некоторой степени укрепить имидж страны. Однако спустя некоторое время в декабре 2014 года немецкая вещательная компания ARD выпускает в эфир документальный фильм журналиста Хайо Зеппельта, в котором утверждалось, что Россия еще с советских времен активно ис-

пользует систему применения допинга спортсменами (вот откуда у русских такие достижения в спорте!). Под подозрение в создании и поддержке данной «системы» попали высокопоставленные спортивные чиновники. Фильм Хайо Зеппельта стал началом многолетней допинговой войны против России, участие в которой приняли и международные организации, имеющие отношение к спорту. Основываясь на материалах указанного фильма, Всемирное антидопинговое агентство создало так называемую независимую комиссию для расследования и проверки прозвучавших обвинений по отношению к России. Российские спортивные чиновники не были готовы к столь мощной информационной атаке и не сразу оценили масштаб отрицательных последствий, которые угрожали спортсменам и всему спортивному движению в стране. В результате кампании, развязанной Всемирным антидопинговым агентством (WADA) и поддержанном Международным Олимпийским Комитетом, олимпийские команды нашей страны выступали в усеченном составе и на летних играх в Рио-де-Жанейро в 2016 году, и на зимних – в Пхенчхане в 2018 году. Более того, по результатам дополнительной проверки допинг-проб российских спортсменов-олимпийцев Россия утратила неофициальное первое место в общем медальном зачете по итогам Олимпиады в Сочи из-за пересмотра результатов. На Олимпиаде в Пхенчхане команда России была вынуждена выступать не как национальная сборная, а в качестве сборной команды атлетов из России, что привело к запрету на использование нашей командой гимна РФ и национальной символики.

Казалось, что спортивная репутация России утрачена навсегда, но независимый Спортивный арбитражный суд (CAS) перед началом Олимпиады в Пхенчхане полностью оправдал 28 российских спортсменов и частично снял обвинения против 11 атлетов²⁸, что, кстати, позволило России вернуть первое место в медальном зачете по итогам Олимпиады в Сочи. Однако решение суда не изменило вердикта МОК об ограничениях против нашей команды.

В раздувании допингового скандала решающую роль сыграли западные СМИ, у которых эта тема была едва ли не самой главной. В качестве примера достаточно привести цитату из публикации газеты “Los Angeles Times”: «Многочисленные расследования и свидетельства указывают на то, что Россия тщательно подготовила и осуществила такую допинговую программу на зимней Олимпиаде в Сочи, чтобы добиться там хороших результатов. Десятки российских атлетов получали коктейль из трех запрещенных препаратов. А во время Игр российские сотрудники спецслужб подменяли анализы мочи с содержанием допинга на чистые образцы, открывая якобы защищенные от взлома пробирки. По ночам они передавали такие пробирки через отверстие в стене. ВА-

²⁸ CAS оправдал 28 российских спортсменов и восстановил их результаты на ОИ в Сочи. URL: https://rsport.ria.ru/olympic_games/20180201/1131876358.html

ДА также заявила, что российские чиновники не ограничились Играми в Сочи, а на протяжении многих лет проводили допинговую программу, подключив к ней 1 000 спортсменов из 30 видов спорта»²⁹.

В публикациях иностранных СМИ многократно отмечается преступный характер российского спорта. Самые расхожие фразы – это: «Действия спортсменов – вопиющие нарушения, масштабные и сложные обманы, жульническая афера, величайший допинговый трюк, монументальное жульничество, серьезные нарушения с применением грязных приемов. А российский спорт – это «грязный мир допингового жульничества» и «кузница кадров известных команд», где «преступность цветет пышным цветом», а заработанные награды – «грязные медали».

Подготовка к проведению в 2018 году в нашей стране Чемпионата мира по футболу также не обошлась без негативного фона, который создают западные масс-медиа. Так же, как и в преддверии Олимпийских Игр в Сочи, перед Чемпионатом мира по футболу иностранные СМИ осуждают Россию за неоправданно большие затраты на проведение мероприятия: «деньги текут рекой на строительство стадиона», «на подготовку к чемпионату российские власти потратили примерно 680 миллиардов рублей».

Важное место в статьях западных СМИ занимает тема российских футбольных фанатов, которые, по мнению журналистов, отличаются жестокостью и агрессивностью. Упоминается конфликт во Франции 2016 года: «Когда русские фанаты напали на английских фанатов в Марселе во время Чемпионата Европы два года тому назад, это было настоящее побоище»³⁰.

В некоторых материалах присутствует тема сравнения современной России с нацистской Германией, а предстоящее мероприятие – с Олимпиадой, проводившейся в Берлине в 1936 году. Хотя такое сравнение опасно для западных СМИ, потому что спортсмены многих европейских стран принимали участие в данной Олимпиаде, в то время как советские спортсмены в ней не участвовали вообще. Чтобы выяснить этот факт, достаточно заглянуть в Интернет.

Многократное повторение ярких образов, которые используют в своих материалах иностранные СМИ, – это попытка формирования у западной аудитории стереотипов о русских спортсменах как о мошенниках и обманщиках, о русском спорте – как о преступной системе. Агрессивность, неадекватное поведение и нерациональное восприятие реальности, внушаемость со стороны правительства – такими качествами наделяют русский народ авторы статей. Подобные образы прослеживаются в многочисленных публикациях. Таким обра-

²⁹ *Матер Виктор* (Victor Mater). Почему Россия едет на Олимпиаду? URL: <https://inosmi.ru/social/20180205/241372693.html>

³⁰ *Стрем Улу*. Путин решил, что Чемпионат мира должен пройти спокойно. URL: <https://inosmi.ru/social/20180603/242384656.html>

зом, издания настойчиво формируют в сознании аудитории образ русского человека, наделенного целым набором негативных черт, к которым следует относиться настороженно.

Результаты

Современная информационная или гибридная война – это агрессивное действие одной страны или целой группы стран по отношению к другим с применением не только военной мощи, но и целого набора других ресурсов (экономических, информационных, идеологических и др.), позволяющих оказывать массированное давление с целью влияния на поведение противника и достижения определенных целей. Если использование обычных вооружений и средств ведения военных действий странами по отношению друг к другу достаточно полно регламентировано международным правом (защита прав личности; право сторон выбирать средства и методы войны; запрет на применение оружия, способного нанести неправомерные разрушения или чрезмерные страдания людям; необходимость уважения и защиты прав раненых, больных, пленных и гражданских лиц; запрет на нападение на объекты, от которых зависит выживание гражданского населения; любые виды пыток и жестокого обращения с людьми, взятие заложников и т.д.), то современные информационные войны ведутся при полном отсутствии соблюдения международных правовых (которые еще и не разработаны) и морально-этических норм.

И, тем не менее, можно выделить ряд особенностей, существующих в информационном противоборстве:

1. Осуществление противоборства не в географическом, а в информационном пространстве. Примеры такого рода агрессии были приведены в нашей статье. В дополнение к информационному нападению с помощью интернет-ресурсов, размещенных вне досягаемости страны, подвергшейся нападению, могут использоваться и обычные способы ведения войны с помощью применения сил специальных операций и обычного оружия. В качестве примера можно привести Ливию, режим которой был свергнут с помощью сил специального реагирования западных стран и применения наемников из так называемых частных военных компаний (ЧВК).

2. Полное игнорирование странами, осуществляющими информационную агрессию, норм международного права и морально-этических норм. Приходится признать, что международное право сегодня не имеет законов и норм, регулирующих поведение стран в информационном пространстве.

3. Формирование образа страны-изгоя. С помощью односторонне подаваемой информации, усиленной за счет многократного повторения фейков объединенными информационными ресурсами, нападающие страны формируют

эмоционально насыщенный образ страны-изгоя, закрепляя его в массовом сознании международного сообщества.

4. Активное использование возможностей современных средств массовой информации, которые могут распространять негативную информацию одновременно на массовую аудиторию, используя специфические приемы, позволяющие манипулировать общественным мнением.

5. Установление контроля над деятельностью СМИ. Англосаксонские страны, убеждавшие весь мир в том, что масс-медиа должны быть независимы от власти, потому что их главная функция – распространение полной и объективной информации, в действительности установили контроль над деятельностью национальных СМИ, что позволяет использовать их в качестве мощного инструмента информационного воздействия.

6. Объединение усилий СМИ целого ряда стран для организации и проведения информационного воздействия на население. Причем распространение информации, имеющей пропагандистский эффект, проводится как на население своих стран, так и на аудиторию страны, избранной в качестве жертвы.

7. Использование политики «мягкой силы». Подготовка и проведение «цветных революций» в целом ряде стран были бы невозможны, если бы в этих странах не выросли новые поколения людей, воспитанных на западных ценностях, что стало результатом реализации политики «мягкой силы». Притягательность комфортных условий жизни в западном мире настолько сильна, что заставляет молодежь отказываться от традиционного уклада. Трагедия заключается в том, что молодежь, которая становится движущей силой революционных преобразований, получает в итоге не обещанные западные стандарты жизни, а скатывание страны в гражданскую войну.

8. Идеологическое разложение и девальвация традиционных моральных ценностей, позволявших населению страны быть сплоченной нацией. В результате информационной агрессии населению подвергшейся атаке страны навязываются новые идеологические и моральные установки. Примером такого замещения традиционных ценностей является Япония, которая после окончания второй мировой войны была встроена в стандарты, навязанные США.

9. Скрытность проявления агрессивных действий в информационном пространстве. То есть население страны, ставшей жертвой информационного воздействия, может даже не подозревать, что страна подвергается информационной атаке, а внедренные в общественное сознание новые установки заставляют подчиниться агрессору и даже добровольно помогать ему.

Россия как великая держава, обладающая несметными природными богатствами, занимающая выгодное географическое положение (мост между Европой и Азией), имеющая значительное население (привлекательный рынок сбыта) является весьма заманчивым объектом для информационных войн. К тому

же Россия является проводником новой концепции мироустройства, которая основана на понимании необходимости существования многополярного мира, позволяющего выстраивать отношения с другими странами на равноправной, справедливой и взаимовыгодной основе. Обладая всеми этими качествами, наша страна, по мнению наиболее развитых западных стран, – потенциальный противник, для ослабления возможностей которого все средства хороши. Россия должна учитывать все угрозы и вызовы современного мира, чтобы обеспечить национальную безопасность в полном объеме и для себя, и помочь в этом своим союзникам.

Introduction

Modern political processes currently taking place in the international community are dynamic, turbulent and are often accompanied by the formation of new challenges and threats for those participating in the international relations. As Russian Foreign Minister Sergey Lavrov noted, “The main feature of the current situation is the rapid changes in all spheres of international life”¹. Of course, the main reason for accelerating speed of the political processes is globalization, and they were initiated by the highly developed countries in order to preserve and consolidate the world order where the leading countries consolidate their technological and economic superiority and strengthen their political influence in the world. However, this could not continue forever, as many new centres of power appeared. Those are other countries wishing to establish partnership-based relations on the equal, fair and mutually beneficial basis. Therefore, two concepts for the future development of relations in the international community have eventually collided: the theory of the unipolar world order and the theory of the multipolar one. The first concept implies domination of one superpower – the United States – trying to control all political processes taking place in the world. Countries that support policies in accordance with the second concept intend to build reasonable relationship among themselves, which implies a higher level of trust and security in the relations between different states. Supporters of the first concept are the ‘Anglo-Saxondom countries’ that has been benefiting from their domination for several centuries. It goes without saying, the main beneficiary is the United States. The concepts of the multipolar world are

¹ S.V. Lavrov, “Historical perspective of Russia's foreign policy”, http://www.mid.ru/web/guest/foreign_policy/news/-/asset_publisher/cKNonkJE02Bw/content/id/2124391 (accessed: 20.05.2018).

shared by Russia, China, India, Brazil and a number of other states. Taking into account the rising trend in the international community to include an increasing number of national 'actors' supporting the concept of the multipolar world, the countries of the 'Anglo-Saxon world' included to their arsenal the means to preserve their dominance in addition to those means that previously would be considered unacceptable. One of them would be an information war, the methods of which are widely used today by 'the Anglo-Saxon Union' in confronting countries conducting their independent foreign and domestic policy. Today, the main object of such a confrontation is Russia. There is an actual justification for this, but we will dwell on this in our work later, because, first of all, it is necessary to find out the origin of the term 'information war' itself.

Background and scope:

The term 'information war' was first mentioned in 1976 by the American scientific adviser Thomas Ron in the report 'Weapons systems and information war' compiled by the author for the company 'Boeing'. The author stressed that it was the information infrastructure that became key element of the American economy. At the same time, it can be a vulnerable target for an attack, both during peacetime and during wartime².

Quite soon, this term began to be used not only among the military and security specialists, but was also included into the research lexicon. Thus, the term 'information war' and the phenomenon presented by this term became a political concept, relevant for use both in journalistic and scientific texts. This happened due to the fact that at the turn of the 20th and 21st centuries, qualitatively new ways of working with information appeared, whilst information itself acquired strategic importance as a new weapon of war³.

Today, we can speak about the informational confrontation that includes an increasing number of countries. This means that the informational confrontation has become a stable phenomenon of the world political system. Military means of information, being in demand in the modern world, acquire new features every decade, bringing possibilities of information wars to an ever-higher level. These means are not less effective than the traditional types of weapons. On the contrary,

² D.G. Desyaev, "The policy of confrontation in the media: Russia and the United States", *Ogaryov-Online*, no. 7 (2016), <https://cyberleninka.ru/article/n/politika-protivostoyaniya-v-smi-rossiya-i-ssha>(date of access: 15.05.2018).

³ D. Belyaev, *Devastation in the minds. Information war against Russia* (St Petersburg, 2014), 21.

they surpass the traditional types of weapons in terms of their effectiveness and the devastating consequences they may bring⁴.

Trying to formulate the best universal definition of such a concept, researchers still cannot come to a mutual opinion, since each of them notes those features that they see and that they would like to empathize. This can be explained by the fact that the phenomenon we are describing at the moment, is based on the term 'information', which itself has a very wide meaning affecting many public spheres.

Let us note that the very phenomenon of the information confrontation is not something new for the mankind. However, until the term 'information war' appeared, it was interpreted simply as propaganda. Methods of the moral corruption of the enemy through propaganda, disinformation, and intimidation have been known since ancient times. They were and remain a special weapon in the arsenal of all wars. As an example, in the work of Herodotus 'History', it was noted that during the Greco-Persian wars, Persia, suppressing the insurrection in the Ionic cities located in Asia Minor, intended to strike at Athens and Sparta, which refused to submit to the Persian king Xerxes. Xerxes gathered a large army, which included, among others, Greeks from poleis in Anatolia. The Athenians carved on the rocks inscriptions of the following content: "Ionians! You do it unfairly by going to war with your ancestors and helping the barbarians to enslave Hellas. Come to our side!"⁵

Talking about the Russian experience of military operations, we can remember the great commander Alexander Suvorov who actively used the skills of psychological war in order to raise the morale of his soldiers. "During the last campaign, the enemy's losses equalled seventy-five thousand, which is comparable to one hundred thousand. They fought skilfully and desperately, but we did not lose even one thousand of our people. Here, brothers, is what military training means!" he wrote in his book 'The Science of winning!'⁶

During the First World War, P. G. Warburton, the English specialist in the psychological impact on the enemy wrote that "... the armed clash of armies is only one means [of war]. Of particular importance in the confrontation of the fighting parties is the psychological impact on the enemy, the desire, one way or another, to shake the faith of the enemy in the rightness of the ideas they defend, and in the belief in the future victory"⁷.

⁴ E.S. Larina, and V.S. Ovchinsky, "New US military strategy and behavioural wars", *World politics: Old problems and new challenges*, no. 13 (2015): 137.

⁵ Pavel Danilin, "Propaganda from ancient times to the present day", <http://www.liberty.com/columns/Professiya-propagandist/Propaganda-s-drevnejshih-vremen-do-Pervoj-mirovoj-vojny.-CHast-I>

⁶ Ibid.

⁷ *Military propaganda during the Great Patriotic War*. <http://www.otvoyna.ru/statya44.htm>

The modern concept of 'information war' includes a whole set of techniques and methods of influencing the enemy, which includes not only different means of moral or psychological pressure, but also confrontation in the information systems used today, without exaggeration, in all spheres of human society. Russian researcher S. Rastorguev concentrates his attention exactly on this fact, proposing his own version of the concept 'information war'. "Information war consists of actions taken to achieve information superiority in providing national military strategy by influencing the information and information systems of the enemy with simultaneous strengthening and protection of our own information and information systems", Rastorguev writes⁸.

In fact, the arsenal of resources that can be used in such informational confrontation is constantly being developed. Today, it is already possible to classify them as economic sanctions against certain countries (including Russia), the purpose of which is to weaken the country economically and to slow down its development.

A powerful means of any informational war today is also the activity of the mass media that, combining their abilities, can use the so-called informational power against a country identified as an enemy, or a rogue country, with a certain aim of initiating negative political processes in the given country and, ultimately, even changing the political regime in it. One of the tasks of joint informational attacks is the formation of a world public opinion in the required context. Examples of such coordinated actions will be also given in our work.

Taking into account the scope of the concept 'information war', we can propose the definition, which, in our view, in the best possible way to describe the essence of the phenomenon under our consideration. "Information war is a war aimed to seize raw, energy or human resources of another country with the help of influence on the minds of people of the country under aggression in terms of ideology, religion, politics, history, philosophy and science, deliberately introducing false ideas about what is happening in the society, in the lives of people, thus allowing the aggressor to freely manipulate both the government and the people of this country and to capture resources with almost no resistance, i.e. without armed intrusion"⁹.

We also offer our own definition, which, in our opinion, is even more capacious. *A modern information war or a hybrid war is an aggressive action of one country or a whole group of countries in relation to other countries with the use not only of military power, but also of a whole set of other resources (economic, ideological, information resources, etc.) that allow applying massive pressure in order to influence the behaviour of the enemy and in order to achieve certain goals.*

⁸ S.P. Rastorguev, *Information confrontation in models and tasks* (Moscow: URSS, 2017): 54.

⁹ A.B. Zinchina "On the theory of information wars", *City. Culture. Civilization*, no. 4 (2014): 62.

Materials and Methods:

Without exaggeration, Russia is currently object of the information war, which is being waged against it by 'the Anglo-Saxon' bloc of countries. Initially, the reason for starting these incessant and increasingly intensifying information attacks on Russia by Western countries was the speech of Vladimir Putin on 10th February 2007 at the Munich Security Conference. At the time, the Russian president said that "...the Russian Federation is a country with more than a thousand-year old history, and almost always it enjoyed the privilege of pursuing an independent foreign policy. We are not going to change this tradition today"¹⁰. In his speech, Vladimir Putin also severely criticized the US foreign policy for unjustified use of force against other sovereign states and the imposition of its views on the organization of the world political system in the form of the unipolar world where the United States currently dominate, gaining individual one-sided benefits.

The reaction of Western politicians who heard Vladimir Putin's speech was exactly as expected. As an example, the US Senator from the Democratic Party, Joseph Lieberman, said that "... Putin's speech was provocative and had a strong odour of the Cold War"¹¹. Representatives of the Republican Party of the United States reacted even more sharply. The influential American newspaper 'The Washington Post', which is believed to express the opinion of the ruling elite of the Republican Party, explicitly called President Putin a hypocrite and an insolent person, who openly interferes in the affairs of neighbouring countries, and an energy blackmailer¹².

After some time, Western politicians' assessments became more balanced. For example, the columnist for 'The New York Times', Thomas Friedman, said that "... the Americans themselves provoked Moscow's wrath, it was not necessary to move NATO eastwards in violation of old agreements"¹³. Former US Secretary of Defence William Cohen said on one of TV channels that "at the moment, Russia simply feels that it is treated without respect, despite its greatness <...>and there is only one recipe here – there should be more contacts, meetings, and negotiations with Moscow"¹⁴.

However, these statements did not play the leading role. The vector of attitude towards Russia has been already set, and among Western politicians, the opinion began to form that Russia yet again intends to achieve implementation of its long-

¹⁰ *The Munich speech of Vladimir Putin on 10.02.2007*, <http://introvertum.com/myunhenskaya-rech-vladimira-putina-10-fevralya-2007-goda-stenogramma-polnyiy-tekst/> (accessed: 05.02.2018)

¹¹ Pavel Chernomorsky, *The Munich dialect. How the West reacted to Putin's speech*, <http://www.globalrus.ru/column/783665/>(accessed: 05.02.2018)

¹² Ibid.

¹³ Ibid.

¹⁴ Ibid.

standing imperial ambitions, resulting in the persuasive thought that Russia should be stopped. It is this opinion that prevailed in the media of the leading countries in the West. Vladimir Putin's speech in Munich was the beginning of a new 'cold' (information) war and, as a result, the beginning of chilling Russia's relations with its Western partners, who wanted to see Vladimir Putin's words as a new threat from the unpredictable Russia.

An important role in the process of separation of the points of view on various international problems between Russia and Western countries is played by the mass media, which, in fact, do not always fulfil their main task – to provide their citizens with objective and complete information. Confirmations that the Western media, whilst supporting the policies of their governments, forget about the principles of objectivity and completeness in the coverage of events are uncountable.

Already during the invasion of Yugoslavia in 1999, the main task in the context of the informational war against this country was to provide international support for the actions of the United States and the North Atlantic Treaty Organization (NATO). To achieve this goal, a number of structures were involved: the US State Department, the US Information Agency (USIA) with its subordinate units (radio stations the Voice of America, Liberty, Free Europe), the CIA, and psychologists from the Pentagon. The materials of the USIA agency were promptly sent to various news agencies around the world, but interestingly, in the US, the distribution of USIA products was banned (probably because the information was unreliable, and the country's leadership did not want to get any accusations from political opponents and its media in bias). After the destruction of telecentres in Belgrade and Pristina, the inhabitants of Serbia found themselves in the 'information vacuum', which was already ready to be filled with the Voice of America radio station. The Americans set up the broadcast of their programs on the same radio frequencies as those of Serbian television, including the broadcast directly from the aircraft belonging to the Psychological operations (PSYOP) of the US Armed Forces. The US military did not forget about the old, time-tested means of the psychological war, having scattered more than 22 million leaflets in which appeals were made to the citizens of the country to oppose President Milosevic, saying that this would contribute to the quick end of the war. Thus, the countries that were part of the NATO bloc and took part in the bombings of Serbia, used the information resources of their own countries, coupled with military intervention. And, before commencing this unauthorized operation (without the direct decision of the UN Security Council), and during the progress of this operation, and even after it had already ended, the NATO allies received powerful international support with regards to their actions through the media of various countries around the world.

The bombing of Serbia in 1999 was the first example of waging a hybrid war (when both the armed forces and the informational resources were used) by the

member states of NATO in Europe. However, we can say that it was just an episode, because the success of the NATO countries in the change of the political regime in Serbia caused the desire to continue to ensure their political domination in different regions of the world by using military force and accompanying military operations with the informational support in its various forms.

For some time, the leadership of Russia did not state any disagreement with the policy of domination in the world conducted by the United States, relying on the support of its allies. Such a statement, as already noted in our work, was voiced only in Munich in February 2007. The President of Russia was the first world leader to state that the international relations between countries can be built on completely different principles: equal and mutually beneficial cooperation, based not on fear of the military power of the most developed countries, but on mutual respect and trust. This concept was called the multipolar – or multi-pole – world and began to gain support from other countries, including China, India, Brazil, the South African Republic and a number of other states. Thus, Russia assumed the role of a leader in promoting this concept of the world order and took upon itself the anger and discontent with such a position on the part of ‘the Anglo-Saxon countries’. Exactly since that time, the Russian Federation has become the object of the informational war.

Attempts to ‘test’ the power of Russia followed one after another. The first test for Russia's relations, on one hand, and the US and Europe, on the other, was the so-called ‘five-day’ war with Georgia (Russo-Georgian War) in August 2008. Russia was accused of the outbreak of this war. It took a year to prove that Georgia was the culprit of this adventure. In Brussels, the commission specifically set up by the European Union to investigate the causes of the tragic events of 2008 in the Caucasus, called by the Europeans ‘the Mission of Truth’ and led by the diplomat Heidi Tagliavini, presented their report. According to this report, Tbilisi's guilt in provoking an armed conflict in the Caucasus was proved. It is interesting that many of the world's media loudly shouted about Russia's guilt in August 2008, whilst the information about the conclusions of the Tagliavini Commission was almost unnoticed. The public opinion is difficult to change, and many Europeans still consider Russia to be the culprit in the events of summer 2008, and those who want to be deceived even insist on this fact¹⁵.

In recent years, the relations between Russia and ‘the Anglo-Saxon countries’ have been consistently worsening against the background of tragic events in various regions of the world, with the United States and its closest allies as the culprit. In a number of countries, such as Moldova, Kirghizia, Tunisia, Egypt, Syria, Venezuela, a

¹⁵ See: E.A. Markov “Problems of the EU in Reflecting Russian Media”, *Uchenye zapiski (Memoirs) Cherepovets State University*, no. 1 (2015): 69–72.

wave of colour revolutions swept, Libya and Iraq were routed, and a long civil war in Syria is currently taking place.

The scenario developed by the Americans for violent change of political regimes was used by the United States and its allies in 2003 in Iraq. Using a far-fetched pretext about the presence of weapons of mass destruction in Iraq, and despite the decisions of the UN Security Council, the United States and Great Britain invaded the country, overthrew Saddam Hussein's regime (he himself was subsequently executed) and unleashed in this country a civil war that is still considered one of the most successful wars in the Middle East. President Saddam Hussein managed to pursue an effective policy of restraining the aggressive aspirations of representatives of different religious movements for a long time and ensuring a long-term peace in his country. It would hardly have been possible to win such a quick victory over Saddam Hussein's army in Iraq, had it not been for the previously conducted informational training and properly formed public opinion in this country with the help of television media. The greatest success in manipulating public opinion has been reached by the American channel CNN broadcasting around the clock all over the world. The coverages of the journalists of this channel differ in the realistic presentation of their materials. They are usually shot from several cameras in order to create the effect of presence for the viewer at the scene of the event, while the picture received by the audience is accompanied by a minimum of comments and generalizations. Such methods are very effective and allow successful manipulation of the public opinion.

In 2011, the united coalition of the armed NATO forces experienced its military power, overthrowing the political regime in another country in the Middle East. This time, the target for the attack was Libya. The successful operation of the Americans and their allies to overthrow the political regime of Muammar Gaddafi did not lead, as planned, to the success of building democracy in this country. On the contrary, the country plunged into chaos as a result of the unleashed civil war, as well as the result of the operation of the coalition countries was that a million lives destroyed and taken. Today, Libya is a country engulfed in the civil war. It has lost its statehood and sovereignty. And again, like in other similar cases, the military operation was accompanied in advance by the processing of the public opinion in this country. The 24-hour information channel Al Jazeera, created with the money of the Qatari emir Hamad bin Khalifa Al Thani played an active role in these and subsequent events (the 'Arab Spring'). Al Jazeera, together with CNN, provided an informational impact on the population of other Arab countries as well, such as Syria, where a civil war was also in progress, dividing the country into supporters of President Bashar Assad and oppositionists, developed, trained and provided with weapons, not without the help of the United States and its allies.

In Syria, once rich and prosperous, the events went against the pre-planned scenario. The goal of starting yet another civil war in this country was the same – the

overthrow of a legitimate political regime. However, the events took another turn. On the territory of Syria (and partly the territory of Iraq), the terrorists who had escaped the control of the Western coalition of countries set up a radical Islamic state (ISIS) and quickly turned into a powerful threat for the rest of the world. The alliance of 60 states led by the United States entered into the war with these terrorists. However, the fight against the radicals proved to be ineffective, and the terrorists seized more and more territories, earning money through the sale of oil and historical valuables that were in abundance in Iraq and Syria, countries with such a long history. Russia has supported the ruling regime of Bashar Assad, sending its aviation, military specialists and modern high-precision weapons to this country. Thanks to Russia's help, Syrian government troops have now almost completely freed their country from ISIS terrorists.

However, this is not how the Western periodicals interpret the successes of Russia in the fight against ISIS in Syria. After the announcement of the withdrawal of part of the Russian armed forces from Syria, the British newspaper 'The Guardian' wrote that "... the majority of Russian air strikes were directed not against ISIS, ...weakening the Syrian rebels, Russia acted for the sake of the terrorists. ISIS not just failed but managed to move forward, especially in the neighbourhood of Aleppo"¹⁶. And, here is another phrase from the same edition claiming that "... Russia's actions led to the death of additional several hundred civilians and, most likely, only increased ISIS"¹⁷. Another statement seems absolutely cynical saying that "Mr. Putin likes to give the impression that his actions in Syria were well planned. However, their results look ominous and disastrous". Readers of the respectable English newspaper 'The Guardian' will probably never read excerpts from the report¹⁸ presented by the international human rights organization 'Amnesty International', which is dedicated to the so-called 'liberation' of the Syrian city of Al-Raqqah by the coalition led by the United States. "One of the main conclusions of the 70-page document called 'War of Annihilation' was that the strikes of the coalition led by the United States violated the international humanitarian law and, perhaps, even led to the war crimes. The activists of this organization are sure that the Allied actions were 'disproportionate' and 'unselective' and led to the wounding and death of thousands of civilians. Statements by the Western military about extremely small number of civilian casualties, according to the human rights activists, "do not stand

¹⁶ *Russia's actions in Syria led to the strengthening of ISIS*, <http://politrussia.com/world/inostrannye-smi-deystviya-851> (accessed: 08.06.2018).

¹⁷ Ibid.

¹⁸ *War of annihilation. Amnesty International*, <https://www.amnesty.org/download/documents/mde2483672018english.pdf>

up to criticism...” <...> Human rights activists say that the coalition forces hit the terrorists even in those areas where they knew civilians were trapped”¹⁹.

Hundreds of thousands of Syrians killed, cities and villages destroyed, the infrastructure bombed – these are the consequences of the civil war started in Syria and of the armed intervention of the forces of the so-called international coalition led by the United States, of the coalition located on the territory of the country illegally and violating the norms of the international law. It is significant that the consequences of the events in the Middle East have also reached Europe, which was swept by waves of refugees fleeing the war. Thus, European countries punished themselves by supporting the policy of the United States.

It would seem that the malicious interference of the alliance of Western countries in the course of historical or social and economic development of other countries and entire regions should result in, at least, formation of the position in the international community condemning illegal interference of certain countries in the affairs of other countries, as well as condemning attempts to overthrow the political regimes leading to wars and chaos and being cause of emergence of new challenges and threats in the world. It seems that the democratic media of the most developed countries, boasting of their independence, had to sharply condemn the erroneous foreign policy of their governments. However, in fact, everything is different. The stained reputation of Western world countries was quickly cleared, and the media shaped the public opinion in such a way that all these actions were presented as the only possible course of actions.

Various technologies to arrange political coups d'état have long been well rehearsed²⁰. A classic example to arrange such a type of overthrowing a government is the coup d'état in Ukraine in February 2014. The violent change of power in Ukraine was supported by such countries as the United States of America, Poland, Germany and France. Russian President Vladimir Putin has openly and repeatedly stated this at different international forums, saying that “the European Union and the US did not want to understand the background of the political crisis in Ukraine and supported the seizure of power in the country”²¹. Russian Foreign Minister Sergei Lavrov generally called the overthrow of the legally elected authorities in Ukraine “a disgrace to Europe”²².

¹⁹ *The coalition violated international humanitarian law in the liberation of Al-Raqqah*, <https://www.eg.ru/society/545123/>

²⁰ *The world is on the verge of open confrontation, Boryuzhabelieves*, <https://ria.ru/world/20140616/1012225737.html> (accessed: 09.02.2018).

²¹ *Putin: The EU and the US supported the coup d'état in Ukraine*, <https://www.discred.ru/2017/06/15/putin-es-i-ssha-podderzhali-gosudarstvennyj-perevorot-na-ukraine/> (accessed: 09.03.2018).

²² *Lavrov called the coup d'état in Ukraine a European disgrace*, <https://lenta.ru/news/2018/01/21/pozor/> (accessed: 09.02.2018).

Western media also played an important role in the implementation of the coup d'état in Ukraine. The mass media of the Western world mostly totally supported the representatives of the radical and nationalist forces that came to power. Even Western politicians themselves reveal such distortion in the reflection of events. For example, the representative of a country that is difficult to blame for being in love with Russia, the former Lithuanian Foreign Minister, the EU representative in Russia, Vygaudas Ušackas, said in 2014 to the Lithuanian newspaper 'Kaunodiena' that "Lithuanian media lack balanced information about Russia. There is a lot of negative information, but not enough balanced objective opinion"²³. According to this diplomat, Lithuanian publications also lack information about Ukrainian processes and events. "We cannot put blame on everything in connection with the conflict in Ukraine on Moscow alone", Ušackas said.

Another periodical also published in the country that currently conducts the anti-Russian foreign policy, namely the Polish edition of 'Obserwator Polityczny', came to the conclusion that the accusations of Russian journalists connected with supposed lies and the presence of the aggressive 'Kremlin propaganda' by many Western media are very weak, since such channels as RT and 'Russia 24', according to Polish media representatives, report in relation to the Ukrainian crisis that the exact truth "that is unpleasant for Brussels and Washington and that thus cannot be found in Western press"²⁴.

It goes without saying, the United States of America and its allies measure the events taking place in the world according to their own personal point of view. And all the politicians, of course, will justify the foreign policy course of their countries, declaring the need to protect their national interests. Nevertheless, even among those in the American establishment there are representatives who openly criticize the functioning administration of the US President for interfering in the affairs of other sovereign states. As an example example, the American journalist Wayne Madsen mentioned in his article a list of those countries where coups d'états, in his opinion, took place with the direct participation and direct support of Washington²⁵. "You should send the Secretary of State²⁶ a package of 64 coloured pencils, one for every revolution that Washington prepared since the overthrow of Slobodan Milosevic", writes Wayne Madsen. In this article, Madsen also revealed the background of the

²³ *EU Ambassador to Russia: Lithuanian media lack objective information about Russia*, <https://ria.ru/world/20141103/1031573139.html> (accessed: 14.03.2018).

²⁴ *Obserwator Polityczny: On how "the Russian media lie"*, <http://russian.rt.com/inotv/2015-02-05/Obserwator-Polityczny-O-tom-kak> (accessed: 08.02.2018).

²⁵ *Kerry Re-writes History of U.S. Support for Color Revolutions*, <https://www.strategic-culture.org/news/2015/03/06/kerry-re-writes-history-of-us-support-for-color-revolutions.html> (accessed: 09.02.2018).

²⁶ At that time, John Kerry was the US Secretary of State.

duplicity obviously existing in the explanations of the representatives of the United States administration regarding the interpretation of the events initiated by themselves. He writes that “representatives of American political elites in the process of their development are going through a ‘good school of hypocrisy’, studying in elite educational institutions or working in pro-government think tanks and non-profit organizations”²⁷. This explanation helps us understand why Western politicians and Western media often try to give out black for white, and white for black.

The methods of conducting modern informational wars are constantly improving and undergo qualitative changes. Today, for many individual states, information technology and the media are perhaps the most important means of achieving their political goals. At the same time, one can note that the destructive power of the information-based and psychological impact on public consciousness is constantly increasing and becomes extremely dangerous for some countries that are becoming object of such confrontation. Unfortunately, Russia also belongs to the list of such countries.

Western countries that control their own media have mastered yet another space where informational wars are also taking place. In the early 20th century, Pierre de Coubertin began to restore the Olympic movement with the help of the slogan “O Sport, You Are Peace!” based on the noble rivalry of athletes from different countries. However, almost immediately the Olympics began to be used as an instrument for influencing relations between the countries. Today, sport is an effective means of applying political pressure and demonstrating political power by individual states.

Modern history has many examples of political pressure used by some countries on other countries with the help of different sporting events. In the arsenal of such means are boycotts of competitions, protests, exclusion from participation in competitions of individual athletes, application of various sanctions against national sports organizations and even entire nations. All such actions lead to deterioration of the international situation and, ultimately, destabilize the political situation in the international community.

Ever since hosting the 2014 Winter Olympics, Russia has become target for informational attacks by the European and American media. The Winter Olympic Games in Sochi were accompanied by a number of publications in the Western media that had a ‘vivid’ negative character. Foreign publications wrote about the alleged unavailability of Olympic facilities, lack of security measures for fans and athletes, the likelihood of carrying out terrorist attacks in the city, tough measures and threats from Russia in relation to journalists and human rights activists, as well as criticized

²⁷ *Kerry Re-writes History of U.S. Support for Color Revolutions*, <https://www.strategic-culture.org/news/2015/03/06/kerry-re-writes-history-of-us-support-for-color-revolutions.html> (accessed: 09.02.2018).

Russia for unreasonable waste of money used to prepare and conduct the 2014 Olympics.

Organizing the event at the highest possible level and winning an unrivalled victory in the medal standings, Russia partially neutralized the flow of negative information, which allowed to some extent strengthen the image of the country. However, a little bit later, in December 2014, the German broadcaster ARD presented a documentary by Hajo Seppelt, a journalist, who alleged that Russia has been actively using the system of doping by athletes since Soviet times (this is the reason the Russians have such outstanding achievements in sports!). High-ranking sports officials were suspected of creating and supporting this 'system'. Hajo Seppelt's film marked the beginning of the long-term doping war against Russia, which was also joined by the international organizations related to sport. Based on the materials of the film, the World Anti-Doping Agency (WADA) set up the so-called independent commission to investigate and verify the accusations against Russia. Russian sports officials were not ready for such a powerful informational attack and did not immediately assess the scale of the negative consequences that threatened athletes and the entire sports movement in the country. As a result of the campaign launched by WADA and supported by the International Olympic Committee (IOC), the Olympic team of this country performed in a cut composition also during the Summer Olympic Games in Rio de Janeiro in 2016, and in Winter Olympic Games in Pyeongchang in 2018. Moreover, according to the results of additional testing of doping samples of Russian Olympic athletes, Russia lost the unofficial first place in the overall medal standings at the end of the 2014 Olympics in Sochi due to revision of the results. At the Olympics in Pyeongchang, the Russian team was forced to act not as a national team, but as a team of Athletes from Russia, which led to a ban on the use by our team of the Russian national anthem and other national symbols.

It seemed that the reputation of Russia was lost forever, but the independent Court of Arbitration for Sport (CAS) fully justified 28 Russian athletes before the Olympics in Pyeongchang and partially dropped charges against another 11 athletes²⁸. As a result, this also allowed Russia to regain the first place in the medal standings at the end of the Olympics in Sochi. However, the decision of the court did not change the verdict of the International Olympic Committee regarding the restrictions against our team.

In the escalation of the doping scandal, the key role was played by the Western media that somehow covered this topic as the most important one. As an example, it is sufficient to quote the publication of the 'Los Angeles Times', which wrote that "numerous investigations and evidences indicate that Russia carefully prepared and implemented a doping program at the Sochi Winter Olympics in order to achieve

²⁸ CAS found 28 Russian athletes not guilty and restored their results at the Olympics in Sochi, https://rsport.ria.ru/olympic_games/20180201/1131876358.html

good results. Dozens of Russian athletes received a cocktail of three prohibited medicaments. During the Games, Russian special services also replaced the urine tests with the content for doping tests with clean samples, opening test tubes that were supposedly protected from hacking. In the night-time, they passed such test tubes through a hole in the wall. WADA also said that Russian officials did not limit themselves to the Olympic Games in Sochi, and over the years conducted a doping program that included 1,000 athletes from 30 sport disciplines”²⁹.

The publications of the foreign media repeatedly noted the criminal character of Russian sport. The most common phrases were “The actions of athletes - unashamed violations, huge and complex deceptions, dishonest scam, the greatest doping trick, monumental scam, serious violations using dirty tricks. The Russian sport is the “dirty world of doping scam” and the “source of manpower for famed teams”, where “crime blossoms in its magnificent colour”, and the earned awards are ‘dirty medals”.

Preparations for the 2018 World Cup in this country also could not go without the negative background created by the Western mass media. Just as in the run-up to the Olympic Games in Sochi, before the World Cup, the foreign media condemned Russia for unreasonably high costs for the event noting that “money flows as a river to build a stadium” as “the Russian authorities spent about 680 billion roubles to prepare the World Cup”.

An important place in the articles of Western media is also given to the topic of Russian football fans, who, according to the Western journalists, are famous for their cruelty and aggressiveness. The conflict in France in 2016 is also mentioned, when “the Russian fans attacked the English fans in Marseilles during the European Championships two years ago, which was a real battle”³⁰.

Some publications also went further to compare modern Russia with the Nazi Germany, and the forthcoming World Cup with the Olympics held in Berlin in 1936. Although this comparison is dangerous for the Western media, because athletes from many European countries took part in this Olympics, while Soviet athletes did not participate in the Olympics in Berlin at all. To find out this fact, it is quite enough to check this information on the Internet.

This constant repetition of such bright images used by the foreign media in their materials is a clear attempt to popularize among the Western audience the intended stereotypes about Russian athletes as scammers and liars, as well as about Russian sports as a criminal system. Aggressiveness, inadequate behaviour and irrational perception of reality, as well as susceptibility on the part of the government are the exact qualities given to the Russian people by various authors of such articles. Similar

²⁹ Victor Mater, “*Why Russia is going to the Olympics?*”, <https://inosmi.ru/social/20180205/241372693.html>

³⁰ Ole Strøm, “*Putin decided that the World Cup should go quietly*”, URL: <https://inosmi.ru/social/20180603/242384656.html>

images can be traced in numerous publications. Thus, the publications persistently form in the minds of the audience the image of an average Russian person endowed with a whole set of negative features, making this person someone who should be treated with caution.

Results and discussion:

A modern informational war or a hybrid war is the aggressive action of one country or a whole group of countries in relation to other countries with the use of not only military power, but also a whole set of other resources (economic, ideological, information resources, etc.) that allow applying massive pressure in order to influence the behaviour of the enemy and in order to achieve certain goals. Whilst the use of ordinary weapons and means of warfare by the countries in relation to one another is sufficiently fully regulated by the international law (protection of individual rights, the right of the parties to choose means and methods of warfare, prohibition of use of the weapons capable of inflicting undue destruction or excessive suffering to people, the need for respect and protection of the rights of the wounded, sick, prisoners and civilians, prohibition of attacks on objects on which the survival of the civilian population depends, any kind of torture and ill-treatment of people, hostage-taking, etc.), modern informational wars are conducted in the absence of any compliance with the international law (which has not yet been developed), and with any moral and ethical standards.

Nevertheless, we can distinguish a number of features that exist in the informational confrontation:

1. The confrontation is carried out not in the geographical, but in the informational space. Examples of this kind of aggression were given in our article. In addition to informational attacks with the help of Internet resources located beyond the country that has been attacked, conventional methods of warfare using special operations and conventional weapons can also be used. An example is Libya, whose regime was overthrown by Western special reaction forces and the use of armed force from the so-called private military companies (PMCs).

2. Complete disregard of any norms of international law and moral and ethical norms by the countries that apply such aggression. We have to admit that the international law today does not have any laws and norms regulating the behaviour of countries in the informational space.

3. Shaping the image of a rogue country. With the help of unilaterally submitted information reinforced by the repeated repetition of fakes by the combined information resources, the attacking countries shape an emotionally saturated image of rogue states, consolidating it in the mass consciousness of the international community.

4. Active use of capabilities of the modern media that can disseminate negative information simultaneously to the mass audience, using specific techniques that can manipulate the public opinion.

5. Establishment of government control over the activities of the media. The 'Anglo-Saxon countries' that persuaded the whole world that the mass media should be independent from the authorities because their main function is dissemination of full and objective information, in fact, established control over the activities of their national mass media, which makes it possible to use them as a powerful tool of information impact.

6. Combination of efforts of the media in a number of countries to organize and conduct information impact on the population. Moreover, dissemination of information that has a propagandistic effect is carried out both for the population of their own countries and for the audience of the country chosen as a victim.

7. Use of the policy of 'soft power'. The preparation and conduct of 'colour revolutions' operations in a number of countries would not be possible if new generations of people brought up using Western values did not grow up in these countries with what was the result of implementation of the 'soft power' policy. The appeal of comfortable living conditions in the Western world is so strong that it forces young people to abandon the traditional way of life. The tragedy is that young people, who become the driving force behind the revolutionary changes, are not ultimately getting the promised Western standards of life, whilst their countries 'slide' into the civil war.

8. The ideological decay and devaluation of traditional moral values, which allowed the population of the country to be a united nation. As a result of information aggression, new ideological and moral attitudes are imposed on the population of the country under attack. An example of this substitution of traditional values is for instance Japan that was built into standards imposed by the United States of America soon after the end of the Second World War.

9. The secrecy of aggressive actions in the information space. This means that the population of the country that has become a victim of information impact may not even suspect that the country is being put in danger of an informational attack, whilst new installations introduced into the public consciousness force to submit to the aggressor and even voluntarily help him.

Russia is a great power, possessing uncountable natural wealth, having an advantageous geographical position, being a bridge between Europe and Asia, having a large population that is also an attractive market. Thus, Russia is a very tempting object for informational wars. In addition, Russia is the 'conductor' of a new concept of the world order, which is based on the understanding of the need for the multi-polar world, which allows establishing partnership-based relations on the equal, fair and mutually beneficial basis. Possessing all these qualities, this country, in the opinion of

the most developed Western countries, is a potential enemy, to ease the capabilities of which all means are good. Russia must take into account all threats and challenges of the modern world in order to ensure the national security on full scale for itself, and also in order help its allies to achieve this difficult task.

Литература

Беляев Д. Разруха в головах. Информационная война против России. СПб.: Питер, 2014. 256 с.

Военная пропаганда во время Великой Отечественной войны. URL: <http://www.otvoyna.ru/statya44.htm>

Данилин Павел. Пропаганда с древнейших времен до наших дней. URL: <http://www.liberty.ru/columns/Professiya-propagandist/Propaganda-s-drevnejshih-vremen-do-Pervoj-mirovoj-vojny.-CHast-I>

Действия России в Сирии привели к усилению ИГИЛ. URL: <http://politrussia.com/world/inostrannye-smi-deystviya-851/> (Дата обращения 08.06.2018).

Десяев Д.Г. Политика противостояния в СМИ: Россия и США // Огарёв-Online. 2016. №7. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/politika-protivostoyaniya-v-smi-rossiya-i-ssha> (дата обращения: 15.05.2018).

Зинчина А.Б. К вопросу о теории информационных войн // Город. Культура. Цивилизация. 2014. № 4. С. 62.

Коалиция нарушила международное гуманитарное право при освобождении Ракки. URL: <https://www.eg.ru/society/545123/>

Лавров С.В. Историческая перспектива внешней политики России. URL: http://www.mid.ru/web/guest/foreign_policy/news//asset_publisher/cKNonkJE02Bw/content/id/2124391 (Дата обращения 20.05.2018).

Лавров назвал переворот на Украине европейским позором. URL: <https://lenta.ru/news/2018/01/21/pozor/> (Дата обращения 09.02.2018).

Ларина Е.С., Овчинский В.С. Новая военная стратегия США и поведенческие войны // Мировая политика: Старые проблемы и новые вызовы. 2015. №13. С. 137.

Марков Е.А. Проблемы ЕС в отражении российских СМИ // Ученые записки Череповецкого государственного университета. 2015. №1. С. 69–72.

Матер Виктор (Victor Mater). Почему Россия едет на Олимпиаду? URL: <https://inosmi.ru/social/20180205/241372693.html>

Мир находится на грани открытого противостояния, считает Бордюжа. URL: <https://ria.ru/world/20140616/1012225737.html> (Дата обращения 09.02.2018).

Мюнхенская речь Владимира Путина 10.02.2007 г. URL: <http://introvertum.com/myunhenskaya-rech-vladimira-putina-10-fevralya-2007-goda-stenogramma-polnyiy-tekst/> (Дата обращения 05.02.2018 г.).

Посол ЕС в РФ: Литовским СМИ не хватает объективной информации о России. РИА-Новости. URL: <https://ria.ru/world/20141103/1031573139.html> (Дата обращения 14.03.2018).

Путин: ЕС и США поддержали государственный переворот на Украине. URL: <https://www.discred.ru/2017/06/15/putin-es-i-ssha-podderzhali-gosudarstvennyj-perevorot-na-ukraine/> (Дата обращения 09.03.2018).

Расторгуев С.П. Информационное противоборство в моделях и задачах. М.: URSS, 2017. 303 с.

CAS оправдал 28 российских спортсменов и восстановил их результаты на ОИ в Сочи. URL: https://rsport.ria.ru/olympic_games/20180201/1131876358.html

Стрем Улу. Путин решил, что Чемпионат мира должен пройти спокойно. URL: <https://inosmi.ru/social/20180603/242384656.html>

Черноморский Павел. Мюнхенский говор. Как Запад отреагировал на речь Путина. URL: <http://www.globalrus.ru/column/783665/> (Дата обращения 05.02.2018).

Ditcher H.L., Johns A. Diplomatic Games: Sport, Statecraft, and International Relations since 1945 (Studies In Conflict Diplomacy Peace). Kentucky: University Press of Kentucky, 2014. 496 p.

Kerry Re-writes History of U.S. Support for Color Revolutions. URL: <https://www.strategic-culture.org/news/2015/03/06/kerry-re-writes-history-of-us-support-for-color-revolutions.html> (Дата обращения 09.02.2018).

Observer Polityczny: О том, как «лгут русские СМИ». URL: <http://russian.rt.com/inotv/2015-02-05/Observer-Polityczny-O-tom-kak> (Дата обращения 08.02.2018).

The Globe And Mail Welcome to hockey in the era of Trump; Russians make a point with rough rink win over U.S. URL: <https://www.theglobeandmail.com/sports/olympics/welcome-to-hockey-in-the-era-of-trump-russians-win-rough-rink-war-with-us/article38018098/> (дата обращения: 03.06.2018).

War of annihilation. Amnesty International. URL: <https://www.amnesty.org/download/Documents/MDE2483672018ENGLISH.PDF>

References

Belyaev, D. *Razrukha v golovakh. Informatsionnaya voina protiv Rossii* [Devastation in the minds. Information war against Russia]. St Petersburg: Riter, 2014. 256 p. (in Russian)

CAS found 28 Russian athletes not guilty and restored their results at the Olympics in Sochi. https://rsport.ria.ru/olympic_games/20180201/1131876358.html (in Russian)

Chernomorsky, P. *The Munich dialect. How the West reacted to Putin's speech.* <http://www.globalrus.ru/column/783665/>

Danilin, P. *Propaganda from ancient times to the present day.* <http://www.liberty.com/columns/Professiya-propagandist/Propaganda-s-drevnejshih-vremen-do-Pervoj-mirovoj-vojny.-CHast-I> (in Russian)

Desyaev, D.G. "The policy of confrontation in the media: Russia and the United States", *Ogaryov-Online*, no. 7 (2016). <https://cyberleninka.ru/article/n/politika-protivostoyaniya-v-smi-rossiya-i-ssha> (date of access: 15.05.2018) (in Russian)

Ditcher, H.L., and A. Johns. *Diplomatic Games: Sport, Statecraft, and International Relations since 1945 (Studies in Conflict Diplomacy Peace)*. Kentucky: University Press of Kentucky, 2014. 496 p.

EU Ambassador to Russia: Lithuanian media lack objective information about Russia. RIA-Novosti. <https://ria.ru/world/20141103/1031573139.html> (date of access: 14.03.2018) (in Russian) <http://www.globalrus.ru/column/783665/> (date of access: 05.02.2018) (in Russian)

Kerry Re-writes History of U.S. Support for Color Revolutions. <https://www.strategic-culture.org/news/2015/03/06/kerry-re-writes-history-of-us-support-for-color-revolutions.html> (accessed: 09.02.2018).

Larina E.S., and V.S. Ovchinsky, "New US military strategy and behavioural wars", *World politics: Old problems and new challenges*, no. 13 (2015): 137. (in Russian)

Lavrov called the coup d'état in Ukraine a European disgrace. <https://lenta.ru/news/2018/01/21/pozor/> (date of access: 09.02.2018) (in Russian)

Lavrov, S.V. *Historical perspective of Russia's foreign policy.* http://www.mid.ru/web/guest/foreign_policy/news//asset_publisher/cKNonkJE02Bw/content/id/2124391 (date of access: 20.05.2018) (in Russian)

Markov, E.A. "Problems of the EU in Reflecting Russian Media", *Uchenye zapiski (Memoirs) Cherepovets State University*, no. 1 (2015): 69–72. (in Russian)

Mater, V. *Why Russia is going to the Olympics?* <https://inosmi.ru/social/20180205/241372693.html> (in Russian)

Military propaganda during the Great Patriotic War. <http://www.otvoyna.ru/statya44.htm> (in Russian)

Obserwator Polityczny: On how "the Russian media lie". <http://russian.rt.com/inotv/2015-02-05/Obserwator-Polityczny-O-tom-kak> (accessed: 08.02.2018).

Putin: The EU and the US supported the coup d'état in Ukraine. <https://www.discred.ru/2017/06/15/putin-es-i-ssha-podderzhali-gosudarstvennyj-perevorot-na-ukraine/> (date of access: 09.03.2018) (in Russian)

Rastorguev, S.P. *Informatsionnoe protivoborstvo v modelyakh i zadachakh* [Information confrontation in models and tasks]. Moscow: URSS, 2017. 303 p. (in Russian)

Russia's actions in Syria led to the strengthening of ISIS. <http://politrussia.com/world/inostrannye-smi-deystviya-851> (date of access: 08.06.2018) (in Russian)

Strøm, Ole. *Putin decided that the World Cup should go quietly.* <https://inosmi.ru/social/20180603/242384656.html>

The coalition violated international humanitarian law in the liberation of Al-Raqqah. <https://www.eg.ru/society/545123/> (in Russian)

The Globe and Mail Welcome to hockey in the era of Trump; Russians make a point with rough rink win over U.S. <https://www.theglobeandmail.com/sports/olympics/welcome-to-hockey-in-the-era-of-trump-russians-win-rough-rink-war-with-us/article38018098/> (accessed: 03.06.2018)

The Munich speech of Vladimir Putin on 10.02.2007. <http://introvertum.com/myunhenskaya-rech-vladimira-putina-10-fevralya-2007-goda-stenogramma-polnyiy-tekst/> (date of access: 05.02.2018) (in Russian)

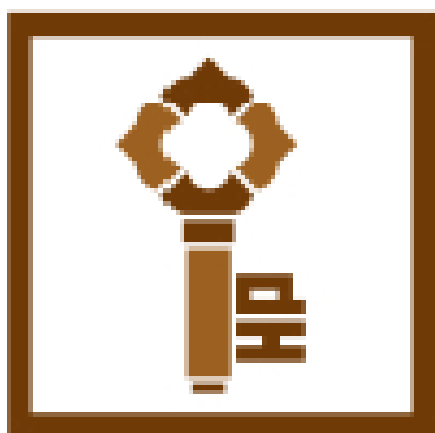
The world is on the verge of open confrontation, Boryuzha believes. <https://ria.ru/world/20140616/1012225737.html> (date of access: 09.02.2018) (in Russian)

War of annihilation. Amnesty International. <https://www.amnesty.org/download/documents/mde2483672018english.pdf>

Zinchina, A.B. "On the theory of information wars", *City. Culture. Civilization*, no. 4 (2014): 62. (in Russian)

HISTORIA

Provinciae

2018 · Vol. 2 · № 3

ИССЛЕДОВАНИЕ

RESEARCH

DOI 10.23859/2587-8344-2018-2-3-2
УДК 32:316.722

Онопко Олег Владимирович
Кандидат политических наук,
Донецкий национальный университет
(Донецк, Донецкая Народная Республика)
onopko.oleg@gmail.com

Onopko Oleg
Candidate of Political Sciences (PhD),
Donetsk national University
(Donetsk, Donetsk People's Republic)
onopko.oleg@gmail.com

Ландик Лариса Петровна
Донбасская юридическая академия
(Донецк, Донецкая Народная Республика)
lplandik@gmail.com

Landik Larisa
Donbass Law Academy
(Donetsk, Donetsk People's Republic)
lplandik@gmail.com

Политические мифы в избирательных кампаниях: структура, функции, виды*

Political Myths in Election Campaigns: Structure, Functions, Types

Аннотация. Статья представляет собой попытку теоретического анализа применения политических мифов в избирательных кампаниях. Авторами доказано, что отличительными характеристиками политического мифа являются телеологичность, политическая цель, осознанность мифотворцами и динамичность. Обосновано, что в условиях избирательной кампа-

* Для цитирования: Политические мифы в избирательных кампаниях: структура, функции, виды // *Historia Provinciae – Журнал региональной истории*. 2018. Т. 2. № 3. С. 50–86. DOI: 10.23859/2587-8344-2018-2-3-2

For citation: Onopko, O., and L. Landik. “Political myths in election campaigns: Structure, functions, types”. *Historia provinciae – The journal of regional history*, vol. 2, no. 3 (2018): 50–86, [https:// doi.org/ 10.23859/2587-8344-2018-2-3-2](https://doi.org/10.23859/2587-8344-2018-2-3-2)

© Онопко О.В., Ландик Л.П., 2018

© Onopko O., Landik L., 2018

нии мифы существуют в виде многоуровневой структуры, выполняют экспликативную, манипулятивную, мобилизационную и другие функции. Авторы пришли к выводу, что главная цель использования политических мифов в избирательных кампаниях – это выведение политического противостояния на чувственно-эмоциональный, а не рациональный уровень. Этому в равной степени способствуют все виды мифов: центральные, главные, персональные и другие.

Ключевые слова: политический миф, политическая мифология, избирательная кампания, политический актер, избирательный процесс, электорат.

Annotation. The article presents an attempt to perform a theoretical analysis regarding the use of political myths in election campaigns. The authors proved that the distinctive characteristics of a political myth include a teleological concept, certain political aims, full mythmakers' awareness and dynamism. It is rightly demonstrated that under the conditions, or as part of an election campaign, myths exist in the form of a multilevel structure, performing explicative, manipulative, convening and other functions. The authors concluded that the main goal of political myths in election campaigns is to bring political confrontation towards a sensual and emotional rather than a rational level, which is equally stimulated by all kinds of myths: central, main, personal, etc.

Keywords: a political myth, political mythology, election campaign, political actor, elections, electorate

Введение

Современные практики политической конкуренции, борьбы за государственную власть и электоральные настроения в значительной мере стимулируют политиков к активному применению в их коммуникации с обществом разного рода стереотипов, мифов, слоганов и лозунгов. Политические мифы, составляющие определяющий пласт информационного и манипулятивного обеспечения избирательных кампаний политических партий и отдельных кандидатов, являются не только результатами целенаправленной работы профильных специалистов (пиарменов, медиа-менеджеров, имиджмейкеров), но и зависят от политико-культурного пространства, ценностно-смысловых ориентаций, типа и особенностей политической ментальности общества. На современном постсоветском пространстве политические мифы стали неотъемлемой частью сопровождения и поддержки образов разнообразных акторов политики, которые, благодаря их использованию, стремятся заручиться доверием электората или дискредитировать конкурентов.

Принимая это во внимание, авторы преследовали цель – систематизировать и теоретически обосновать особенности структуры, функций и видов политических мифов в избирательных кампаниях. Для достижения поставленной цели был решён ряд исследовательских задач: определена степень изученности темы в англо-американском, российском и украинском политологических научных

дискурсах; выявлены отличительные черты политических мифов; как целостная система проанализирована политическая мифология избирательных кампаний; систематизированы функции политических мифов в избирательном процессе.

Основная часть

Эффективное исследование политического применения мифов в избирательных кампаниях невозможно без представления о тех научно-теоретических наработках, которые уже существуют в политологии относительно политического мифотворчества в целом. На западе одной из первых работ, в которой анализировались политические мифы, была статья М. Эдельмана «Миф, метафора и политический конформизм», в которой раскрывалась специфика приемов политического манипулирования, использовавшихся политиками в Европе и Америке в 1960х гг.¹ Дальнейшие наработки в этой сфере были сделаны Г. Тюдором² и Г. Кутберстоном³, которые одними из первых совершили попытки комплексного анализа политических мифов с позиций философии политики. В их работах исследована взаимосвязь политических мифов с политическими ритуалами и архаическими эпосами. В 1980-е гг. с восстановлением британского интереса к бывшим колониям (вследствие политики М. Тэтчер) возникло немало работ, посвященных политической мифологии в молодых государствах Африки и Азии. В частности Дж. Дей изучал политическую мифологию африканского национализма в Южной Родезии (ныне Зимбабве)⁴, Ст. Лоусон исследовала политические мифы Фиджи и стран Юго-Восточной Азии⁵. К. Флад изучал политические мифы как инструменты идеологии, в отличие от сакральных мифов, которыми пользуется религия. В своей работе «Политический миф. Теоретическое исследование» он уделил значительное внимание практическому конструированию и трансформации политических мифов и мифологем, теоретическому обоснованию политического мифотворчества⁶.

В США активные исследования политических мифов фактически начались в 1970е гг. Их типичной особенностью до сих пор является преимущественно практическая направленность. Это хорошо иллюстрируют работы Дж. Комбса,

¹ *Edelman M. Myths, Metaphors, and Political Conformity // Journal Psychiatry Interpersonal and Biological Processes. 1967. Vol. 30. Iss. 3. P. 217–228.*

² *Tudor H. Political Myth. London: Pall Mall, 1972.*

³ *Cuthbertson G. Political Myth and Epic. Chicago: East Lansing: Michigan State University Press, 1975. 384 p.*

⁴ *Day J. The Creation of Political Myths: African Nationalism in Southern Rhodesia // Journal of Southern African Studies. 1975. №2. P. 52–65.*

⁵ *Lawson St. The Myth of Cultural Homogeneity and its Implications for Chiefly Power and Politics in Fiji // Comparative Studies in Society and History. 1990. Vol. 32. No. 4. October. P. 795–821.*

⁶ *Flood C. Political Myth: A Theoretical Introduction. New York: London: Routledge, 2001.*

в которых автор концентрируется на «популярном политическом мифотворчестве», а именно на возможностях самостоятельного создания персональных политических мифов любыми политиками, начиная с местного уровня⁷. В последние годы появилась целая серия комплексных научных работ американских и европейских авторов по проблемам политического мифотворчества: «Философия политического мифа» Ч. Боттичи⁸, «Политический миф, мифология и Европейский Союз» В. Делла-Сала⁹, «Политический миф и дискурс-анализ в сфере безопасности» Дж. Ричардса¹⁰ и др. В них подробно раскрываются геополитические, философские, социально-антропологические, а также прикладные аспекты применения политических мифов в странах Запада.

Зарождение комплексного исследовательского направления, посвященного политической мифологии, в России началось в конце 1990-х гг. Среди современных российских политологов, изучающих политические мифы, С. Кара-Мурза, О. Малинова, О. Попова, С. Поцелуев, А. Цуладзе и др.

Бинарную типологию политических мифов («черные» и «светлые») предложил С. Кара-Мурза, он также определил исторические факторы их возникновения¹¹. По его мнению, политический миф, который введен в сознание людей и который смог там глубоко укрепиться, способен длительное время эффективно подменять собой политическую действительность. В результате потребитель воспринимает ее сквозь призму трактовки, что содержится в политическом мифе, и действует, исходя из этого восприятия. Имеющиеся в сознании людей политические мифы снимают с них необходимость критически осмысливать политическую жизнь. По С. Кара-Мурзе, человеку в таком состоянии уже не нужно познавать мир – он руководствуется уже существующей мифологической заготовкой. Чрезвычайно важным является тезис С. Кара-Мурзы об аксиологическом значении политических мифов. Он отмечает, что «даже под мощным политическим прессом люди не перестают жить частной жизнью. Всегда остается сфера личной свободы, противостоящей такому давлению. Современные политические мифы разрушают подобные ценности»¹².

Формы политических мифов, основы их взаимодействия были исследованы А. Цуладзе. Им впервые была сделана попытка проанализировать российскую

⁷ *Combs J.E.* Political Advertising as a Popular Mythmaking Form // *Journal of American Culture*. 1979. №2. P. 331–340.

⁸ *Bottici C.* A Philosophy of Political Myth. Cambridge: Cambridge University Press, 2007.

⁹ *Della Sala V.* Political Myth, Mythology and the European Union. 2010. January. Vol. 48. Iss. 1. P. 1–19.

¹⁰ *Richards J.* Political Myth and Discourse Analysis in Security // *Richards J.* Extremism, Radicalization and Security: An Identity Theory Approach. London: Palgrave Macmillan, 2017. P. 115–139.

¹¹ *Кара-Мурза С.Г.* Чёрный миф // *Русский дом*. 1999. №42. С. 99–104.

¹² *Кара-Мурза С. Г.* Манипуляция сознанием. М.: Эксмо, 2009.

политическую мифологию как целостную политическую систему¹³. А. Цуладзе, как и С. Кара-Мурза, рассматривает политические мифы, уделяя внимание их манипулятивной природе¹⁴. Ученый одним из первых в России предложил собственное определение политического мифа. По А. Цуладзе, это миф, который используется для реализации политических целей: борьбы за власть, легитимизации власти, осуществления политического властвования.

С позиций символической политики мифы изучают О. Малинова и С. Поцелуев. При этом особое внимание уделяется политическим мифам как продуктам политической практики элит, направленной на создание и укрепление собственной социальной реальности¹⁵; элементам исторической памяти¹⁶; средствам формирования политической идентичности¹⁷. Анализируя зарубежную политологическую традицию изучения символической политики, С. Поцелуев рассматривает политические мифы как продукт, создаваемый «и сверху, и снизу»: и правящими элитами, и народными массами. Он отмечает, что с помощью «своих устойчивых смыслов миф направляет страхи отдельного человека в общую перспективу ожиданий и надежд, отводит ему строго определенную роль в коллективном сценарии поведения, освобождает "Я" от индивидуальной ответственности за свое несчастное положение»¹⁸.

Отдельным направлением современных исследований политических мифов в России является изучение имперской политической мифологии. В этой сфере весомый вклад внесли такие политологи как Ю. Аксютин и Н. Шкурко. Работы первого касаются широко используемой в социально-гуманитарном знании и, как показывают примеры из современной общественной практики, обладающей значительным политическим потенциалом в условиях полиэтничности России категории «имперский этнос». Ю. Аксютиным приведены теоретико-методологические подходы к изучению категории «имперский этнос», а также проанализировано влияние политической мифологии на его формирование. В частности определяется, что имперский этнос выделяется вследствие процесса

¹³ Цуладзе А. Политическая мифология. М.: Ким, 2003.

¹⁴ Цуладзе А. Большая манипулятивная игра. М.: Алгоритм, 2000.

¹⁵ Малинова О.Ю. Миф как категория символической политики: анализ теоретических развилков // Полис. Политические исследования. 2015. №4. С. 12–21. URL: <https://doi.org/10.17976/jpps/2015.04.03> (дата обращения: 25.02.2018)

¹⁶ Проблема политически «пригодного» прошлого и эволюция официальной символической политики в постсоветской России // Политическая концептология: журнал междисциплинарных исследований. 2013. №1. С. 114–130.

¹⁷ Поцелуев С.П. Символические средства политической идентичности. К анализу постсоветских случаев // Экономика. Социология. Менеджмент. Федеральный образовательный портал. URL: <http://ecsocman.hse.ru/data/891/691/1219/005.POTSELUEV.Pdf> (дата обращения: 01.03.2018)

¹⁸ Поцелуев С.П. Символическая политика: констелляция понятий для подхода к проблеме // Политические Исследования. 1999. №5. С. 62–74.

государственного строительства и колонизации, которые осуществляет государство-империя. Эти процессы формируют мифологему цивилизационной миссии и сопутствующие элементы имперского сознания¹⁹. Объектом исследований Н. Шкурко является социокультурные истоки политического российского имперского мифа. По его мнению, данному мифу присущ необычайный адаптационный, интеграционный и идеологический потенциал. Он в частности проявляется в специфической цепи зависимости: «историческое предназначение России» – «Москва – Третий Рим» – «русская мессианская идея». В своих трудах Н. Шкурко отмечает, что последняя версия «имперского мифа» эффективно консолидирует народ России вокруг действующего президента В. Путина²⁰.

Исследования политических мифов играют существенную роль в современной украинской политологии. В частности, Н. Головатый концентрируется на психологических и религиозных аспектах политического мифотворчества, а также на технологиях конструирования и разрушения мифов. Он впервые в современной Украине провел комплексный анализ концептуальных подходов к мифологической проблематике, обозначил особенности различных функций и путей генезиса политических мифов, исследовал главные мифы, которые существовали в украинском обществе на протяжении XX в. Н. Головатый считает наиболее эффективной стратегией демифологизации политической жизни общества десакрализацию мифов – выявление или приписывание им эгоистических интересов²¹. Ю. Шайгородский определяет политический миф как целостное, упрощенное, преимущественно иррациональное отражение в индивидуальном и массовом сознании политической реальности и основных общественных ценностей, своеобразное символическое средство их интерпретации²². В этом определении он одним из первых на постсоветском пространстве обращает внимание именно на аксиологическое значение политических мифов. Исследователь из г. Луганска Н. Пробейголова, рассматривая мифы как особую форму организации информации, анализирует их влияние на мотивацию политического выбора в обществе²³. Она приходит к выводу, что окончательная разру-

¹⁹ Аксютин Ю.М. «Имперский этнос»: понятие и дефиниции // Вестник Челябинского государственного университета. 2009. № 18 (156). С. 35–39.

²⁰ Шкурко Н.С. Социокультурные истоки отечественного имперского мифа // Социум и власть. 2010. № 3. С. 107–111.

²¹ Головатий М.Ф. Політична міфологія. Киев: МАУП, 2006.

²² Шайгородський Ю. Ціннісна невизначеність як передумова розвитку політичності міфотворчості // Вісник Одеського національного університету. Т. 13. Вип. 5.: Соціологія і політичні науки. Одеса, 2008. С. 760–767.

²³ Пробейголова Н.В. Вплив політичного міфу на мотивацію політичного вибору особистості // Політологічні записки, 2011. №4. URL: http://nbuv.gov.ua/j-pdf/Polzap_2011_4_19.pdf. (дата обращения: 12.09.2017)

шение политических мифов и мифологем невозможно из-за того, что мифическая структура сохраняется и может принимать новый смысл в зависимости от социокультурной и исторической ситуации, в которой функционирует²⁴. Кроме того, в последние годы на Украине было проведено большое количество исследований по использованию политических мифов в различных сферах социально-политической деятельности. В частности взаимосвязь политической мифологии и брендинга территорий в своих работах исследует Т. Нагорняк²⁵, а влияние политических мифов на формирование национальной героики и исторической памяти – О. Воляннюк²⁶.

Вместе с тем, специфика использования политических мифов в избирательных кампаниях не получила должного освещения и теоретизации в политической науке, не стала самостоятельным предметом политологических исследований.

Для достижения своих целей в ходе избирательного процесса кандидаты, партии и другие его участники широко применяют политические мифы, которые, по мнению авторов статьи, отличаются от остальных мифов рядом исключительных особенностей:

1) телеологичность: политический миф создается целенаправленно представителями гражданского общества, группами интересов, равноуровневыми политическими акторами. Последние особенно активизируются во время избирательных кампаний, когда политические мифы создаются с целью консолидации и мобилизации электората партий и кандидатов, принимающих в них участие. Целью создания политических мифов в президентских кампаниях может быть идеализация или демонизация образов претендентов на пост главы государства;

2) осознанность мифотворцами: политические мифы не возникают спонтанно, они являются результатом сознательных действий политических акторов. Например, во время избирательной кампании кандидата в президенты над конструированием политических мифов о нем работает группа специалистов. Они не только осмысливают и формируют базовый концепт мифологии данной персоны, но и сознательно координируют его с различными внутренними факто-

²⁴ Пробийголова Н.В. Феномен міфу в політичному житті сучасних суспільств // Політологічні записки. 2010. Вип. 2. URL: http://www.nbu.gov.ua/portal/Soc_Gum/Polzap/2010_2/10pnvgscc.pdf. (дата обращения: 12.09.2017)

²⁵ Нагорняк Т. Соціокультурний дискурс України і політичні практики 2014–2016 рр. // Дискурс смысловой войны: агрессия и аргументация. 2016. С. 52–66.

²⁶ Воляннюк О. Героїчний дискурс: політологічний аналіз понять і концепцій // Науковий часопис НПУ імені МП Драгоманова. Серія 22: Політичні науки та методика викладання соціально-політичних дисциплін. 2015. Вип. 16. С. 105–112. URL: http://nbuv.gov.ua/UJRN/Nchnpu_022_2015_16_22 (дата обращения: 27.02.2018)

рами (провозглашенной им программой, идеологией²⁷, персональными имиджевыми характеристиками, политическими мерами), а также с элементами внешней среды (наличествующими в обществе традициями, ценностями и нормами, слухами, стереотипами и другими мифами, которые существуют во время кампании и т.д.);

3) политическая цель: любой миф может стать политическим, если он используется в политическом поле. Примером использования архаической мифологии с политической целью является миф об «Америке как новом Камелоте», что воспроизводился во время президентской кампании Р. Кеннеди (1968 г.)²⁸. Этот персональный политический миф использовался с целью консолидации в пользу данного кандидата тех избирателей, которые поддержали на выборах 1960 его брата Дж. Ф. Кеннеди. Миф оказался настолько эффективным и долгосрочным, что проявляется и теперь, особенно в области современной киноиндустрии – в 1996-2006 гг. В эфир выходил сериал «Западное крыло», в центре сюжета которого работа вымышленной администрации президента США от партии демократов Дж. Бартлета, а в 2001 г. состоялась премьера полнометражного фильма «Леди нового Камелота» о женщинах из семьи Кеннеди;

4) динамичность: политические мифы способны развиваться, меняться в политическом времени и пространстве, приобретая новый смысл в зависимости от контекста. Например, политический миф «о борьбе с фашизмом», существовавший в Советском Союзе в конце 1930-х–1940-х гг. приобрел новый смысл в российской политической мифологии во время политического кризиса в Украине в 2013–2014 гг., где использовался с целью поддержки существующего негативного образа украинских националистических и национал-демократических политических сил;

5) обусловленность ментальной спецификой политической среды. Как отмечает Л. Алисова, понятие «ментальность» используется главным образом для обозначения оригинального способа мышления, менталитета или умонастроенной социальной группы, слоя, класса²⁹. Политологический словарь под редакцией В. Коновалова определяет ментальность как единую, синкретическую форму осознания социально-политической системы, которая формируется в результате осмысления политического опыта индивидуальным и коллективным политическим сознанием и выражает актуальные для данного политического коллектива ценности³⁰. Стоит заметить: говоря о сознании, следует понимать не

²⁷ Бакиров В.С. Идеологические дилеммы современной Украины: в поисках новых смыслов // Методологія, теорія та практика соціологічного аналізу сучасного суспільств. Харків: ХНУ імені В. Н. Каразіна, 2005. С. 3–8.

²⁸ Марк М. Герой и бунтарь: Создание бренда с помощью архетипов. СПб.: Питер, 2005.

²⁹ Алисова Л.Н. Политическая социология. М.: Компакт, 2009. 355 с.

³⁰ Словарь по политологии / под ред. проф. В.Н. Коновалова. Ростов-на-Дону: Ростовский государственный университет, 2001.

просто осознанность действий, но и подсознательный аспект, поскольку именно на этом уровне менталитет сохраняется и передается из поколения в поколение.

В широком смысле ментальность охватывает совокупность и специфическую форму организации, своеобразный склад различных психических свойств и качеств, особенностей и проявлений. В более узком смысле ментальность – это относительно устойчивый комплекс базовых социально-психологических признаков, присущий представителям социальной общности, сложившийся под влиянием географических, экономических или идеологических обстоятельств. Влияние ментальности на политическое мифотворчество происходит в пяти ключевых аспектах:

- ментальность как совокупный результат географических, исторических, социальных, лингвистических, религиозных, психологических, семиотических и других характеристик того или иного сообщества, определяет специфику наполнения политических мифов, свойственных данной группе людей³¹;

- как явление, построено на принципе комплементарности (подсознательного ощущения взаимной симпатии и общности людей, которое определяет противопоставление «друг и враг» и деление на «своих» и «чужих»), ментальность закономерно становится основой для возникновения мифов структуры «мы – они»;

- как составляющая содержания сознания людей, ментальность формирует благоприятную почву для возникновения политических мифов;

- непосредственная связь ментальности с этничностью³² предопределяет особенности восприятия представителей одного этноса другим, что выражается в создании этноцентрических политических мифов;

- заложенные в ментальности той или иной группы образы «доброго» и «злого» поведения являются основой для формирования героических образов, обеспечивающих соблюдение и воплощение политических представлений.

б) обусловленность исторической памятью. Историческая память как совокупность присущих народу исторических фактов, символов и знаков, мифов и стереотипов является тем фактором, который определяет курс дальнейшего процесса создания политической мифологии. Общество и политики создают политический миф как продолжение цепи с событиями и явлениями исторической памяти. Каждый новый политический миф – это звено данной цепи. Это подтверждает политический миф о кооптации украинской шляхты в малороссий-

³¹ Крячко В.І. Ментальні детермінанти нормативних та дисфункціональних станів соціальної системи // Вісник нац. техн. Ун-ту України «Київський політехнічний інститут». Політологія. Соціологія. Право. 2010. № 2. С. 10–17.

³² Гетало Т. Українська ментальність. Від природи до суспільної психології. К.: Самтер, 2012.

ское дворянство. Сущность его заключается в том, что украинские шляхтичи при вхождении в состав общеимперской аристократии якобы «не имели» тех же прав, что и русские дворяне. Якобы они были «второсортной» знатью. Данный миф был сконструирован вследствие существования в исторической памяти части украинцев комплекса разнообразных мифов и стереотипов о «притеснениях» со стороны российского руководства всего украинского, а также вследствие тенденции последних лет по созданию псевдоистории украинского народа. Таким образом, возникновение данного мифа было вполне закономерным развитием исторической памяти, которая существенно отличается от истории;

7) обусловленность цивилизационным особенностям политической среды. По С. Хантингтону, в мире существуют 8 ведущих цивилизаций³³, к каждой из которых принадлежит ряд стран. Каждая цивилизация представляет собой высшее культурное и геополитическое образование, консолидирует людей на основе самоидентификации и общности языка, религии, традиций, обычаев и тому подобное. Она обуславливает специфику политического поведения населения государств, определяя ее базовые нормы и ценности;

8) цикличность возникновения и развития в логике модели жизненного цикла. Как и любая политическая система, политический миф проходит стадии от зарождения в недрах старой системы – к отмиранию или реликтового существования;

9) политический миф – это конструкт реальности, может иметь подтверждение в действительности. Главным фактором целостного, долгосрочного и эффективного использования политического мифа в избирательной кампании является сообщение в нем о том, что действительно случилось.

10) чувственно-эмоциональный формат представления политической информации. Залогом эффективности политических мифов является их апелляция к иррациональной природе человеческого сознания, влияние именно на непосредственный опыт и личностные интересы людей.

Несмотря на многочисленные общие признаки, политические мифы, применяемые в избирательных кампаниях, являются неоднородным явлением, что обуславливает необходимость их типологизации. Наиболее распространенной типологией политических мифов является изложенная в работе М. Головатого «Политическая мифология». Определяются четыре типа мифов: главные (ведущие), мифы структуры «мы и они», псевдомифы и героические (персональные)³⁴. Перед тем, как их рассмотреть, следует заметить, что политические мифы избирательных кампаний рассматриваются как сложная целостная политическая система, в которой каждый из этих типов является одним из её упорядоченных компонентов. Функционирование системы происходит на основе:

³³ Хантингтон С.Ф. Столкновение цивилизаций. М.: АСТ, 2003.

³⁴ Головатий М.Ф. Указ. соч.

а) ментальных, религиозных, идеологических, ценностных, геокультурных особенностей общества;

б) конкретных условий каждой избирательной кампании.

Система политических мифов избирательных кампаний преимущественно адаптивная, ведь зависит от изменений в политической культуре государства и текущей ситуации.

Главные политические мифы представляют собой наиболее масштабные мифические конструкции. Целью их создания является стремление направлять и управлять общественным мнением и сознанием в общегосударственных и даже цивилизационных масштабах. Как отмечает М. Головатый, к главным, относятся политические мифы об отдельных нациях, политическом устройстве, государстве, режимах, формах правления и т.п.³⁵ Существует ряд подобных политических мифов, как в отечественной истории, так и в мировой: о «мессианской роли американского народа», о «жестокости немцев», об «украинском национализме», «об особом евразийском пути русского народа» и др. Данные политические мифы играют ведущую роль в избирательных кампаниях, часто вокруг них и идет основная борьба между кандидатами. Именно поэтому можно выделить отдельный подтип главных мифов – центральные политические мифы избирательной кампании. Они отражают главный концепт противостояния (например, «борьба между либералами и патриотами»). Наиболее полно сущность этого явления была раскрыта в работах С. Попова³⁶ и М. Кошелюка³⁷.

Мифы структуры «мы и они» – одни из самых древних. Суть этого феномена заключается в том, что когда только стали формироваться человеческие сообщества, началось разделение на «своих» и «чужих». Как отмечает А. Щербаков, «миф предусматривает бинарную систему отношений – наряду с божественной сферой существует мир зла и пороков»³⁸: только человек начал на инстинктивном уровне пытаться отделить «добро» от «зла», он начал делить мир на тех, кто с ним, и тех, кто против него. Этим пользуются и команды кандидатов, штабы политических партий, пытаясь сыграть на древних подсознательных особенностях человеческой психики. По М. Головастому, мифы по структуре «мы и они» создаются и используются с целью отделения разных структур, их сравнения³⁹. Сравнивая партий или кандидатов, мифы опираются на сакральный механизм человеческого подсознания негативно воспринимать

³⁵ Головатый М.Ф. Указ. соч.

³⁶ Попов С.А. Центральный миф в стратегии избирательной кампании // Избирательные технологии и избирательное искусство. М.: Российская политическая энциклопедия, 2001. С. 75–87.

³⁷ Кошелюк М.Е. Технологии политических выборов. СПб.: Питер, 2004.

³⁸ Щербаков А.Е. Место мифа в политической идеологии // Политические исследования. 2003. № 4. С. 175–180.

³⁹ Головатый М.Ф. Указ. соч. С. 42.

всех и все, что ему противопоставляют. Древние принципы, существующие в сознании человека с начала истории, являются той особой силой мифа, что меняет поведение якобы обычных, спокойных лиц, которые ранее не занимались политикой, и превращает их в гиперактивных, а иногда даже несдержанно-агрессивных политических акторов.

Псевдомифы – мифы мгновенного, временного, краткосрочного действия⁴⁰. Это политические мифы, которые носят ситуативный характер и имеют небольшой масштаб влияния. Они образуются при определенных краткосрочных политических кампаниях (преимущественно избирательных). Вместе с пропагандистскими приемами они должны обеспечивать поддержку определенного кандидата, партии или иного политического актора. В отличие от настоящих политических мифов, они не опираются на архетипическую базу и не являются сложными социально-психологическими явлениями. А. Цуладзе называет подобные политические мифы – технологическими⁴¹.

Персональные или героические мифы являются основными в президентских избирательных кампаниях, ведь такие кампании являются противостояниями не только и не столько партий, программ или идей, сколько личностей. С точки зрения культурологии, герой – это действующее лицо в произведении, носитель взгляда на действительность, на самого себя и других персонажей⁴². В политической науке под «героем» мифа целесообразно понимать конкретное лицо, вокруг образа которого создается политический миф. При формировании персонального политического мифа во время избирательной кампании его создатели прибегают к актуализации героики – технологии политического мифотворчества, заключающейся в гиперболизации достижений героя, определенных черт его образа, коррекции их под существующие в обществе архетипы и установки, политические, религиозные и культурные традиции, ценности и нормы. К этому также добавляется и идеология, на основе которой (или для поддержки которой) создается персональный миф. Однако многие современные общества являются деидеологизированными, или же идеология в них играет слабую роль, из-за чего политические мифы для сохранения эффективности должны функционировать автономно от нее, ориентируясь именно на социокультурные и социопсихологические особенности населения. Политик, журналист, общественный деятель или любая другая публичная личность, которая связана с избирательной кампанией, может стать героем политического мифа. Следует отме-

⁴⁰ Там же.

⁴¹ Цуладзе А. Большая манипулятивная игра. М.: Алгоритм, 2000. С. 60.

⁴² Ахиезер А.С. Критика исторического опыта. Социокультурный слова. М.: Ларец, 1991. С. 23.

тить, что героика, в отличие от имиджа⁴³, является не только совокупностью описательных характеристик определенного лица, но и действий, которые оно якобы совершило. Героика аккумулирует в себе «сверхчеловеческие» возможности и поступки героя политического мифа и, с одной стороны, делает его идеальным и мистически недостижимым для аудитории, а с другой – сохраняет и поддерживает между ними связь⁴⁴. Ярким примером существования эффективной политической героики является миф о «простом тexasском ковбое Дж. Буше» (президентская кампания 2004 г. в США), когда он одновременно был и недостижимым для обычных людей высшим должностным лицом в стране, и в то же время – «выходцем из народа». Подобная героика особенно в отечественной политической культуре присуща практически всем политикам, которые являются героями политических мифов. Благодаря персональным мифам политические деятели пытаются поддерживать хоть и тонкую, но неуклонную связь с массами.

Персональным мифам свойственна специфическая структура. По мнению российского автора А. Щербакова, политический миф состоит из нескольких уровней содержания, который развивается циклично и постоянно обновляется⁴⁵. «Ядро» структуры – инвариативный комплекс тезисов, символов и стереотипов – создается вокруг центрального факта – реального политического события, имевшего место в жизни персоны, вокруг которой формируется политический миф. Детали и значение этого события в политическом мифе гиперболизируются или умаляются. Мифологическое «ядро» – это константа, которой должны подчиняться все остальные компоненты персонального политического мифа. Политический миф должен обязательно опираться на реальность, которая в нем меняется с помощью дополнительной информации – политических стереотипов, символов, слов-маркеров, ярлыков, слухов. Содержание дополнительной информации, воспроизводимой в персональном политическом мифе, может трансформироваться во время его адаптации к текущим изменениям в окружающей политической среде.

Для того чтобы защитить персональный политический миф от деактуализации и уничтожения, существует сакральная оболочка, которая «отсеивает» враждебные политическому мифу элементы. Она ориентирована на аудиторию и представлена суггестивной повторяемостью, которая защищает политический миф от архаического страха перед смертью⁴⁶. Благодаря ей миф возвращает

⁴³ Кочубей Л. Архетипи політичного лідерства як підгрунття маніпулятивних технологій // Держава і суспільство. 2010. Вип. 34. С. 312–317.

⁴⁴ Бенуас Л. Знаки, символы и мифы. М.: АСТ, 2006. С. 22.

⁴⁵ Щербаков А.Е. Место мифа в политической идеологии // Политические исследования. 2003. № 4. С. 175–180.

⁴⁶ Щербаков А.Е. Там же. С. 178.

людей к первичной святости времени, поэтому демифологизация может привести к возникновению негативных эмоциональных чувств, ощущение потери смысла жизни, разочарование в кандидате или партии, депривации. Это особенно остро проявляется, когда политические мифы воспроизводят информацию о фактах и событиях, которые составляют и изначально обуславливают историческую память народа, часто практикуется в президентских избирательных кампаниях на Украине.

Для комплексного постижения специфики использования политических мифов в избирательных кампаниях целесообразно будет выделить спектр функций, которые они выполняют. М. Головатый выделяет такие функции политических мифов:

Экспликативная функция политических мифов заключается в разъяснении целевой аудитории основных положений программы партии или кандидата, декларируемых ими мировоззренческих позиций, ценностей, которые они провозглашают как близкие и важные. В некоторых случаях политическая мифология объясняет суть и целесообразность нового взгляда на события исторического прошлого. Политические мифы навязывают обществу такое восприятие истории, которое является релевантным доминирующим в нем политическим установкам, стереотипам, ценностям, господствующей идеологии. Примером этого может быть политическая мифология, созданная вокруг образа В. Адамкуса во время избирательной кампании 1998 г. в Литве. Тогда персональные политические мифы об этом кандидате на президентский пост активно воспроизводили эмигрантскую версию литовской истории – альтернативную той, что существовала в этой стране с советских времен.

Апологетическая функция заключается в оправдании существующего порядка вещей, легитимации действий разноуровневых политических акторов, в частности провластных кандидатов или партий, во время избирательных кампаний. Эта функция в основном основывается на бинарном противопоставлении «мы и они». Преимущественно с одной стороны стоит власть, которая стремится доказать необходимость и якобы объективную обусловленность своих поступков, а с другой – оппозиционные силы, стоящие как главное препятствие на пути к поставленной цели. Например, политический миф о «стремлении демократов уничтожить все достижения «рейганомики», который распространялся во время президентской кампании в США командой республиканцев Дж. Буша Старшего.

Манипулятивная функция заключается в применении политического мифотворчества как технологии в разного рода политических кампаниях, в том числе в избирательных. Политические мифы меняют политическую психику людей, чтобы потом иметь возможность регулировать и контролировать их политиче-

ское поведение. Вследствие влияния мифов люди подчиняются внушенным идеям еще до того, как оказываются способными осознать, что же произошло⁴⁷.

Кроме выше названных, существует значительный спектр функций политических мифов. Российский ученый А. Мишучков выделяет еще 16 функций. Исследуя миф как целостную дорефлективную форму, которая отвечает на бытовом уровне сознания на все вопросы и удовлетворяет все его потребности, он настаивает на полифункциональности данного явления⁴⁸. Рассмотрим некоторые из них с точки зрения использования политических мифов в избирательных кампаниях.

Социально-практическая функция отвечает за социальную связь между людьми. Она обеспечивает организацию целостности и единства электората с помощью самоидентификации индивидов с кандидатом или партией. Именно эта функция политического мифа является ключевой, ведь другие фактически способствуют ее осуществлению. Она имеет конструктивный характер из-за того, что в результате ее выполнения происходит консолидация масс, образуются новые и сохраняются уже имеющиеся электоральные группы. Благодаря этой функции происходит достижение социально-интегративной плотности электората, что происходит путем обезличивания социальных отношений, полного доминирования массового сознания над индивидуальным.

Идеолого-прагматическая функция связана с идеологией, преобладает в политической системе. Фактически идеология является структурированной системой четко сформулированных социально-политических идей, представляющих отношение людей к власти, видение ими желаемого будущего, оценки прошлого и политической реальности. По мнению А. Мишучкова, политическая мифология существует как «нижний этаж» идеологии, потребляется бытовым сознанием и оформляет маргинальную социальность⁴⁹. Идеология оказывает влияние на политические мифы в соответствии с тремя главными уровнями⁵⁰.

На теоретико-концептуальном уровне она закладывает базовые принципы поведения героев политических мифов, определяет свою трактовку политической реальности, фундаментальные политические ценности и идеалы, на основании которых происходит построение и развитие мифов. Например, герой политических мифов, которые являются продуктом либеральной идеологии, должен декларировать приверженность рыночной экономике, свободной конку-

⁴⁷ Головатий М. Ф. Указ. соч.

⁴⁸ Мишучков А.А. Специфика и функции мифологического сознания. URL: <http://credonew.ru/content/view/210/25/> (дата обращения: 12.06.2014).

⁴⁹ Там же.

⁵⁰ Ирхин Ю.В. Политология. М.: Юристъ, 2002. С. 343.

ренции, верховенства прав и свобод человека и гражданина, индивидуализма и тому подобное.

Программно-политический уровень идеологии приближает политический миф к более конкретным условиям политической реальности. Например, во время президентской избирательной кампании происходит сочетание персональных мифов кандидатов с разного рода политическими программами, лозунгами, материалами СМИ, лозунгами, документами, которые составляют идейно-политическую основу для принятия решений, ориентации и стимулирования поведения граждан. На этом уровне идеология предстает как совокупность не столько самих политических идей, сколько массивов информации, в которых эти идеи зафиксированы. Они дополняют персональный политический миф, создавая идеологическое фон, и влияют на его содержание и развитие сюжета.

На актуализационно-поведенческом уровне идеологическая функция политического мифа обеспечивает:

1) соответствие и связанность действий мифического героя с политическими, социально-экономическими и социокультурными проблемами, которые являются актуальными для целевой аудитории;

2) усвоение им основных идей, освещенных в политическом мифе, путем подражания людьми элементам политического (а порой и бытового) поведения героя;

3) сочетание идеологических и цивилизационных основ героики в массовом сознании, создание на их основании целостного образа героя персонального политического мифа.

Мнемотически-ориентировочная функция связана с памятью, оформляет человеческое сознание. Политический миф представляет собой совокупность образов, которые находятся в подсознательной сфере разума. Эта функция возникла при переходе от эмоционально-ориентировочного способа постижения действительности в чувственно-практический, эмоционально-ценностный образ и тесно связана с возникновением языка⁵¹. Благодаря ей в человеческой памяти на подсознательном уровне сохраняются стереотипы, которыми люди мыслят и которые берут свои корни из политических мифов.

Аксиологическая или ценностная функция заключается в создании и распространении во время избирательной кампании политических ценностей с помощью мифов. Каждый кандидат или партия в своей мифологии провозглашает и отстаивает определенный набор ценностей. Мифологическое сознание избирателей является способом аксиологической интерпретации ими социально-политической, социокультурной и социально-экономической среды. Его глав-

⁵¹ Мишучков А.А. Специфика и функции мифологического сознания. URL: <http://credonew.ru/content/view/210/25/> (дата обращения: 12.06.2014).

ная цель – это ценностное самоопределение человека. Мифологическое сознание формирует ценностные ориентиры избирателей. А благодаря данным ориентирам, избиратели определяют образ жизни и политического поведения в условиях конкретной кампании. Политические мифы формируют системы тех базовых ориентиров, которые позволяют представителям конкретного сообщества знать, каким кандидатам или партиям отдавать предпочтение.

Мобилизационная функция политических мифов в избирательных кампаниях проявляется в создании ярких, эмоциональных образов, которые будут побуждать людей к объединению вокруг политической силы или кандидата, активной поддержки их деятельности и безоговорочной веры в победу. Верующий человек отвергает все личные и интеллектуальные рассуждения и полностью подчиняется действиям политического мифа, поэтому демифологизация связывается с кризисом человеческого существования и его мотивацией. Политические мифы часто способствуют исключительной мобилизации психологических сил человека во время избирательной кампании ради преодоления опасностей, препятствий, моральных дилемм.

Исходя из задач, которые стоят перед политическими мифами во время избирательных кампаний, можно выделить:

Защитные и наступательные политические мифы. Одной из задач политического мифотворчества является влияние на сознание людей с целью заставить их воспринять мир таким, как выгодно мифотворцам. Значительная часть политических мифов создается с целью справиться со страхом перед действительным или потенциальным врагом. Возникают два пути борьбы с противником: оборона или нападение. А учитывая, что «лучшая защита – это нападение», то политические мифы являются универсальным «оружием» в руках пропагандистов сторон, противостоящих друг другу во время избирательной кампании.

Основные и дополнительные политические мифы – распределение обусловлено процессом порождения одного политического мифа другим. Пример – персональный политический миф о В. Путине «как политике, который возродил былую мощь России» (кампания 2012 г.). Этот политический миф является основным для действующего Президента России, а его приложениями могут служить мифы о В. Путине – «успешном главнокомандующем», «лидере и защитнике интересов русского народа», «традиционалисте» и другие.

Персональные политические мифы являются одной из разновидностей мифов, используемых в избирательных кампаниях. Их главная цель – идеализация или демонизация образа конкретного политика, создание эффективной связи между ним и электоратом. Это возможно при условии соответствия персональных мифов ментальным, цивилизационным и другим особенностям политической среды, стабильного выполнения свойственных легендам функций, которое обеспечивается применением технологий политического мифотворчества.

Заключение

В ходе решения поставленных исследовательских задач авторы пришли к ряду выводов.

Для англо-американского политологического дискурса характерно фокусирование на изучении практического применения политических мифов для решения прикладных проблем; в российской политологии мифы рассматриваются преимущественно как средство манипуляции массовым сознанием, элемент символической политики; украинским исследованиям свойственна высокая степень междисциплинарности при изучении политических мифов, акцент на их связи с исторической памятью и идентичностью.

Авторами доказано, что политические мифы являются одним из ключевых элементов избирательных кампаний, имеют разветвленную внутреннюю структуру, состоящую из взаимосвязанных компонентов (основные из которых – «ядро», трансформа, сакральная защитная оболочка), и развиваются в политическом времени и пространстве. Поэтому миф вокруг политического субъекта является связующим звеном между архаикой прошлого и современным политическим процессом.

Обосновано, что политические мифы отличаются от мифов архаичных тем, что имеют политическая цель, телеологичность (целенаправленное создание), динамичность (способны развиваться, меняться в политической времени и пространстве, приобретая новые смыслы в зависимости от контекста), обуславливаются особенностями политической среды. Главная цель политических мифов заключается в идеализации или демонизации образа конкретных акторов политики, создании эффективной связи между ним и электоратом.

Политические мифы существуют в избирательных кампаниях в виде целостных структурированных систем, включающих в себя центральные мифы кампании, главные мифы, политические мифы структуры «мы – они», персональные политические мифы. При этом именно центральные мифы задают концепцию предвыборной борьбы, определяют её смысл и направления.

В избирательных кампаниях политические мифы выполняют ряд ключевых функций: экспликативную, манипулятивную, апологетическую, мобилизационную, идеолого-прагматическую и др. При этом основная цель использования акторами политики мифов в избирательном процессе – выведение противостояния на чувственно-эмоциональный уровень.

Introduction

Modern practices of political competition, struggle for state authority, and electoral moods largely stimulate politicians to actively use various kinds of stereotypes, myths and slogans in their communication with the society. Political myths that remain an important part of informational and manipulative support for election campaigns of political parties and individual candidates are not only the results of activity of certain specialists (i.e. managers in public relations, media managers and image-makers), but also depend on the current political and cultural space, value-semantic orientations, as well as the type and features of political mentality of the society. In the modern post-Soviet space, political myths have become an integral part of the background and support the images of various political actors who, using these myths, seek to gain trust of their electorate or discredit their competitors.

With this in mind, the authors of the article intended to systematize and theoretically prove the features of the structure, functions and types of political myths during various election campaigns. To achieve this goal, several research problems were solved. Thus, the degree of previous studies was determined, in the Anglo-American, Russian and Ukrainian political scientific discourse; the distinctive features of political myths were revealed; the political mythology of election campaigns as integral systems was analysed; the functions of political myths in the electoral process were systematized.

Main Body

An effective study of political application of myths in election campaigns is impossible without representation of the scientific and theoretical research that already exists in the political science in terms of political mythmaking in general. In the West, one of the first works analysing political myths was the article of M. Edelman 'Myths, Metaphors and Political Conformity', which revealed the specifics of political manipulation techniques used by the politicians in Europe and America in the 1960s¹. Further research in this field was made by H. Tudor² and G. Cuthbertson³, who were among the first researches who attempted to make a comprehensive analysis of political myths from the point of political philosophy. Their works focused on the connection between political myths, political rituals and archaic epics. In the 1980s, after the restoration of British interests in their former colonies (following the policy of Margaret Thatcher), many works were devoted to political mythology in the newly emerged countries of Africa and Asia. J. Day studied the political mythology

¹ M. Edelman, "Myths, Metaphors, and Political Conformity", *Journal 'Psychiatry: interpersonal and biological processes'*, vol. 30, issue 3 (1967): 217–28.

² H. Tudor, *Political Myth* (London: Pall Mall, 1972).

³ G. Cuthbertson, *Political Myth and Epic* (Chicago: East Lansing: Michigan State University Press, 1975).

of African nationalism in Southern Rhodesia (now Zimbabwe)⁴, whilst St. Lawson explored different political myths of Fiji and the countries in Southeast Asia⁵. C. Flood studied political myths as tools of ideology, in contrast to the sacred myths that religion uses. In his work ‘Political Myth: A Theoretical Introduction’, he paid considerable attention to practical design and transformation of political myths and mythologies, as well as to theoretical foundation of political mythmaking⁶.

In the United States, active research of political myths began in the 1970s. Their typical feature, up until present, would be the focus mostly on the practical approach. This is well illustrated by the work of J. Combs, who concentrates on “popular political mythmaking”, to be exact, on the possibilities of independent creation of personal political myths by any politicians, starting with the local level⁷. In recent years, the whole series of complex scientific works by American and European authors devoted to the problems of political mythmaking appeared. These include ‘A Philosophy of a Political Myth’ by C. Bottici⁸, ‘Political Myth, Mythology and the European Union’ by V. Della-Sala⁹, ‘Political Myth and Discourse Analysis in Security’ by J. Richards¹⁰, and others. They cover in detail the geopolitical, philosophical, socio-anthropological and practical aspects for application of political myths in the Western world.

The development of a comprehensive research trend devoted to political mythology began in Russia only in the late 1990s. S. Kara-Murza, O. Malinova, O. Popova, S. Potseluev, A. Tsuladze, and others are among the contemporary Russian political scientists who study political myths.

The binary typology of political myths (‘light’ and ‘dark’ myths) was suggested by Sergey Kara-Murza who also determined the historical factors of their origin¹¹. In his opinion, any political myth that was introduced into the minds of people and that could be deeply rooted there, can successfully replace the political reality for quite a

⁴ J. Day, “The Creation of Political Myths: African Nationalism in Southern Rhodesia”, *Journal of Southern African Studies*, no. 2 (1975): 52–65.

⁵ St. Lawson, “The Myth of Cultural Homogeneity and its Implications for Chiefly Power and Politics in Fiji”, *Comparative Studies in Society and History*, vol. 32, no. 4 (October 1990): 795–821.

⁶ C. Flood, *Political Myth: A Theoretical Introduction* (New York; London: Routledge, 2001).

⁷ J.E. Combs, “Political Advertising as a Popular Mythmaking Form”, *Journal of American Culture*, no. 2 (1979): 331–40.

⁸ C. Bottici, *A Philosophy of a Political Myth* (Cambridge: Cambridge University Press, 2007).

⁹ V. Della Sala, “Political Myth”, *Mythology and the European Union*, vol. 48, issue 1 (January 2010): 1–19.

¹⁰ J. Richards, “Political Myth and Discourse Analysis in Security”, in J. Richards, *Extremism, Radicalization and Security: An Identity Theory Approach* (London: Palgrave Macmillan, 2017): 115–39.

¹¹ S.G. Kara-Murza, “The Black Myth”, *Russian House*, no. 42 (1999): 99–104.

long time. As a result, the consumer of a myth perceives the political reality through the prism of interpretation contained in a certain political myth and acts based on this perception. Thus, political myths existing in people's minds make it unnecessary for them to critically analyse the political life. According to the ideas of Kara-Murza, a person in such a state no longer needs to understand the world around them, as they are guided by the already existing mythological prefabrication. The thesis of Kara-Murza on axiological significance of political myths is extremely important. He notes that “even under a powerful political press people do not cease to lead their private life”. There is always a sphere of personal freedom that opposes such pressure. Modern political myths destroy such values”¹².

The forms of political myths and the basics for their interaction were investigated by A. Tsuladze. For the first time, he tried to analyse the Russian political mythology as an integral political system¹³. Tsuladze, like Kara-Murza, considers political myths paying attention to their manipulative nature¹⁴. This academic was one of the first researchers in Russia to propose his own definition of a political myth. According to Tsuladze, it is a myth used to achieve certain political goals, such as race for power, legitimization of power or imposing political domination.

O. Malinova and S. Potseluev studied myths from the perspective of symbolic politics. At the same time, special attention is paid to political myths as products of political practice of the elite aimed at creating and strengthening their own social reality¹⁵; as elements of historical memory¹⁶; and as means of shaping political identity¹⁷. Analysing the traditions of studying symbolic politics in the foreign political science, Potseluev considers political myths as a product created “from above and from below”, both by the ruling elite and by people. He notes that with the help of “its own stable meanings, a myth directs the fears of a particular individual into the general perspective of expectations and hopes, assigns him to a strictly defined role in

¹² S.G. Kara-Murza, *Manipulation of Consciousness* (Moscow: Eksmo, 2009).

¹³ A. Tsuladze, *Political Mythology* (Moscow: Kim, 2003).

¹⁴ A. Tsuladze, *Great Manipulative Game* (Moscow: Algorithm, 2000).

¹⁵ O.Yu. Malinova, “Myth as a category of symbolic politics: Analysis of theoretical bifurcations”. *Polis. Political Studies*, no. 4 (2015): 12–21. <https://doi.org/10.17976/jpps/2015.04.03> (date of access 25.02.2018)

¹⁶ “The problem of the past politically ‘fit’ and the evolution of official symbolic politics in post-Soviet Russia”, *Political Conceptology: Journal of Metadisciplinary Research*, no. 1 (2013): 114–30.

¹⁷ S.P. Potseluev, “Symbolic means of political identity. To the analysis of post-Soviet occurrences”, *Economics. Sociology. Management. Federal educational portal*, <http://ecsocman.hse.ru/data/891/691/1219/005.potseluev.pdf> (date of access 01.03.2018)

the collective scenario of behaviour and frees his “inner self” from the individual responsibility for the miserable situation an individual finds himself in”¹⁸.

A separate area of modern research of political myths in Russia is the study of imperial political mythology. In this field, important contributions were made by such political scientists as Yu. Aksyutin and N. Shkurko. Aksyutin related his works to the category ‘imperial ethnos’, which is widely used in social and humanitarian knowledge and, as examples from modern social practice show, also has significant political potential under the conditions of Russian polyethnicity. Aksyutin presents theoretical and methodological approaches towards the study of the category ‘imperial ethnos’; the influence of political mythology on its formation is also analysed. It is determined that an imperial ethnos appears due to the process of construction of a state and colonization, which is carried out by the empire state. These processes form the mythologema of the ‘civilizing mission’ and the accompanying elements of the imperious attitude of mind¹⁹. The object of Shkurko's research is the socio-cultural origins of the political Russian imperial myth. In his opinion, such a myth has an extraordinary adaptive, integrational and ideological potential. Most notably, it can be considered as a specific chain of dependences: ‘the historical destiny of Russia’ – ‘Moscow as the ‘Third Rome’ – ‘Russian messianic idea’. Shkurko notes in his works that the latest version of such an ‘imperial myth’ effectively consolidates the people of Russia around the current Russian president Vladimir Putin²⁰.

Studies of political myths also play an important role in modern Ukrainian political science. In particular, M. Golovatyiy focuses on the psychological and religious aspects of political mythmaking, as well as on technologies of creation and destruction of myths. He, for the first time in the modern Ukraine, conducted a comprehensive analysis of conceptual approaches to mythological problems, outlined the features of various functions and ways of genesis of political myths and explored all the main myths that existed in the Ukrainian society throughout the 20th century. Golovatyiy considers de-sacralisation of myths as the most effective strategy of demythologization of the political life in the society, which means revelation or attribution of ‘vested’ interests to the myths²¹. Yuri Shaigorodskiy defines a political myth as an integral, simplified, mostly irrational reflection in the individual and mass consciousness of political reality and basic social values, a kind of symbolic tool of their inter-

¹⁸ S.P. Potseluev, “Symbolic Politics: Constellation of concepts to be used to approach a problem”, *Political Studies*, no. 5 (1999): 62–74.

¹⁹ Yu.M. Aksyutin, “ ‘Imperial ethnos’: Concept and definitions”, *Bulletin of Chelyabinsk State University*, no. 18 (156) (2009): 35–39.

²⁰ N.S. Shkurko, “Sociocultural sources of the ‘home-made’ imperial myth”, *Social Medium and Power*, no. 3 (2010): 107–11.

²¹ M.F. Golovatyiy, *Political Mythology* (Kiev: MAUP, 2006).

pretation²². With this definition, he is one of the first researchers in the post-Soviet states to pay attention pre-eminently to the axiological significance of political myths. Natalia Probeigolova, the researcher from Lugansk, considers political myths as a special form of arranging information and analyses their influence on the motivation of political choices in the society²³. She concludes that the final destruction of political myths and mythologems is impossible because the mythical structure is preserved and can acquire a new meaning depending on the social, cultural and historical situation in which myths exist²⁴. Moreover, in recent years, many studies on the use of political myths in various areas of socio-political activities were conducted in the Ukraine. In her works, T. Nagornyak explored the interrelation of political mythology and territorial branding²⁵. O. Volyanyuk focused on how political myths influence the formation of national heroic style and historical memory²⁶. However, the specific usage of political myths during election campaigns did not receive satisfactory coverage and theorization in the political science and thus did not become an independent subject of politological research.

To achieve their goals during elections, candidates, parties and other participants widely use political myths that, in the opinion of the authors of the article, differ from other myths in a few exceptional features, as follows:

1) Teleological feature. A political myth is created on purpose by representatives of civil society, interest groups and multi-level political actors. The latter are particularly active during election campaigns, when political myths are created with the specific goal of consolidating and mobilizing the electorate of the parties and participating candidates. The goal of creating political myths in presidential campaigns can be idealization or demonization of images of presidential candidates;

2) Awareness of mythmakers. Political myths do not ignite spontaneously, they appear as a result of conscious actions of political actors. For example, during an

²² Ju. Shaigorodskiy, "Valuable uncertainty as a prerequisite for the development of politics of myth-creation", *Bulletin of Odessa National University*, vol. 13, vol. 5: Sociology and Political Sciences (2008): 760–67.

²³ N.V. Probeigolova, "The influence of a political myth on motivation of the political choice of a person", *Political Notes*, no. 4 (2011), http://nbuv.gov.ua/j-pdf/Polzap_2011_4_19.pdf. (date of access 12.09.2017)

²⁴ N.V. Probeigolova, "The phenomenon of myth in the political life of modern societies", *Political Science Notes*, vol. 2 (2010), http://www.nbuv.gov.ua/portal/Soc_Gum/Polzap/2010_2/10pnvgcc.pdf. (date of access 12.09.2017)

²⁵ T. Nagornyak, "Socio-cultural discourse of Ukraine and political practices of 2014-16", *Discourse of the Semantic War: Aggression and Argumentation: (Collection of scientific articles)* (2016): 52–66.

²⁶ O. Volyanyuk, "Heroic discourse: Political analysis of ideas and concepts". *Scientific Journal of NPU named after M. P. Dragomanov*. Series 22: Political Sciences and Methods of Teaching Socio-Political Disciplines, vol. 16 (2015): 105–12, http://nbuv.gov.ua/UJRN/Nchnpu_022_2015_16_22 (date of access: 27.02.2018)

election campaign of a presidential candidate, a team of specialists would be working to design political myths. They not only comprehend and shape the basic concept of mythology for this particular person, however also consciously synchronise it with various internal factors (a manifesto, ideology²⁷, personal traits, political measures), as well as elements of the external environment (traditions, values and norms, rumours, stereotypes and other myths that exist during this campaign, etc.);

3) A political goal. Any myth can become political if it is used in politics. An example of usage of archaic mythology for political purposes is the myth of ‘America as the ‘New Camelot’, which was reproduced during the presidential campaign of Robert F. Kennedy (1968)²⁸. This personal political myth was used to consolidate the voters in favour of the candidate, who previously supported his brother John F. Kennedy during the 1960 elections. This myth turned out to be so effective and long-standing that it displays itself until present, especially in the modern film industry of 1996-2006. Thus, the TV series ‘The West Wing’ focuses on the work of the fictional administration of the US President Josiah Bartlett from the Democratic Party. In 2001, the premiere of the feature-length film ‘The Women of Camelot’ about women from the Kennedy family took place.

4) Dynamism. Political myths can evolve, change themselves in political time and space, acquiring a new meaning depending on the context. For example, the political myth about ‘fighting against fascism’, which existed in the Soviet Union in the late 1930s and 1940s, has acquired a new meaning in the Russian political mythology during the political crisis in the Ukraine in 2013-14, when it was used to support the existing negative image of Ukrainian nationalists and other national-democratic political forces;

5) Dependence on the mental specifics of the political environment. As L. Alisova notes, the concept of ‘mentality’ is used mainly to designate the original way of thinking or mentality of a social group, layer or a class²⁹. The political dictionary edited by V. Konovalov defines mentality as a single, syncretic form of awareness of the socio-political system that is formed due to comprehension of political experience by individual and collective political consciousness and expresses the values that are relevant for certain political groups³⁰. It is worth noting that, speaking of consciousness, one should understand not only the deliberate actions, however also the subcon-

²⁷ V.S. Bakirov, “Ideological dilemmas of modern Ukraine: In search of new meanings. Methodology”, *Theory and Practice of Sociological Analysis of Modern Societies: (Collection of articles)* (Kharkiv: V.N. Karazin Kharkiv National University, 2005): 3–8.

²⁸ M. Mark, *Hero and Rebel: Creating a Brand with the Help of Archetypes* (St Petersburg: Piter, 2005).

²⁹ L.N. Alisova, *Political Sociology* (Moscow: Kompakt, 2009).

³⁰ V.N. Konovalov (Ed.), *Dictionary of Political Science* (Rostov-on-Don: RGU, 2001).

scious aspect, since it is at this level that the mentality is preserved and transferred from one generation to another.

In a broader sense, mentality means entirety and a specific form of organization, a peculiar collection of various mental properties and qualities, features and manifestations. In a narrow sense, mentality is a relatively stable set of basic social and psychological characteristics essential for representatives of the social community, formed under the influence of geographic, economic or ideological circumstances. The influence of mentality on political mythmaking can be described in five key aspects:

– Mentality is the result of geographical, historical, social, linguistic, religious, psychological, semiotic and other characteristics of a community and determines the specifics of political myths peculiar to this group of people³¹;

– As a phenomenon, mentality is built on the principle of complementarity (the subconscious sense of mutual sympathy and community of people that defines the opposition ‘friend and foe’ and division into ‘our’ and ‘theirs’) and naturally becomes the basis for the emergence of myths of the structure ‘us – them’;

– As a component of people's consciousness, mentality is a perfect catalyst for the emergence of political myths;

– The direct connection between mentality and ethnicity³² predetermines the peculiarities of perception of representatives of one ethnos by another, which is expressed in the creation of ethnocentric political myths;

– The ideas of ‘good’ and ‘bad’ behaviour inherent to the mentality of a certain group are the basis for formation of heroic images that ensure observance and implementation of political ideas;

6) Close connection with historical memory. Historical memory is a collection of historical facts, symbols and signs, myths and stereotypes inherent to the people. It is the factor that determines the further process of creation in political mythology. Society and politicians create a political myth as a continuation of the chain of events and phenomena of historical memory. Every new political myth is a new link in this chain. This can be confirmed by the political myth of the co-optation of the Ukrainian nobility of Galicia into the Little Russian nobility. Its essence lies in the fact that the Ukrainian nobility, when they joined the all-imperial aristocracy, allegedly ‘did not have’ the same rights as the Russian nobles. Apparently, they were the so-called ‘second-rat’ nobles. This myth was construed due to the existence in the historical memory of some Ukrainians of a complex of various myths and stereotypes about ‘harassment’ by the Russian leadership of all Ukrainians, and due to the tendency in recent years to create the pseudo-history of the Ukrainian people. Thus, the emer-

³¹ V.I. Kryachko, “Mental determinants of normative and dysfunctional states in the social system”, *Bulletin of National Technical University of Ukraine ‘Kiev Polytechnic Institute’*. Politology. Sociology, no. 2 (Law, 2010): 10–17.

³² T. Getalo, *Ukrainian Mentality. From Nature to Social Psychology* (Kiev: Samter, 2012).

gence of this myth was quite a natural development of historical memory, which is extremely different from the actual history;

7) Dependence by civilizational features of the political environment. According to S. Huntington, there are eight leading civilizations in the world³³. Each of these civilizations includes several countries, represents a higher cultural and geopolitical formation and consolidates people based on self-identification and common language, religion, traditions, customs, etc. It determines the specificity of political behaviour of countries' population, defining its basic norms and values;

8) Cyclical nature in appearance and development in the logic for the life-cycle hypothesis. Like any political system, a political myth goes through stages from its 'birth' in the depths of the old system and towards its 'death' or some form of a relic life;

9) A political myth is a construct of reality that can have confirmation in the said reality. The main factor in the complete, long-term and effective use of a political myth in the election campaign is its reporting about something that happened;

10) Sensuous-emotional format to present political information. The key to effectiveness of political myths is their appeal to the irrational nature of human consciousness, with the impact on first-hand experience and personal interests of people.

Despite numerous common features, political myths used in election campaigns are a heterogeneous phenomenon, which requires their typologization. The most common typology of political myths is the one described in the book 'Political Mythology' by M. Golovatiy. Four types of myths are defined: main (leading) myths, myths of the structure 'us and them', pseudo-myths and heroic (personal) myths³⁴. Before considering these, it should be noted that political myths used in election campaigns are viewed as a complex integrated political system where each of these myth types is one of its well-organized components. The system is operated based on:

- mental, religious, ideological, value-based, geological and cultural features of the society;
- specific conditions of each election campaign.

The system of political myths used in election campaigns is generally very adaptive because it always depends on the changes in the country's political culture and current political situation.

Main political myths are the most ambitious mythical constructions. The goal of their creation lies in the desire to direct and manage the public opinion and consciousness nation-wide on the scale of civilization. As noted by M. Golovatiy, main political myths include myths about individual nations, political structures, states, regimes, forms of government, etc.³⁵ There exist quite a few similar political myths,

³³ S.F. Huntington, *Clash of Civilizations* (Moscow: AST, 2003).

³⁴ M.F. Golovatiy, *Political Mythology* (Kiev: MAUP, 2006).

³⁵ Ibid.

both in Russian history and in the world. For example, about ‘American’s messianic role in the world’, ‘Nazi cruelty’, ‘Ukrainian nationalism’, ‘Russia’s evolving ‘Grand Eurasia strategy’, etc. These political myths play a leading role in election campaigns, where the fundamental struggle between the candidates often takes place around them. That is why it is possible to identify a separate subtype of main myths – central political myths of election campaigns. They reflect the main concept of confrontation or political struggle (for example, the ‘power struggle between liberals and patriots’). The idea of this phenomenon was very well presented in the works of S. Popov³⁶ and M. Koshelyuk³⁷.

The myths of the structure ‘us and them’ were among the first myths to appear. The idea of this phenomenon lies in the fact that when the human communities started to be established, the division into ‘our’ and ‘their’ also appeared. As A. Shcherbakov notes, “myths offer a binary system of relations – beside the divine realm, there is always the world of evil and vices”³⁸. This means that, as soon as the human being starts trying to separate ‘good’ from ‘evil’ on an instinctive level, they begin to divide the world into those who are with them and those who are against. This fact is used by candidates’ teams, headquarters of political parties, trying to play on the ancient subconscious of the human psyche. According to Golovatiy, myths of the structure ‘us and them’ are created and used to separate different structures and to compare them³⁹. When various parties or candidates are compared, myths rely on the sacred mechanism of human subconscious to negatively perceive everyone and everything that is opposed to it. The ancient principles that exist in the mind of a person since the beginning of the world can be considered that special force of a myth that changes the behaviour of supposedly ordinary, quiet people, who were never previously engaged in politics, and turns them into hyperactive and sometimes even unrestrainedly aggressive political actors.

Pseudo-myths are myths of immediate, temporary and short-term action⁴⁰. These are political myths that are situational in nature and have a relatively small scale of influence. They are formed within certain short-term political campaigns (mostly election campaigns). Together with propaganda techniques, they provide support to certain candidates, parties or other political actors. In contrast to real political myths,

³⁶ S.A. Popov, “Central myth in the strategy of an election campaign”. In *Electoral Technologies and Selective Art* (Moscow: ROSSPEN, 2001), 75–87.

³⁷ M.E. Koshelyuk, *Technology of Political Elections* (St Petersburg: Piter, 2004).

³⁸ A.E. Shcherbakov, “The place of a myth in political ideology”, *Political Studies*, no. 4 (2003): 175–80.

³⁹ M.F. Golovatiy, *Political Mythology* (Kiev: MAUP, 2006), 42.

⁴⁰ Ibid.

they do not rely on the archetypal base and are not complex socio-psychological phenomena. A. Tsuladze calls such political myths “technological myths”⁴¹.

Personal, or heroic, myths are mostly used in presidential election campaigns, because such campaigns are not only and not to such a large extent confrontation of parties, programs or ideas, but rather of personalities. From the point of view of culturalology, a hero is a main character who bears the view of reality, of himself and of other characters⁴². In political science, a ‘hero’ of a myth is a specific person, around the image of whom a political myth is created. Whilst creating a personal political myth during an election campaign, its creators use actualization of the heroics, of the technology of political mythmaking, which means the hyperbolization of hero's achievements, certain features of their image, their correction to archetypes and attitudes existing in the society, political, religious and cultural traditions, values and norms. This also includes ideology, based on which (or in support of which) a personal myth is created. However, many modern societies are de-ideologized, or the ideology in them plays only a small role. Therefore, political myths for efficiency preservation must function autonomously from it, focusing specifically on the sociocultural and social-psychological characteristics of the people. A politician, a journalist, a public figure or any other public person who relates to an election campaign can become a hero of such a political myth. It is worth noting that heroics, unlike an image⁴³, is not only a set of descriptive characteristics of a certain person, but also the actions that this person supposedly performs. A hero accumulates in themselves the ‘superhuman’ abilities and actions of a hero of a myth and, on the one hand, makes it ideal and mystically unattainable for the audience, and on the other hand, preserves and maintains a link between the two⁴⁴. Thus, a perfect example of the existence of effective political heroics would be the myth of ‘an ordinary Texan cowboy George W. Bush’ (the presidential campaign of 2004 in the United States), when he was simultaneously the highest official in the country unattainable for ordinary people, and, at the same time, ‘an ancestor of the people’ in his own country. Such heroics (especially in the domestic political culture) is inherent to virtually all politicians who became heroes of political myths. One can say that with the help of personal myths, politicians try to maintain a subtle but steady connection with the human masses.

Personal myths have a specific structure. According to the Russian author A. Shcherbakov, a political myth consists of several levels of content, which develops

⁴¹ A. Tsuladze, *Great Manipulative Game* (Moscow: Algorithm, 2000), 60.

⁴² A.S. Akhiezer, *Criticism of Historical Experience. Sociocultural Dictionary* (Moscow: Lar-ets, 1991), 23.

⁴³ L. Kochubey, “Archetypes of political leadership as the basis for manipulative technologies”, *State and Society*, vol. 34 (2010): 312–17.

⁴⁴ L. Benuas, *Signs, Symbols and Myths* (Moscow: AST, 2006), 22.

cyclically and is constantly updated⁴⁵. The ‘core’ of this structure, the invariant set of messages, symbols and stereotypes, is created around the central fact, a real political event taking place in the life of a person around whom the whole political myth is created. The details and significance of this event in the political myth are hyperbolized or diminished. This ‘core’ is a constant, around which all the other components of a personal political myth must be centred. A political myth is to be certainly based on the reality. This reality is changed with the help of additional information, political stereotypes, symbols, word-markers, labels and rumours. The content of additional information reproduced in a personal political myth can be transformed during its adaptation to the current changes in the political environment existing around a myth.

To protect a personal political myth from deactivation and destruction, there exists the so-called ‘sacral shell’ which sifts all the elements hostile to a political myth. This ‘shell’ is adapted to the audience and is represented by suggestive repetition, which protects the political myth from the archaic fear of destruction⁴⁶. Therefore, a myth returns people to the primary holiness of time, so that any demythologization can lead to the emergence of negative emotions, a sense of losing the meaning of life, frustration in candidates or parties or deprivation. This manifest itself particularly sharply when political myths reproduce information about the facts and events that create and initially determine the historical memory of the people, which is often practiced in presidential election campaigns in the Ukraine.

For comprehensive understanding of the specifics that characterize the usage of political myths in election campaigns, it would be required to define the spectrum of functions that such political myths perform. Thus, Golovatyj assigns the following functions to political myths:

1. The explicative function means explaining to the target audience the main ideas of a party programme or candidate’s manifesto, their announced worldviews, the values they declare relevant and important. In some cases, political mythology explains the essence and practicability of a new opinion on the past historical events. Political myths fasten such a perception of history on the society that is relevant to the prevailing political attitudes, stereotypes, values and dominant ideology. As an example, this could be the political mythology created around the image of Valdas Adamkus during 1998 election campaign in Lithuania. During this campaign, various personal political myths about this presidential candidate actively reproduced the emigrant version of Lithuanian history. This version was an alternative to the one that existed in the country since the Soviet-era.

⁴⁵ A.E. Shherbakov, “The place of a myth in political ideology”, *Political Studies*, no. 4 (2003): 175–80.

⁴⁶ A.E. Shherbakov, “The place of a myth in political ideology”, *Political Studies*, no. 4 (2003): 178.

2. The apologetic function means justifying the existing order of things, legitimizing the actions of political actors at different levels, in particular, pro-government candidates or parties during the election campaigns. This function is mainly based on the binary opposition 'us and them'. Pre-eminently, on the one hand, there are authorities that try to prove the necessity and allegedly objective conditionalism of their actions, and on the other hand, there are some opposition forces that stand as the main obstacle on the way of this intention of the authorities. For example, it's the political myth of "the desire of democrats to destroy all the achievements of the Reaganomics", the economic policies promoted by the U.S. President Ronald Reagan. This myth was actively spread during the presidential campaign in the United States by a team of Republicans under the leadership of George Bush Senior.

The manipulative function means applying political mythmaking as a technology in a variety of political campaigns, including election campaigns. Political myths change the political psyche of people to regulate and control their political behaviour in the future. Due to the influence of myths, people conform to the implanted ideas long before they can realize what has happened⁴⁷.

In addition to the functions mentioned above, there is a significant range of other functions defining political myths. For instance, the Russian scientist A. Mishuchkov names 16 other functions. Exploring a myth as an integral pre-reflective form that responds to all questions at the everyday level of consciousness and satisfies all its needs, he insists on the so-called poly-functionality of this phenomenon⁴⁸. It is worth considering some of these functions from the point of view of using political myths in election campaigns.

The socio-practical function is responsible for the social connection between the people. It ensures organization of integrity and unity of the electorate through self-identification of individuals with a single candidate or a party. This function of a political myth is the key one, because all other functions as a matter of fact contribute to its implementation. It has a somewhat constructive nature as, because of its implementation, the consolidation of people masses take place, new electoral groups are formed and those already existing are preserved. With the help of this function, the socially-integrative density of the electorate is achieved, mostly due to the depersonalization of social relations and complete domination of mass consciousness over the individual one.

The ideological-pragmatic function relates to ideology and prevails in the political system. In fact, ideology is a structured system of clearly formulated socio-political ideas that represent people's attitude towards authorities, their vision of the desired future and a certain evaluation of the past and that of the political reality. Ac-

⁴⁷ M.F. Golovatiy, *Political Mythology* (Kiev: MAUP, 2006).

⁴⁸ A.A. Mishuchkov, "Specifics and Functions of Mythological Consciousness", <http://credonew.ru/content/view/210/25/> (date of access 12.06.2014)

According to A. Mishuchkov, political mythology exists as the so-called 'bottom floor' of ideology, is consumed by everyday consciousness and shapes the marginal sociality⁴⁹. Ideology influences political myths in accordance with three main levels as follows⁵⁰:

At the theoretical and conceptual level, it lays down basic principles of behaviour for different heroes of political myths, determines its own personal interpretation of the political reality, fundamental political values and ideals based on which myths are created and developed. For example, heroes of political myths that are 'products' of liberal ideology, must declare devotion towards the market economy, free competition, supremacy of law and human liberties, individualism, etc.

The programmatic and political level of such an ideology brings a political myth closer to more specific conditions of the current political reality. As an example, during presidential election campaigns, there is a combination of personal myths of candidates with different kinds of political programs, slogans, media materials and documents that constitute the ideological and political basis for decision-making, orientation and stimulation of citizens' behaviour. At this level, ideology appears not as the collection of various political ideas themselves but rather as the collection of information where these ideas are fixed. They complement a personal political myth, creating the ideological background, and influence its content and development of its plot.

On actualization-behavioural level, the ideological function of a political myth provides the following:

- 1) correspondence and coherence of the actions of the myth hero with the political, socio-economic and socio-cultural issues that are relevant to the target audience;
- 2) understanding of basic ideas covered in a political myth, by imitating the human element of the political (and sometimes social) behaviour of the heroes of political myths;
- 3) combination of the ideological and civilizational foundations of heroics in the mass consciousness, creation of an integral image of a hero of a personal political myth on their basis.

The mnemonic-orientating function is associated with memory and human consciousness. Any political myth represents a collection of images that are to be found in the subconscious realm of the human mind. This function arose due to transition from the emotionally orientating way of understanding the reality towards a sensually practical, emotional and value-based image, and is closely related to the emergence of languages⁵¹. Owing to this function, stereotypes are preserved in the human mem-

⁴⁹ Ibid.

⁵⁰ Ju.V. Irkhin, *Political Science* (Moscow: Jurist, 2002), 343.

⁵¹ A.A. Mishuchkov, "Specifics and Function of Mythological Consciousness", <http://credonew.ru/content/view/210/25/> (date of access 12.06.2014)

ory on a subconscious level and are deeply rooted in people's thoughts and the origin of which would be in political myths.

The axiological or value-based function means creation and dissemination of political values with the help of myths during an electoral campaign. Each candidate or party proclaims and defends a certain set of values in its mythology. Mythological consciousness of voters is a method of axiological interpretation of socio-political, socio-cultural and socio-economic environment. Its main goal is the value-based self-determination of a person. Mythological consciousness shapes value-based orientations of voters. Owing to these landmarks, voters determine their way of life and political behaviour under the conditions of a specific campaign. Political myths form systems of basic reference points that allow representatives of communities know which candidates or parties deserve their preference and their votes.

The mobilization function of political myths in electoral campaigns is expressed in the creation of vivid, emotional images that will encourage people to unite around a political force or a certain candidate, actively supporting their activities, and with down-the-line belief in their victory. A true believer rejects all personal and intellectual reasonings and completely subordinates to the actions of a political myth; therefore, demythologization is associated with the crisis of human existence and its motivation. Political myths often contribute to the exceptional mobilization and increase of a person's mental stamina during an election campaign to overcome dangers, obstacles and moral dilemmas.

Based on the problems faced by political myths during election campaigns, myths can be divided as follows:

Defensive and offensive political myths. One of the tasks of political myth-making is to influence people's minds to make them perceive the world in such a way as mythmakers want. A significant part of political myths is created to cope with the fear of a real or potential enemy. Two ways to fight the enemy become applicable: defence or attack. And considering that 'best defence is offence', political myths would always be a perfect 'weapon' in the hands of propagandists of various political parties opposing each other during election campaigns.

Main and additional political myths – a division possible due to the process of generating one political myth by another. An example would be the personal political myth about Vladimir Putin as 'a politician who brought back the former might of Russia' (the 2012 campaign). This political myth is the main one for the current president of Russia, and its extenuations might be other myths about Vladimir Putin as 'the successful commander in chief', 'a leader and defender of the Russian people's interests' and 'a traditionalist'.

Personal political myths are one of the myth varieties used in election campaigns. Their main objective is to idealize or demonize the image of a certain politician, to create an effective link between the said politician and the electorate. This is possible

provided that personal myths correspond to mental, civilizational and other peculiarities of the current political environment, and the stable performing functions inherent in the legends, which is provided using technologies of political mythmaking.

Conclusion

During evaluation of the posed research tasks, the authors came to several conclusions.

The Anglo-American political discourse is characterized by focusing on the study of the practical application of political myths to solve applied problems. In Russian political science, myths are viewed mostly as means of manipulating mass consciousness, as an element of symbolic politics. The Ukrainian political science is characterized by a high degree of interdisciplinarity whilst studying political myths, where the emphasis is on their relationship to their historical memory and identity.

The authors proved that political myths are the key elements of election campaigns, have a 'branched' internal structure consisting of interrelated components (the main components being 'the core', 'transform' and a sacral protective shell) and are constantly developing in political time and space. Therefore, a myth around a political subject is the link between the archaic past and the modern political developments.

It is justified that political myths differ from the archaic myths in that they have political objectives, and are characterized by teleologicity (purposeful creation), dynamism (capable of evolving, changing in political time and space, acquiring new meanings depending on the context), and are also conditioned by the peculiarities of the political environment. The prime objective of political myths is to idealize or demonize the image of specific political actors and to create an effective link between them and their electorate.

Political myths exist in election campaigns in the form of integral structured systems that include central myths of the campaign, main myths, political myths of the 'us-them' structure, and personal political myths. Whereby, it is central myths that designate the concept of the pre-election campaign and determine its meaning and trends.

In election campaigns, political myths perform several key functions: explicative, manipulative, apologetic, mobilization, ideological-pragmatic, etc. At the same time, the main objective whilst using myths by political actors in elections is to bring the confrontation to the sensuous-emotional level.

Список литературы

Аксютин Ю.М. «Имперский этнос»: понятие и дефиниции // Вестник Челябинского государственного университета. 2009. № 18 (156). С. 35–39.

Алисова Л.Н. Политическая социология. М.: Компакт, 2009. 355 с.

Ахиезер А.С. Критика исторического опыта. Социокультурный словарь. М.: Ларец, 1991. 600 с.

Бакиров В.С. Идеологические дилеммы современной Украины: в поисках новых смыслов // Методологія, теорія та практика соціологічного аналізу сучасного суспільств. Харків: ХНУ імені В. Н. Каразіна, 2005. С. 3–8.

Бенуас Л. Знаки, символы и мифы. М.: АСТ, 2006. 160 с.

Воляннюк О. Героїчний дискурс: політологічний аналіз понять і концепцій // Науковий часопис НПУ імені МП Драгоманова. Серія 22: Політичні науки та методика викладання соціально-політичних дисциплін. 2015. Вип. 16. С. 105–112. URL: http://nbuv.gov.ua/UJRN/Nchnpu_022_2015_16_22 (дата обращения: 27.02.2018)

Гетало Т. Українська ментальність. Від природи до суспільної психології. Київ: Самтер, 2012. 162 с.

Головатий М.Ф. Політична міфологія. Київ: МАУП, 2006. 144 с.

Ирхин Ю.В. Политология. М.: Юристъ, 2002. 511 с.

Кара-Мурза С.Г. Манипуляция сознанием. М.: Эксмо, 2009. 864 с.

Кара-Мурза С.Г. Чёрный миф // Русский дом. 1999. № 42. С. 99–104.

Кочубей Л. Архетипы политического лидерства как подгрунтя манипулятивных технологий // Держава і суспільство. 2010. Вип. 34. С. 312–317.

Кошелюк М.Е. Технологии политических выборов. СПб: Питер, 2004. 239 с.

Крячко В.І. Ментальні детермінанти нормативних та дисфункціональних станів соціальної системи // Вісник нац. техн. ун-ту України «Київський політехнічний інститут». Політологія. Соціологія. Право. 2010. № 2. С. 10–17.

Малинова О.Ю. Миф как категория символической политики: анализ теоретических развилок // Полис. Политические исследования. 2015. №4. С. 12–21. URL: <https://doi.org/10.17976/jpps/2015.04.03> (дата обращения: 25.02.2018)

Марк М. Герой и бунтарь: Создание бренда с помощью архетипов. СПб.: Питер, 2005. 336 с.

Мишучков А.А. Специфика и функции мифологического сознания. URL: <http://credonew.ru/content/view/210/25/> (дата обращения: 12.06.2014).

Нагорняк Т. Соціокультурний дискурс України і політичні практики 2014–2016 рр. // Дискурс смысловой войны: агрессия и аргументация: сборник научных статей. 2016. С. 52–66.

Попов С.А. Центральный миф в стратегии избирательной кампании // Избирательные технологии и избирательное искусство. М.: РОССПЭН, 2001. С. 75–87.

Поцелуев С.П. Символическая политика: констелляция понятий для подхода к проблеме // Политические исследования. 1999. № 5. С. 62–74.

Поцелуев С.П. Символические средства политической идентичности. К анализу постсоветских случаев // Экономика. Социология. Менеджмент. Федеральный образовательный портал. URL: <http://ecsosman.hse.ru/data/891/691/1219/005.POTSELUEV.Pdf> (дата обращения: 01.03.2018)

Пробийголова Н.В. Вплив політичного міфу на мотивацію політичного вибору особистості // Політологічні записки. 2011. №4. URL: http://nbuv.gov.ua/j-pdf/Polzap_2011_4_19.pdf. (дата обращения: 12.09.2017)

Пробийголова Н.В. Феномен міфу в політичному житті сучасних суспільств // Політологічні записки. 2010. Вип. 2. URL: http://www.nbuv.gov.ua/portal/Soc_Gum/Polzap/2010_2/10pnvgscc.pdf. (дата обращения: 12.09.2017)

Проблема политически «пригодного» прошлого и эволюция официальной символической политики в постсоветской России // Политическая концептология: журнал метадисциплинарных исследований. 2013. № 1. С. 114–130.

Словарь по политологии / под ред. проф. В.Н. Коновалова. Ростов-на-Дону: Ростовский государственный университет, 2001. 285 с.

Хантингтон С.Ф. Столкновение цивилизаций. М.: АСТ, 2003. 603 с.

Цуладзе А. Большая манипулятивная игра. М.: Алгоритм, 2000. 336 с.

Цуладзе А. Политическая мифология. М.: Ким, 2003. 384 с.

Шайгородський Ю. Ціннісна невизначеність як передумова розвитку політичності міфотворчості // Вісник Одеського національного університету. Т. 13. Вип. 5.: Соціологія і політичні науки. Одеса, 2008. С. 760–767.

Шкурко Н.С. Социокультурные истоки отечественного имперского мифа // Социум и власть. 2010. № 3. С. 107–111.

Щербаков А.Е. Место мифа в политической идеологии // Политические исследования. 2003. № 4. С. 175–180.

Bottici C. A Philosophy of Political Myth. Cambridge: Cambridge University Press, 2007. 294 p.

Combs J.E. Political Advertising as a Popular Mythmaking Form // Journal of American Culture. Virginia Wesleyan University, VA, US. 1979. № 2. P. 331–340.

Cuthbertson G. Political Myth and Epic. Chicago: East Lansing: Michigan State University Press, 1975. 384 p.

Day J. The Creation of Political Myths: African Nationalism in Southern Rhodesia // Journal of Southern African Studies. 1975. №2. P. 52–65.

Della Sala V. Political Myth, Mythology and the European Union // Journal of Common Market Studies. 2010. January. Vol. 48. Iss. 1. P. 1–19.

Edelman M. Myths, Metaphors, and Political Conformity // Journal Psychiatry Interpersonal and Biological Processes. 1967. Vol. 30. Iss. 3. P. 217–228.

Flood C. Political Myth: A Theoretical Introduction. New York; London: Routledge, 2001. 322 p.

Lawson St. The Myth of Cultural Homogeneity and its Implications for Chiefly Power and Politics in Fiji // Comparative Studies in Society and History. 1990. October. Vol. 32. No. 4. P. 795–821.

Richards J. Political Myth and Discourse Analysis in Security // *Richards J.* Extremism, Radicalization and Security: An Identity Theory Approach. London: Palgrave Macmillan, 2017. P. 115–139.

Tudor H. Political Myth. London: Pall Mall, 1972. 157 p.

References

Akhiezer, A.S. *Kritika istoricheskogo opyta. Sotsiokul'turniy slovar* [Criticism of Historical Experience. Sociocultural Dictionary]. Moscow: Larets, 1991. 600 p. (in Russian)

Aksyutin, Yu.M. “ ‘Imperial ethnos’: Concept and definitions”, *Bulletin of Chelyabinsk State University*, no. 18 (156) (2009): 35–39. (in Russian)

Alisova, L.N. *Politicheskaya sociologiya* [Political Sociology]. Moscow: Kompakt, 2009. 355 p. (in Russian)

- Bakirov, V.S. "Ideological dilemmas of the modern Ukraine: In search of new meanings", in *Methodology, Theory and Practice of Sociological Analysis of Modern Societies (Collection of articles)* (Kharkiv: V.N. Karazin Kharkiv National University, 2005), 3–8. (in Russian)
- Benuas, L. *Znaki, simvoliy i mify* [Signs, Symbols and Myths]. Moscow: AST, 2006. 160 p. (in Russian)
- Bottici, C. *A Philosophy of Political Myth*. Cambridge: Cambridge University Press, 2007. 294 p.
- Combs, J.E. "Political Advertising as a Popular Mythmaking Form", *Journal of American Culture*. Virginia Wesleyan University, VA, US, no. 2 (1979): 331–340.
- Cuthbertson, G. *Political Myth and Epic*. Chicago: East Lansing: Michigan State University Press, 1975. 384 p.
- Day, J. "The Creation of Political Myths: African Nationalism in Southern Rhodesia", *Journal of Southern African Studies*, no. 2 (1975): 52–65.
- Della, Sala V. "Political Myth, Mythology and the European Union", *Journal of Common Market Studies*, vol. 48, issue 1 (January 2010): pp. 1–19.
- Dictionary in Political Science*, ed. prof. V. N. Konovalov. Rostov-na-Donu: RGU, 2001. 285 p. (in Russian)
- Edelman, M. "Myths, Metaphors, and Political Conformity", *Journal 'Psychiatry: interpersonal and biological processes'*, vol. 30, issue 3 (1967): 217–28.
- Flood, C. *Political Myth: A Theoretical Introduction*. New York; London: Routledge, 2001. 322 p.
- Getalo, T. *Ukrains'ka mental'nist'. Vid prirodi do suspil'noi psihologii* [Ukrainian Mentality. From Nature to Social Psychology]. Kiev: Samter, 2012. 162 p. (in Ukrainian)
- Golovatiy, M.F. *Politichna mifologija* [Political Mythology]. Kiev: MAUP, 2006. 144 p. (in Ukrainian)
- Hantington, S.F. *Stolknovenie tsivilizacij* [Clash of Civilizations]. Moscow: AST, 2003. 603 p. (in Russian)
- Irhin, Ju.V. *Politologija* [Political Science]. Moscow: Jurist, 2002. 511 p. (in Russian)
- Kara-Murza, S.G. "The Black Myth", *Russkiy dom*, no. 42 (1999): 99–104. (in Russian)
- Kara-Murza, S.G. *Manipulyatsiya soznaniem* [Manipulation of Consciousness]. Moscow: Eksmo, 2009. 864 p. (in Russian)
- Kochubey, L. "Archetypes of political leadership as the basis for manipulative technologies", *State and Society*, vol. 34 (2010): 312–317. (in Ukrainian)
- Koshelyuk, M.E. *Tekhnologii politicheskikh viborov* [Technology of Political Elections]. St Petersburg: Piter, 2004. 239 p. (in Russian)
- Kryachko, V.I. "Mental determinants of normative and dysfunctional states in the social system", *Bulletin of National Technical University of Ukraine 'Kiev Polytechnic Institut'. Politology. Sociology. Law*, no. 2 (2010): 10–17. (in Ukrainian)
- Lawson, St. "The Myth of Cultural Homogeneity and its Implications for Chiefly Power and Politics in Fiji", *Comparative Studies in Society and History*, vol. 32, no. 4 (October 1990): 795–821.
- Malinova, O.Ju. "Myth as a category of symbolic politics: Analysis of theoretical bifurcations", *Polis. Political Studies*, no. 4 (2015): 12–21. <https://doi.org/10.17976/jpps/2015.04.03> (date of access 25.02.2018) (in Russian)
- Mark, M. *Geroj i buntar': Sozdanie brenda s pomoschyu arhetipov* [Hero and Rebel: Creating a Brand with the Help of Archetypes]. St Petersburg: Piter, 2005. 336 p. (in Russian)

- Mishuchkov, A.A. *Specifics and Functions of Mythological Consciousness*. <http://credonew.ru/content/view/210/25/> (date of access 12.06.2014) (in Russian)
- Nagornyak, T. “Socio-cultural discourse of Ukraine and political practices in 2014–16”, *Discourse of the Semantic War: Aggression and Argumentation: (Collection of Scientific Articles)* (2016): 52–66. (in Ukrainian)
- Popov, S.A. “Central myth in the strategy of an election campaign”, *Electoral Technologies and Selective Art* (Moscow: ROSSPEN, 2001): 75–87. (in Russian)
- Potseluev, S.P. “Symbolic politics: Constellation of concepts to be used to approach a problem”, *Political Studies*, no. 5 (1999): 62 – 74. (in Russian)
- Potseluev, S.P. “Symbolic means of political identity. To the analysis of post-Soviet occurrences”, *Economics. Sociology. Management. Federal Educational Portal*. <http://ecsocman.hse.ru/data/891/691/1219/005.potseluev.pdf> (date of access 01.03.2018) (in Russian)
- Probeigolova, N.V. “The phenomenon of myth in the political life of modern societies”, *Political Science Notes (collection of articles)*, vol. 2 (2010). http://www.nbu.gov.ua/portal/Soc_Gum/Polzap/2010_2/10pnvgcc.pdf. (date of access 12.09.2017). (in Ukrainian)
- Probeigolova, N.V. “The influence of a political myth on motivation of the political choice of a person”, *Political Science Notes*, no. 4 (2011), http://nbuv.gov.ua/j-pdf/Polzap_2011_4_19.pdf. (date of access 12.09.2017). (in Ukrainian)
- “The problem of the past politically ‘fit’ and the evolution of official symbolic politics in post-Soviet Russia”. *Political Conceptology: Journal of Metadisciplinary Research*, no. 1 (2013): 114–30. (in Russian)
- Richards J. “Political Myth and Discourse Analysis in Security”. In J. Richards, *Extremism, Radicalization and Security: An Identity Theory Approach* (London: Palgrave Macmillan, 2017): 115–39.
- Shaigorodskiy, Ju. “Valuable uncertainty as a prerequisite for the development of politics of myth-creation”, *Bulletin of Odessa National University*, vol. 13, 5 (Odesa, 2008): 760–67. (in Ukrainian)
- Scherbakov, A.E. “The place of a myth in political ideology”, *Political Studies*, no. 4 (2003): 175–80. (in Russian)
- Shkurko, N.S. “Sociocultural sources of the ‘home-made’ imperial myth”, *Social Medium and Power*, no. 3 (2010): 107–11. (in Russian)
- Tsuladze, A. *Bol'shaja manipuljativnaja igra* [Great Manipulative Game]. Moscow: Algoritm, 2000. 336 p. (in Russian)
- Tsuladze, A. *Politicheskaja mifologija* [Political Mythology]. Moscow: Kim, 2003. 384 p. (in Russian)
- Tudor, H. *Political Myth*. London: Pall Mall, 1972. 157 p.
- Volyanyuk, O. “Heroic discourse: Political analysis of ideas and concepts”, *Scientific Journal of NPU named after M.P. Dragomanov. Series 22: Political Sciences and Methods of Teaching Socio-Political Disciplines*, vol. 16 (2015): 105–12. http://nbuv.gov.ua/UJRN/Nchnpu_022_2015_16_22 (date of access: 27.02.2018) (in Ukrainian)

DOI 10.23859/2587-8344-2018-2-3-5

УДК 94 (471.66): 321.019.5

Тумаков Денис Васильевич

Кандидат исторических наук, старший преподаватель,
Ярославский государственный медицинский университет
(Ярославль, Россия)
denistumakov@yandex.ru

Tumakov Denis

Candidate of Historical Sciences, Senior Lecturer,
Yaroslavl State Medical University
(Yaroslavl, Russia)
denistumakov@yandex.ru

**Публикации иностранных журналистов в российских масс-медиа
как источник по первой чеченской кампании 1994–1996 гг.***

**Publications of Foreign Journalists in the Russian Mass Media
as a Source of Information on the First Chechen Campaign of 1994–1996**

Аннотация. Статья посвящена анализу первых дней чеченской войны 1994–1996 гг. в изложении ряда известных иностранных журналистов (Я. Ружджиньский, Э. Ливен, Ф. Кукурина). В их публикациях описываются стычки между российскими войсками и чеченскими боевиками, разрушения в Грозном и гибель мирных жителей. Проведены параллели с аналогичными публикациями в российской печати того времени. Сделан вывод о симпатиях иностранных корреспондентов к чеченским сепаратистам и их близости к антивоенным публикациям российской печати.

Ключевые слова: Северный Кавказ, Чечня, первая чеченская война, Россия, иностранцы, боевые действия, пресса, сепаратизм, средства массовой информации.

* Для цитирования: Тумаков Д.В. Публикации иностранных журналистов в российских масс-медиа как источник по первой чеченской кампании 1994–1996 гг. // *Historia Provinciae – Журнал региональной истории*. 2018. Т. 2. № 3. С. 87–187. DOI: 10.23859/2587-8344-2018-2-3-5

For citation: Tumakov, D. “Publications of Foreign Journalists in the Russian Mass Media as a Source of Information on the First Chechen Campaign of 1994–1996”. *Historia provinciae – The journal of regional history*, vol. 2, no. 3 (2018): 87–118, [https:// doi.org/ 10.23859/2587-8344-2018-2-3-5](https://doi.org/10.23859/2587-8344-2018-2-3-5)

© Тумаков Д.В., 2018

© Tumakov D., 2018

Abstract. The article is devoted to the analysis of the first days of the Chechen war of 1994-96 presented by several well-known foreign journalists (Jan Rozdzynski, E. Lieven, and F. Kukurina). Their publications describe skirmishes between the Russian troops and the Chechen militants, the devastation in Grozny and the deaths of civilians. The parallels with similar publications in the Russian press of that time are drawn. The conclusion about sympathies of foreign correspondents with regards to the Chechen separatists and their proximity to the anti-war publications of the Russian press was made.

Keywords: The North Caucasus, Chechnya, the first Chechen War, Russia, foreigners, fighting, press, separatism, mass media

Введение

Военная кампания 1994–1996 гг. по восстановлению конституционного порядка в Чеченской республике, получившая в отечественной периодике и публицистике наименование «первой чеченской войны», стала одной из крупнейших войн не только на постсоветском пространстве, но и во всей Европе после 1945 года. В ходе неё федеральные войска массово использовали тяжёлые вооружения всех типов, а их противники-сепаратисты неоднократно прибегали к актам массового террора в самой Чечне и на территории сопредельных с ней субъектов федерации. Только по официальным данным, количество жертв первой чеченской войны варьировалось от 30 до 35 тысяч человек¹. Боевые действия стоили нашей стране, пребывавшей в состоянии глубокого социально-экономического и острого политического кризиса, больших финансовых затрат. По различным данным отечественных и зарубежных аналитиков, операция 1994–1996 гг. в Чечне обошлась российскому государственному бюджету в 3,8 млрд долларов, ещё в 5,5 млрд долларов оценивался ими непосредственный ущерб от военных операций². О тяжести войны свидетельствует тот факт, что в 1996 году 12 % военного бюджета России ушли на «чеченские нужды»³.

Неудивительно, что трагические события середины 1990-х гг. на Северном Кавказе в различном контексте изучались российскими историками и публицистами в течение двух последних десятилетий. Достаточно упомянуть работы таких известных отечественных исследователей, как В.А. Тишков⁴, И.И. Ро-

¹ Россия и СССР в войнах XX века: Статистическое исследование. М.: Олма-Пресс, 2001. С. 585.

² *Осьмачко С.Г.* Политическое и социально-экономическое развитие СССР, Российской Федерации (1985–1999 гг.). Ярославль: ЯГТУ, 2003. С. 228.

³ *Малашенко А.В., Тренин Д.А.* Время Юга: Россия в Чечне, Чечня в России. М.: Гендальф, 2002. С. 166.

⁴ *Тишков В.А.* Общество в вооружённом конфликте. Этнография чеченской войны. М.: Наука, 2001.

тарь⁵, К.С. Гаджиев⁶, А.В. Малашенко и Д.В. Тренин⁷, Н.Ф. Бугай и А.М. Гонов⁸, В.А. Шнирельман⁹. Несколько крупных работ, включая две монографии о восприятии военных действий первой половины 1990-х гг. на Северном Кавказе в российском обществе, опубликовал и автор данной статьи¹⁰. Не остались разные аспекты «чеченской темы» (от попыток мирного урегулирования до общего обзора причин возникновения данного кризиса) без внимания и в работах зарубежных журналистов и учёных¹¹. Однако практически во всех исследованиях, посвящённых чеченскому кризису, не подвергается тщательному анализу проблема восприятия войны в российском обществе. Немаловажную роль в этом восприятии сыграли антивоенные публикации в отечественной прессе, часть из которых была переведена из ведущих зарубежных масс-медиа или специально написана по-русски их корреспондентами. Их роли в формировании картины первой чеченской войны 1994–1996 гг. в российском обществе и посвящена данная статья.

⁵ *Ротарь И.И.* Под зелёным знаменем. Исламские радикалы в России и СНГ. М.: АИРО-XXI, 2001.

⁶ *Гаджиев К.С.* Геополитика Кавказа. М.: Международные отношения, 2001.

⁷ *Малашенко А.В., Тренин Д.В.* Время Юга: Россия в Чечне, Чечня в России. М.: Гендальф, 2002.

⁸ *Бугай Н.Ф., Гонов А.М.* Северный Кавказ: новые ориентиры национальной политики (90-е годы XX века). М.: Новый хронограф, 2004.

⁹ *Шнирельман В.А.* Быть аланами: интеллектуалы и политика на Северном Кавказе. М.: Новое литературное обозрение, 2006.

¹⁰ *Тумаков Д.В.* Вооружённые формирования чеченских сепаратистов в 1994–1996 гг. (по материалам российской прессы) // В.В. Верещагин и Восток: В предчувствии Евразийства: Материалы Международной научной конференции (г. Череповец, 26–28 октября 2016 г.): Сборник научных работ. Череповец: Череповецкий государственный университет, 2016. С. 302–309; *Он же.* Тревожный регион: вооружённые конфликты на Северном Кавказе в первой половине 1990-х гг. и Ярославская область. Ярославль: Ярославский государственный медицинский университет, 2016; *Он же.* Горячая точка новой России: чеченский кризис 1991–1996 гг. в оценках российского общества. Ярославль: Авер-Плюс, 2017.

¹¹ *Goltz T.* Chechnya diary. A war correspondent's story of surviving the war in Chechnya. New York: Thomas Dunne Books, 2003; *Ware R.B.* Civil war in Chechnia: political failure and strategic response // *Central Asia and the Caucasus*. 2004. № 3. P. 53–61; *Alissoltanov O.* The Chechen crisis: genesis, dynamics and recent trends // *Central Asia and the Caucasus*. 2004. № 2. P. 13–23; *Dobaev I.L.* The Islamist movement in the Northern Caucasus: trends, possible developments and how oppose it // *Central Asia and the Caucasus*. 2006. № 3. P. 146–152; *Савченко О.А.* Українська сангха японського Ордену Ніппондзан Мьоходзі // *Наука. Релігія. Суспільство*. 2010. № 2. С. 290–295; *Melikova S.* The First Russo-Chechen campaign (1994–1996): causes and factors of ethnic mobilization // *The Caucasus and Globalization*. 2012. Vol. 6. № 3. P. 72–79; *Gammerr M.* Empire and mountains: the case of Russia and the Caucasus // *Social Evolution & History*. 2013. №2. P. 120–142.

Основная часть

Ввод федеральных войск в мятежную Чечню в конце 1994 года вызвал в целом неодобрительную реакцию мировой общественности, которая активно отреагировала на начавшуюся большую войну на российском Северном Кавказе. Лишь в течение декабря в Париже прошли три антивоенные манифестации. Первую из них, перед зданием посольства РФ, организовали проживавшие во Франции правозащитники, бывшие советские диссиденты А. Гинзбург, Л. Плющ, В. Файнберг, И. Шелковский и др. На их транспарантах были написаны лозунги «Снова гробы вместо демократии» и «Лучше маленькая демократическая Россия, чем большая “Империя зла”», а своё заявление в защиту гражданского населения Чечни протестующие лично вручили российскому послу во Франции Ю. Рыжову. Две другие акции протеста – на Площадке прав человека (площадь Трокадеро) и между площадями Бастилии и Республики – провели в тот же период ассоциация «Франция – Грузия» и местная турецкая община¹². Одновременно несколько антивоенных демонстраций прошли у посольства РФ и у одного из представительств ООН в Джакарте, где индонезийские студенты также обращали внимание общественности на религиозную общность населения крупнейшей мусульманской страны мира и далёкой горной республики («Остановите военную интервенцию в мусульманскую Чечню!»)¹³.

По мере затягивания военного кризиса на Северном Кавказе, российские дипломатические представительства становились мишенями для исламских экстремистов. Так, вскоре после взятия федеральными войсками Грозного египетский террорист-смертник с плакатом «Чечня» подорвал себя в здании консульского отдела посольства РФ в Марокко. По счастливой случайности обошлось без жертв¹⁴. На заключительном этапе боевых действий в Чечне на резкое отношение вайнахской общины Турции по отношению к российским дипломатам жаловался уже генеральный консул РФ в Стамбуле Л. Манжосин. С его слов, местные чеченцы запугивали его подчинённых на улице или угрожали им по телефону, устраивали у стен представительства агрессивные манифестации в поддержку мятежной Ичкерии, а также попытались взорвать терминал стамбульского аэропорта, которым пользовались российские «челноки»¹⁵. Неудивительно, что именно в турецком порту Трабзон 16 января 1996 года группой местных террористов во главе с давним знакомым чеченского полевого команди-

¹² Пачегина Н., Исаев М., Бангерский А. Враги сожгли родную хату. Полуразрушенный Грозный готов к переговорам // Независимая газета. 1994. 27 декабря.

¹³ Коротко // Независимая газета. 1994. 27 декабря.

¹⁴ Террористический акт в консульстве РФ в Марокко // Сегодня. 1995. 1 марта.

¹⁵ Гусейнов Э., Чародеев Г. Турецкие чеченцы сказали нам, что Дудаев жив // Известия. 1996. 24 августа.

ра Ш.С. Басаева, турком абхазского происхождения М. Токчаном был захвачен паром «Аврасия» с российскими пассажирами¹⁶.

Наряду со столь радикальными действиями в мире также имели место и вполне гуманные акции пацифистов, не менее решительно осуждавших военные действия в Чечне. К примеру, японский буддийский монах, руководивший деятельностью ордена «Ниппондзан Мёходзи» в России, на Украине и в Центральной Азии¹⁷, Д. Тэрасава весной 1995 года организовал и осуществил «Марш материнского согласия» Москва – Грозный. Буддийские монахи из России и Украины распространяли также антивоенные листовки¹⁸.

Трагические события середины 1990-х гг. на Северном Кавказе осложнили и традиционно противоречивые российско-польские отношения. Хотя официальная Варшава никогда не признавала независимость Чечни и полагала боевые действия на её территории внутренним делом России, некоторая часть польского общества и политического истеблишмента заняла открыто антироссийскую позицию в ходе чеченской войны 1994–1996 гг. У стен посольства РФ в Варшаве тоже проходили антивоенные митинги, а позднее фотовыставки и пресс-конференции побывавших в Чечне журналистов, сочинялись песни, собирались пожертвования и гуманитарная помощь. Заметная часть поляков полагала Россию агрессором, а её действия на Северном Кавказе – геноцидом чеченского народа¹⁹. Социологический опрос варшавского Центра исследования общественного мнения показал, что 58 % поляков видели в военных действиях в Чечне «угрозу Польше», а 51 % – «миру во всём мире», при этом 67 % респондентов симпатизировал чеченским сепаратистам, а РФ – лишь 1 % из них²⁰. В Кракове с марта 1995 года функционировал чеченский информационный центр во главе с М. Зубайраевым и Т. Мазоевым, готовивший пропагандистские радио- и видеоматериалы, а также проводивший конференции²¹. Российская сторона также обвиняла Польшу в том, что собранная ею гуманитарная помощь для Чечни на

¹⁶ Kinzer S. Pro-Chechen Ferry Hijackers Surrender to Turks // The New York Times. 1996. January 20.

¹⁷ Подробнее см.: *Завгородний Ю.Ю.* Философия паломничества буддийского монаха Дзюнсея Тэрасавы // Вестник угроведения. 2014. № 2. С. 66–73.

¹⁸ *Филимонов И.* Свидетельствуют очевидцы // Общая газета. 1995. 20–26 апреля; *Савченко О.А.* Українська сангха японського Ордену Ніппондзан Мьоходзі // Наука. Релігія. Суспільство. 2010. № 2. С. 292–293.

¹⁹ *Красавин Ф.* «Чеченская карта» польской политики. <http://www.maxpark.com> (дата обращения 18.09.2017).

²⁰ Плохая работа // Эхо планеты. 1995. № 5. С. 13.

²¹ *Гродненский Н.Н.* Первая чеченская: история вооружённого конфликта. Минск: Современная школа, 2008. С. 568.

сумму в 1 млн долларов ушла не гражданскому населению, а вооружённым сепаратистам²².

Критика российской военной операции на Северном Кавказе стала раздаваться из уст некоторых зарубежных лидеров. 12 января 1995 года президент Чехии В. Гавел в интервью одному из германских телеканалов намекнул, что после войны в Чечне страны Запада должны понять упорное желание государств Восточной Европы вступить в НАТО²³. Вслед за тем министр иностранных дел Великобритании Д. Хэрд открыто назвал чеченскую войну «плохой работой, которая принесла излишние страдания», а министр обороны Германии Ф. Рюэ, осудив грубые выпады своего российского коллеги генерала армии П.С. Грачёва в адрес антивоенных активистов, не только отменил приглашение для того посетить ФРГ в феврале, но и поддержал предложение издателей еженедельной газеты “DieZeit” выдвинуть кандидатуру российского омбудсмана С.А. Ковалёва на соискание Нобелевской премии мира за 1995 год²⁴. В свою очередь, министр иностранных дел Германии К. Кинкель призвал РФ «соблюдать права человека и сделать всё во избежание потерь среди мирного населения»²⁵. Перечисленные точки зрения были далеко не единственными.

Кровопролитный штурм Грозного российской армией привёл к тому, что на антивоенные позиции начали постепенно переходить не только отдельные политики или политические группы некоторых стран мира, но и влиятельные международные организации. Например, 10 января 1995 года комиссия по политическим вопросам Парламентской ассамблеи Совета Европы осудила боевые действия в Чечне, предложив России «сугубо мирные способы» урегулирования конфликта. В итоге решение о вступлении РФ в эту организацию оказалось перенесено на год²⁶. Вслед за этим и европейские парламентарии в Страсбурге единогласно проголосовали об отсрочке подписания торгово-экономического соглашения между Евросоюзом и РФ на неопределённое время²⁷. 17 января 1995 года Верховный комиссар ООН по правам человека на встрече с главой МИД России А.В. Козыревым призвал того к немедленному прекращению насилия и нарушений прав человека в Чечне. Аналогичные призывы из уст международных чиновников неоднократно раздавались и впоследствии²⁸. Тем самым, можно в целом признать верным утверждение одного из главных антиво-

²² Там же. С. 577.

²³ Дело внутреннее, но... // Эхо планеты. 1995. № 4. С. 11.

²⁴ Плохая работа // Эхо планеты. 1995. № 5. С. 12.

²⁵ Позор. Мир о событиях в Чечне // Эхо планеты. 1995. № 2. С. 3.

²⁶ Шлагбаум на пути в Совет Европы // Эхо планеты. 1995. № 3. С. 12.

²⁷ Плохая работа // Эхо планеты. 1995. № 5. С. 12–13.

²⁸ Положение в области прав человека в Чеченской республике Российской Федерации. Доклад Генерального секретаря 26 марта 1996 г. // Российский бюллетень по правам человека. 1996. Вып. 8. С. 53–54.

енных активистов, председателя Комитета Государственной Думы РФ по обороне С.Н. Юшенкова о том, что накануне ввода федеральных сил в самопровозглашённую Ичкеррию, особенно после неудачных действий внутречеченской оппозиции, «в глазах мировой общественности Дудаев уже не выглядел бы преступником»²⁹.

В то же время говорить о какой бы то ни было международной изоляции России из-за военной кампании на Северном Кавказе в то время невозможно. Ни одно государство официально не признавало независимости Чечни, а министр иностранных дел Германии К. Кинкель в интервью на радио констатировал антидемократизм дудаевского режима³⁰. Основные западные лидеры посетили Москву во время празднования 50-летия победы в Великой Отечественной войне, а затем однозначно поддержали кандидатуру действующего главы государства Б.Н. Ельцина на президентских выборах 1996 года. Финансовая помощь РФ со стороны Международного валютного фонда не прекращалась вплоть до конца 1990-х гг. По вопросу помощи вынужденным переселенцам из Чечни Российское общество Красного Креста тесно сотрудничало с Международным комитетом Красного Креста (МККК). Генеральный секретарь ООН Б. Бутрос Гали утверждал, что лишь за март – июнь 1995 года по этой линии была оказана помощь 400 тысячам чеченских беженцев или людям, пострадавшим от войны, а также 65 учреждениям, включая 25 больниц республики³¹. По линии ООН была оказана помощь ещё более чем 160 тысячам вынужденных переселенцев из Чечни на территории сопредельных республик, в основном женщинам и детям³².

На других направлениях российская дипломатия также добилась некоторых успехов. Несмотря на сложность во взаимоотношениях с Россией в постсоветский период, глава Грузии Э.А. Шеварднадзе с самого начала войны публично поддержал не только территориальную целостность РФ, но и саму идею наведения конституционного порядка в соседней с его страной Чечне³³. Практически в то же время власти Казахстана отвергли просьбу местной чеченской диаспоры к президенту Н.А. Назарбаеву «оградить Чечню от российской агрессии» и также публично признали мятежную республику частью России³⁴. В результате визита на Ближний Восток и в Северную Африку директора Службы

²⁹ Дикун Е. Полковник против генералов // Общая газета. 1994. 16–22 декабря.

³⁰ Позор... // Эхо планеты. 1995. № 2. С. 3.

³¹ Положение в области прав человека в Чеченской республике Российской Федерации... // Российский бюллетень по правам человека. 1996. Вып. 8. С. 61.

³² Там же. С. 57.

³³ Броладзе Н. Шеварднадзе оправдывает действия Москвы в Чечне. Этот кризис он предвидел ещё в начале 1993 года // Независимая газета. 1994. 16 декабря.

³⁴ Минасян Л. Россия – среди приоритетов Казахстана. Проблема гражданства постепенно разрешается // Независимая газета. 1994. 16 декабря.

внешней разведки России Е.М. Примакова арабские страны отказались от публичного обсуждения «чеченского вопроса»³⁵. Даже Турция, несмотря на частые обвинения в её адрес, всё-таки стремилась ограничить кампанию поддержки Ичкерии со стороны кавказских диаспор³⁶. Количество иностранных наёмников и добровольцев в целом не превышало 1–2 % от общей численности вооружённых формирований чеченских сепаратистов³⁷.

В этих условиях российские власти могли бы решительно переломить ситуацию в восприятии своих действий на Кавказе в случае поддержки их позиции в чеченском вопросе крупнейшими мировыми СМИ, как это уже было при острейшем противостоянии президента Б.Н. Ельцина и его оппонентов в августе 1991 и октябре 1993 гг. Поэтому статьи и заметки корреспондентов различных зарубежных электронных и печатных масс-медиа можно считать важными и заслуживающими интереса источниками по первой чеченской войне. Некоторые из них были перепечатаны по горячим следам в крупнейших отечественных общественно-политических изданиях тех лет, а другие нашли российского читателя позднее. Чаще всего эти корреспонденции были резко антивоенными по содержанию и несколько поколебали западное представление о Ельцине как о приверженце либерально-демократических ценностей. Например, профессор Йельского университета, в прошлом генерал-полковник армии США, В.Е. Одом открыто сравнивал политику российского президента и высшего военного руководства страны со сталинской и гитлеровской³⁸. В свою очередь, редакция крупной французской газеты “Le Monde” полагала, что в чеченском вопросе Ельцин оказался «заложником ястребов», то есть министров силового блока³⁹.

Обратимся к фактической стороне вопроса. Польский журналист Я. Ружджиньский (Ружджинский) из газеты “*Życie Warszawy*” оказался на Северном Кавказе в декабре 1994 года, вскоре после начала кампании. Первые его военные воспоминания были связаны с самолётом, на котором журналист прибыл вместе с коллегами из разных стран во Владикавказ – столицу Северной Осетии, расположенную в относительной близости от мятежной Чечни. Большую часть пассажиров авиалайнера составляли российские военные – со слов корреспондента, это были «молчаливые, коротко стриженные, с неподвижными, гладко выбритыми лицами» люди. В самом аэропорту он насчитал более 10 военных и транспортных самолётов, привозивших личный состав и боевую тех-

³⁵ *Примаков Е.М.* Встречи на перекрёстках. М.: Центрполиграф, 2015. С. 454.

³⁶ *Гаджиев К.С.* Указ. соч. С. 349.

³⁷ *Малашенко А.В., Тренин Д.А.* Указ.соч. С. 103.

³⁸ *Одом В.Е.* Какой судьбы я не желаю России // Московские новости. 1995. 29 января – 5 февраля.

³⁹ Преступление // Эхо планеты. 1995. № 1. С. 3.

нику Объединённой группировки войск (ОГВ) в новую горячую точку Северного Кавказа. Именно силовики отдавали распоряжения в аэропорту, из здания даже гражданских лиц (журналистов и фотографов) вывозили на армейских автобусах цвета хаки. При этом гражданским оказался только его самолёт⁴⁰.

Путешествие польского корреспондента в Чечню оказалось небезопасным. Непризнанная республика воспринималась как «дикая страна»⁴¹. Знакомство с чеченской войной у поляка началось уже в многонациональном Владикавказе, проезжавшие по улицам которого грузовые автомашины российской армии регулярно подвергались освистанию, проклятиям и нецензурной брани со стороны местных жителей⁴². Даже федеральная автотрасса Ростов – Баку фактически выглядела в описании корреспондента “*Życie Warszawy*” зоной боевых действий. На автодорогах республики обстановка была крайне напряжённой. Польский журналист был свидетелем воздушных атак российских вертолётов на станицу Серноводскую и обстрелов ими тех жилых домов, где горел свет. Вследствие этого жители были вынуждены вечером и ночью прятаться в подвалах⁴³. Такого рода налёты объяснялись тем, что российская боевая авиация в Чечне регулярно подвергалась обстрелам боевиков с земли, поэтому нередко в ответ с профилактической целью уничтожала легковые автомобили гражданских лиц⁴⁴.

Отношения между российскими военнослужащими и гражданским населением обеих вайнахских республик, по утверждениям Я. Руждзинского, складывались очень непросто. Чтобы не сталкиваться с силами МО и МВД РФ и не подвергаться при этом постоянным досмотрам, допросам и даже оскорблениям, ингушские водители на территории собственной республики старались пользоваться просёлочными дорогами. Самых же чеченцев представители федеральной армии на пограничном блокпосту открыто называли «этими бандитами». Изображение самого блокпоста напоминало картины Второй мировой войны. Руждзинский упоминал о перегораживавших шоссе рядах колючей проволоки, бетонной стене и шлагбауме, загородившем переход. Служившие на нём солдаты, помимо обычного обмундирования, также носили толстые бронежилеты и не испытывали пиетета к зарубежным корреспондентам⁴⁵.

Наибольшее впечатление на польского журналиста произвела чеченская столица Грозный, напомнивший ему «страшный, догорающий город из научно-фантастического романа». В городе всюду располагались посты сторонников

⁴⁰ Руждзинский Я. Тост зоотехника // Новая Польша. 2013. № 1. С. 36.

⁴¹ Там же.

⁴² Руждзинский Я. Раз увидеть... // Новое время. 1994. № 51. С. 8.

⁴³ Руждзинский Я. Тост зоотехника // Новая Польша. 2013. № 1. С. 39.

⁴⁴ Руждзинский Я. Раз увидеть... // Новое время. 1994. № 51. С. 9.

⁴⁵ Руждзинский Я. Тост зоотехника // Новая Польша. 2013. № 1. С. 37.

генерала-президента Д.М. Дудаева, у горевших костров грелись вооружённые люди. Инфраструктура осаждённого российской армией Грозного стремительно разрушалась: в трёх городских гостиницах холодная вода или не поднималась выше подвала, или доходила лишь до первого этажа. Питаться представители СМИ могли лишь в четырёх заведениях общественного питания, причём питание ограничивалось картошкой с мясом или курицей, чаем и алкогольными напитками. Спали журналисты на железных кроватях армейского образца. Несмотря на холодную погоду, нигде не топили, поэтому даже в президентском дворце все ходили в пальто или в тёплых куртках. Не был исключением и Д.М. Дудаев. Даже сам пресс-центр в здании президентского дворца описывался Я. Ружджинским как «маленькая запалённая комната с выбитым окном», где стекло заменял полиэтилен. Ночью улицы Грозного затемнялись, поэтому существовал реальный риск случайной гибели под колёсами автомашины⁴⁶.

Корреспондент американской газеты “The New York Times” М. Спектор утверждал, что за две недели пребывания в Чечне видел многочисленные разрушения жилого сектора и промышленных объектов, а также не менее 200 погибших мирных жителей⁴⁷. Его коллега, оператор агентства “Associated Press” Т. Джафаров, сравнивал Грозный с блокадным Ленинградом и признавался, что «такого ощущения опасности у меня не было даже в Сараево»⁴⁸. Итальянская журналистка Ф. Кукурина также была шокирована войной в Чечне. Увидев воочию последствия ежедневных налётов ВВС России на Грозный, корреспондент издания “La Repubblica” писала на страницах российской демократической газеты «Московские новости» о том, что «не слышала, чтобы даже в самой дикарской стране бомбили свои собственные города»⁴⁹. Хотя вышеозначенный тезис был достаточно спорным, – к насилию по отношению к собственным гражданам неоднократно прибегали во второй половине XX века диктаторские режимы стран Ближнего Востока – итальянка фактически дезавуировала один из главных тезисов официальной российской пропаганды: о борьбе с чеченским криминалом. По её мнению, было бы невозможно представить, чтобы власти Италии аналогичным образом боролись бы с мафией в Палермо на Сицилии. Борьбу же с организованной преступностью в России нужно было начинать с Москвы, а не Чечни, считала итальянская журналистка.

В иностранных публикациях даже более позднего времени военные действия в Чечне воспринимались как чрезмерное и зачастую неоправданное приме-

⁴⁶ Ружджинский Я. Раз увидеть... // Новое время. 1994. № 51. С. 9.

⁴⁷ Зятьков Н., Станишнев Б. Грозный: собаки уже попробовали трупы // Аргументы и факты. 1995. № 1–2.

⁴⁸ Там же.

⁴⁹ Кукурина Ф. «Женщины предлагают еду солдатам» // Московские новости. 25 декабря 1994 – 1 января 1995.

нение силы со стороны России, ведущее к большим жертвам среди гражданских лиц. Корреспондент американской телекомпании АВСТ Гольц в мае 1995 года передавал о значительных разрушениях в райцентре Шали и постоянном страхе его жителей из-за круглосуточной стрельбы тяжёлой артиллерии ОГВ по позициям сепаратистов в горных районах. Военных, находившихся на блокпосту на окраине Шали, Гольц в статье для столичной «Общей газеты» открыто называл преступниками за пьянство, издевательство по отношению к местному населению и прочие факты притеснения его прав⁵⁰. Жители Шали в беседе с американцем обвиняли российских военнослужащих в желании спровоцировать их подобным поведением на бунт для того, чтобы армия получила предлог для разрушения райцентра. Если насилие войск по отношению к чеченцам на рубеже 1994–1995 гг. ещё можно было объяснить неожиданным началом войны и размахом народного сопротивления, то спустя полгода ОГВ формально контролировала большую часть территории республики и обвинялась зарубежными журналистами в неумении выстраивать нормальные отношения с её населением, которая пришла освобождать от диктатуры генерала-президента Д.М. Дудаева.

Несмотря на преобладание эмоций при оценках такого рода, они в целом подтверждались сведениями российских неправительственных организаций о массовой гибели мирного населения Грозного и разрушении города. По их данным, за неполные пять месяцев после ввода федеральных войск в мятежную республику жертвами боевых действий стали более 26,5 тысяч гражданских лиц, среди которых насчитывались тысячи женщин, детей и стариков⁵¹. К этой цифре необходимо присовокупить также 1438 мирных жителей столицы Чечни и её окрестностей, а также 1407 чеченских боевиков, пропавших без вести в течение первого квартала 1995 года, и 2 тысячи чеченских мужчин различного возраста, которые произвольно подверглись задержаниям без санкции прокурора в тот же период⁵². Многочисленными оказались и разрушения инфраструктуры: жилого сектора, школ, детских садов, больниц, театров, библиотек, дорог, мостов и др.⁵³. Одни лишь эти факты не могли вызвать симпатии к официальной версии Кремля о наведении порядка в Чечне и действиям ОГВ.

У станицы Первомайская Грозненского сельского района иностранные журналисты воочию наблюдали настоящие боевые действия между российски-

⁵⁰ Гольц Т. Главная жертва этой войны – честь народа Чечни // Общая газета. 1995. 1–7 июня.

⁵¹ Положение в области прав человека в Чеченской республике Российской Федерации... // Российский бюллетень по правам человека. 1996. Вып. 8. С. 67.

⁵² Там же. С. 69, 71.

⁵³ Бугай Н.Ф., Гонов А.М. Северный Кавказ: новые ориентиры национальной политики (90-е годы XX века). М.: Новый хронограф, 2004. С. 231; Шнирельман В.А. Указ. соч. С. 349–350.

ми войсками и чеченскими боевиками, которые в статьях иностранцев именовались ополченцами. Федеральные силы занимали господствующие над населённым пунктом высоты, но находившиеся в траншеях вокруг него чеченцы обстреливали их из снайперских винтовок. Ответным огнём из танковых орудий было разбито до трети жилых домов в Первомайской, вследствие чего мирные жители были вынуждены укрываться в подвалах и вырытых землянках⁵⁴. Учитывая, что немалую часть населения Первомайской и соседней станицы Петропавловская составляли русские, а в населённых пунктах существовали промышленные объекты, столь масштабное применение силы со стороны ОГВ вызвало искреннее недоумение со стороны британского журналиста и политолога Э. Ливена. Признавал он и крайнюю неточность воздушных бомбардировок Грозного⁵⁵.

Подобное описание боевых столкновений противоборствующих сторон в декабре 1994 года оставили на страницах крупнейших российских и мировых масс-медиа и другие фронтовые корреспонденты. На чеченской равнине разворачивались тяжёлые позиционные бои. Например, американский журналист, наблюдавший бой на шоссе между ингушской станицей Слепцовская и чеченским райцентром Ачхой-Мартан, вспоминал, что сепаратисты заняли позиции на холмах и в жилых домах, остановив продвижение колонн военной техники ОГВ огнём из тяжёлых пулемётов. В ответ федеральная армия применила авиацию и артиллерию⁵⁶. Аналогичным образом характеризовались корреспондентами и стычки у населённых пунктов Давыденко и Ассиновская на западе республики: боевики подвергали российскую бронетехнику обстрелу из снайперских винтовок и гранатомётов, в результате чего войска не рисковали войти в сёла и предпочитали обстреливать из танковых орудий и артиллерии с безопасного расстояния. Такая тактика позволяла сберечь жизни военнослужащих ОГВ, однако фактически обрекала на гибель чеченские сёла⁵⁷. Кроме того, она делала продвижение войск крайне медленным, что привело Э. Ливена к выводу об их деморализации. Британец ещё до штурма Грозного полагал, что чечен-

⁵⁴ Ружджинский Я. Раз увидеть... // Новое время. 1994. № 51. С. 9.

⁵⁵ Ливен Э. «Большинство погибших в Грозном – русские» // Московские новости. 25 декабря 1994 – 1 января 1995.

⁵⁶ Зарахович Ю. Чеченская война глазами журналистов американских изданий (1993–1996 гг.) // Чечня и Россия: общества и государства. М.: Полиформ-Талбури, 1999. С. 292–293.

⁵⁷ Подробнее см.: Селёдкин В. Горячая точка – Чечня // Российская газета. 1994. 16 декабря; Бурбыга Н., Белых В. Грозный в танковых прицелах // Известия. 1994. 20 декабря; Белых В., Бурбыга Н. Войскам мешают боевики и плохая погода // Известия. 1994. 21 декабря.

ская операция для России – «это самое потрясающее поражение, которое я мог себе представить»⁵⁸.

Российская армия во фронтовых репортажах зарубежных СМИ представала в целом с негативной стороны. В частности, солдаты ОГВ казались голодными, замёрзшими в силу дурного продовольственного снабжения и отсутствия нормальной экипировки, а также плохо представлявшими свои обязанности на войне⁵⁹. Комментарии к таким публикациям нередко давали действующие или отставные военачальники, для которых их российские коллеги оставались эпитогами Советской Армии – потенциального противника НАТО в период Холодной войны. Упомянутый выше отставной американский генерал В.Е. Одом после битвы за Грозный констатировал отсутствие радикальных реформ в Вооружённых Силах РФ, внутренние распри среди высшего командования ОГВ, слабую выучку младшего состава и рядовых и одновременно чрезмерное количество офицеров разного ранга. Всё это, по его мнению, привело федеральную группировку к «крайней беспомощности» в боях за чеченскую столицу⁶⁰. Аналогичной точки зрения придерживались и некие американские военные аналитики, близкие к Объединённому комитету начальников штабов (ОКНШ) США, добавлявшие к этому также низкий боевой дух российских войск, несовременную тактику и организацию армии⁶¹. Вывод фактически прозвучал из уст начальника ОКНШ генерала Д. Шаликашвили, заявившего на слушаниях в комитете Сената США по обороне, что «войска, в течение трёх лет лишённые военной подготовки и уже не оснащённые современной техникой, потому что нет средств на её содержание, поведут себя именно так, как мы это наблюдали в Чечне»⁶². Иными словами, американцы уже не воспринимали российскую армию в качестве равного или хотя бы адекватного противника.

Основными мотивами действий чеченских боевиков, противостоявших в то время федеральной армии, иностранные журналисты считали их национальные чувства. Так, в частности, считал корреспондент итальянской газеты “Corriere della Sera” Э. Мо, противопоставлявший чеченцев афганским моджахедам 1980-х гг., у которых в войне против СССР преобладал именно исламский фактор⁶³. Опрошенные зарубежной печатью жители республики также акцентировали внимание на национальном моменте как главной причине вооружённого сопро-

⁵⁸ Ливен Э. «Большинство погибших в Грозном – русские» // Московские новости. 1994. 25 декабря 1994 – 1 января 1995.

⁵⁹ Зятыков Н., Станишнев Б. Указ. соч.

⁶⁰ Одом В.Е. Какой судьбы я не желаю России // Московские новости. 1995. 29 января – 5 февраля.

⁶¹ Прасолов А., Барни А. Блицкриг не удался... // Аргументы и факты. 1995. № 1–2.

⁶² Устименко Ю. Американское «дитя народа». Неудачи русских в Чечне Пентагон объясняет нехваткой финансов // Общая газета. 1995. 23 февраля – 1 марта.

⁶³ Зятыков Н., Станишнев Б. Указ. соч.

тивления ОГВ, называя дудаевцев «самой преданной национальному делу... частью нашей... нации», а саму войну – «отголоском последней депортации». Альтернативой ей виделся лишь новый 1944 год⁶⁴. Примерно те же мотивы своего участия в войне с Россией позднее называли бывшие боевики в беседах с известным учёным-этнологом В.А. Тишковым⁶⁵. Вместе с тем, посетившие воюющую Чечню иностранцы не скрывали и явного роста религиозных чувств коренного населения, выражая опасение, что в дальнейшем обстановка будет развиваться по афганскому или боснийскому сценарию⁶⁶.

Признавая, что мнение основных западных масс-медиа о чеченском конфликте в те дни было антивоенным, нужно оговориться, что примерно в том же ключе тогда писали и большинство российских центральных и региональных СМИ. В частности, корреспондент столичного еженедельника «Новое время» В.П. Дубнов, побывавший там практически одновременно с Я. Ружджинским, сравнивал дороги в Грозном с ледовыми каменоломнями. Он также писал о разрушенных жилых домах и теплотрассах, неработающих рынках, массовом исходе женщин и детей из чеченской столицы, отсутствии водоснабжения, отопления, а иногда и электричества. Единственным тёплым местом в городе был Вечный огонь у президентского дворца, в то время как коридоры этого здания характеризовались им как «промёрзшие»⁶⁷. Примерно те же картины жизни прифронтового Грозного давали и другие журналистские очерки той эпохи, подчас вышедшие на страницах периодических изданий диаметрально противоположных политических взглядов – от ранее симпатизировавших Кремлю либералов до традиционно оппозиционных коммунистов⁶⁸.

Заключение

В целом, публикации иностранных журналистов были посвящены военной трагедии чеченского народа. Как правило, авторы сочувствовали чеченцам, на

⁶⁴ Гольц Т. Главная жертва этой войны – честь народа Чечни // *Общая газета*. 1995. 1–7 июня.

⁶⁵ Тишков В.А. Указ. соч. С. 274–295.

⁶⁶ Ротарь И.И. Указ. соч. С. 21–22, 35–36, 67.

⁶⁷ Дубнов В. Цену мира спроси у пленных... Ещё недавно российские депутаты вызволяли из Чечни первых четырнадцать пленных. Вот как это было // *Новое время*. 1994. № 50. С. 11.

⁶⁸ Подробнее см.: Персиянов В. Свидетельские показания // *Огонёк*. 1994. № 50–51. С. 7; Леонтьева Л., Ухлин Д. Лицо Кавказской войны // *Московские новости*. 1994. 18–25 декабря; Эйсмонт М. Грозный продолжают бомбить. Погибли ещё четверо российских военных // *Сегодня*. 1994. 21 декабря; Россия закрывает границу на Кавказе. Идут бои, в бомбёжках гибнут мирные жители // *Известия*. 1994. 22 декабря; Пачегина Н., Исаев М., Бангерский А. Враги сожгли родную хату... // *Независимая газета*. 1994. 27 декабря; Вернулся из пылающего города // *Советская Россия*. 1994. 31 декабря; Каверин С. Снова чёрное утро // *Золотое кольцо*. 1995. 21 января.

чьей земле велась полномасштабная война, инициатива в начале которой была на стороне федерального Центра. Такая точка зрения не обязательно была следствием подкупа со стороны сепаратистов или некоей природной русофобии. Во-первых, утверждения российских властей о небольшой полицейской акции по восстановлению конституционного порядка в мятежной республике потерпели крах. Во-вторых, несмотря на тяжёлые обстоятельства, чеченцы вели себя по отношению к прессе гостеприимно. Встреченный вышеупомянутым Я. Ружджинским в станице Серноводская чеченский боевик во время ночной беседы в подвале поднял тост «За вашу и нашу свободу», а затем в ходе дальнейшего разговора напомнил о польских артиллеристах, служивших в войске легендарного имама Чечни и Дагестана Шамиля в период Кавказской войны XIX века⁶⁹. Этот факт произвёл на корреспондентов неизгладимое впечатление, равно как и бесконечный продудаевский митинг в центре Грозного, куда тот же боевик доставил их на собственной автомашине.

В то же время «усталые, не спавшие много дней солдаты» ОГВ⁷⁰ вели себя иначе по отношению к журналистам. Под предлогом «государственной тайны» они не желали пускать иностранцев в Чечню, запрещали им фотографировать боевую технику и для предупреждения даже стреляли в воздух, к тому же бездоказательно обвиняя представителей масс-медиа Восточной Европы в предательстве их странами России и поддержке ими режима Дудаева⁷¹. Такая точка зрения была преувеличением: та же Ф. Кукурина с явным сожалением констатировала объединение части чеченского общества вокруг персоны генерал-президента под лозунгом о необходимости «защиты своих домов»⁷².

Статистические данные Фонда Дж. Сороса гласят, что лишь за первые три месяца вооружённого конфликта в Чечне федеральные чиновники и военные нарушили права 137 корреспондентов различных российских и зарубежных изданий и более чем в 90 случаях не позволили им выполнять профессиональные обязанности. При этом ни одного расследования по упомянутым фактам власти не провели, хотя они подтверждались документально⁷³. Позднее, как утверждал уже российский Фонд защиты гласности, в Чечне погибли 7, получил ранение 21, были избиты 11 корреспондентов из разных стран, 3 пропали без вести, а ещё 94 представителя СМИ были намеренно подвергнуты обстрелам⁷⁴. Факты различных противоправных действий российских военных в отношении журналистов некоторых иностранных масс-медиа фиксировались с первых дней

⁶⁹ Ружджинский Я. Тост зоотехника // Новая Польша. 2013. № 1. С. 39–40.

⁷⁰ Там же. С. 38.

⁷¹ Там же. С. 37, 38.

⁷² Кукурина Ф. Указ. соч.

⁷³ Золотов О. Война против прессы? // Труд. 1995. 11 марта.

⁷⁴ Чечня: за ценой не постояли // Труд. 1995. 1 августа.

«операции по наведению конституционного порядка в Чеченской республике»⁷⁵. Всё это изначально скомпрометировало российскую сторону в глазах мировых СМИ, лишённых возможности нормально работать в «горячей точке».

Одновременно следует заметить, что русскоязычные и переводные статьи иностранных корреспондентов охотно размещали российские масс-медиа, особенно критически настроенные по отношению к войне в Чечне. Иногда они публиковали переведённую на русский язык подборку соответствующих цитат из самых авторитетных и влиятельных американских или европейских изданий⁷⁶. В других случаях редакции даже сами просили иностранцев представить для них печатные материалы, вероятно, полагая их тексты более сильным средством давления на российские власти, чем свои собственные. Будет не лишним напомнить, что подавляющее большинство отечественных СМИ тех лет осуждали боевые действия на Кавказе как «неправедную войну» или даже «кровавую бойню»⁷⁷, а такие особенности военной операции в Чечне, как скрытый характер действий МО РФ, неподготовленность армии к ней, непонимание ею целей войны находили всемерное отражение в репортажах зарубежных журналистов. Во многом задача СМИ была решена, поскольку, как верно отмечают современные исследователи, «... победы боевиков в глазах общественного мнения выглядели весомее»⁷⁸.

Introduction

The military campaign of 1994–96 to restore the constitutional order in the Chechen Republic, received the title of ‘the First Chechen War’ in the domestic periodicals and journalism, became one of the longest wars not only in the post-Soviet space, but throughout Europe after 1945. During this campaign, the federal troops

⁷⁵ Хроника // Общая газета. 1994. 16–22 декабря; *Гриценко Д.* Плохая погода. Жертвы неизбежны // Общая газета. 1994. 22–28 декабря.

⁷⁶ Позор... // Эхо планеты. 1995. № 2. С. 2–3.

⁷⁷ Подробнее об этом см.: *Глушаченков А.А.* Некоторые особенности отражения в центральной печати боевых действий в Чечне (1994–1996 гг.) // *Власть*. 2008. № 2. С. 26–30; *Корф О.В.* Об особенностях медиасопровождения первой чеченской войны // *Власть*. 2008. № 8. С. 50–54; *Корнилов П.А.* Трансформация образа войны на Кавказе в современных российских СМИ // *Власть*. 2010. № 1. С. 100–103; *Цветкова В.Ф.* Первая чеченская кампания (1994–1996): хроника локального конфликта // *Общество. Среда. Развитие (Тerra Humana)*. 2011. № 1. С. 102–106; *Марков Е.А.* Первая чеченская война в освещении российских СМИ // *Теория и практика общественного развития*. 2011. № 2. С. 179–182.

⁷⁸ *Малашенко А.В., Тренин Д.А.* Указ. соч. С. 23.

massively used heavy weapons of all types, and their separatist opponents repeatedly resorted to acts of mass terror in Chechnya itself and in the territories of the adjoining federal subjects. According to official figures only, the number of victims of the First Chechen War ranged from 30 to 35 thousand people¹. The combat actions cost a large financial burden to this country, which was in a state of profound socio-economic and acute political crisis. According to various data of domestic and foreign analysts, the operation of 1994–96 in Chechnya cost \$ 3.8 billion to the Russian state budget, another \$ 5.5 billion was estimated for direct damage from the military operations². The fact that in 1996, 12 % of Russia's military budget went to 'Chechen needs' provides evidence of the burden of the war³.

It is not surprising that the tragic events of the mid-1990s in the North Caucasus, in various contexts, have been studied for the past two decades by Russian historians and publicists. Suffice to mention the works of such well-known domestic researchers as V.A. Tishkov⁴, I.I. Rotar⁵, K.S. Gadzhiev⁶, A.V. Malashenko and D.V. Trenin⁷, N.F. Bugai and A.M. Gonov⁸ and V.A. Shnirelman⁹. Several major works, including two monographs on the perception of military operations in the first half of the 1990s, in the North Caucasus in Russian society, were published by the author of this article as well¹⁰. Different aspects of the 'Chechen topic' (from attempts of peaceful settlement to a general review on the causes of the crisis) did not go unnoticed in the works

¹ *Rossiia i SSSR v voynakh XX veka: Statisticheskoe issledovanie* (Moscow: Olma-Press, 2001), 585.

² S.G. Os'machko, *Political and socio-economic development of the USSR, the Russian Federation (1985–1999)* (Yaroslavl: YaGTU, 2003), 228.

³ A.V. Malashenko, and D.A. Trenin, *Time of the South: Russia in Chechnya, Chechnya in Russia* (Moscow: Gendal'f, 2002), 166.

⁴ V.A. Tishkov, *Society in an Armed Conflict. Ethnography of the Chechen War* (Moscow: Nauka, 2001).

⁵ I.I. Rotar', *Under the Green Banner. Islamic Radicals in Russia and CIS* (Moscow: AIRO-XXI, 2001).

⁶ K.S. Gadzhiev, *Geopolitics of the Caucasus* (Moscow: Mezhdunarodnye otnosheniya, 2001).

⁷ A.V. Malashenko and D.A. Trenin, *Time of the South: Russia in Chechnya, Chechnya in Russia* (Moscow: Gendal'f, 2002).

⁸ N.F. Bugai and A.M. Gonov, *The North Caucasus: New National Policy Guidelines (1990s)* (Moscow: Novyi khronograf, 2004).

⁹ V.A. Shnirel'man, *Be Alans: Intellectuals and Politics in the North Caucasus* (Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie, 2006).

¹⁰ D.V. Tumakov, "Militant groups of Chechen separatists in 1994–96 (based on the materials of Russian press)", in *V.V. Vereshchagin and the Orient: In anticipation of Euarsianism: Materials of international scientific conference (Cherepovets, 26–28th October 2016): Collection of scientific works* (Cherepovets: Cherepovets State University, 2016): 302–09; Idem, *Sensitive region: armed conflicts in the North Caucasus during the first half of the 1990s and Yaroslavl region* (Yaroslavl: Yaroslavl State University, 2016); Idem, *Hotspot of the new Russia: Chechen crisis of 1991–96 in the assessments of Russian society* (Yaroslavl, 2017).

of foreign journalists and scholars as well¹¹. However, practically in all studies devoted to the Chechen crisis, the problem of perceptions of war in Russian society is not subjected to a thorough analysis. An important role in this perception was played by anti-war publications in the domestic press, some of which were translated from the leading foreign media or specifically written in Russian by their dedicated correspondents. This article is devoted to their role in the formation of the picture of the First Chechen War of 1994-96 in Russian society.

Main body

The introduction of the federal troops into the rebellious Chechnya in late 1994 caused a generally disapproving reaction from the world public, which reacted actively to the major war that had begun in the Russian North Caucasus. Only in December, there were three anti-war demonstrations in Paris. Human rights activists, former Soviet dissidents A. Ginzburg, L. Pliushch, V. Fainberg, I. Shelkovskii and others organized the first such demonstration in front of the Russian embassy building. The slogans ‘Again coffins instead of democracy’ and ‘Small democratic Russia is better than a big ‘Empire of Evil’’ were written on their banners, and the protesters personally presented their statement in defense of the civilian population of Chechnya to the Russian ambassador in France, Yuri Ryzhov. Two other protest campaigns – at the Human Rights Site (Trocadero Square) and between the Place de la Bastille and the Place de la République – were held at the same time by the France-Georgia Association and the local Turkish community¹². At the same time, several anti-war demonstrations were held at the Russian embassy and at one of the UN offices in Jakarta, where Indonesian students also drew public attention to the religious community of the population of the largest Muslim country in the world and a remote mountainous republic (“Stop military intervention in Muslim Chechnya!”)¹³.

As the military crisis deepened in the North Caucasus, Russian diplomatic missions became targets for Islamic extremists. Thus, soon after Grozny was captured by

¹¹ T. Goltz, *Chechnya diary. A war correspondent's story of surviving the war in Chechnya* (New York: Thomas Dunne Books, 2003); R.B. Ware “Civil war in Chechnia: Political failure and strategic response”, *Central Asia and the Caucasus*, no. 3 (2004): 53–61; O. Alissoltanov “The Chechen crisis: Genesis, dynamics and recent trends”, *Central Asia and the Caucasus*, no. 2 (2004): 13–23; I.L. Dobaev “The Islamist movement in the Northern Caucasus: Trends, possible developments and how oppose it”, *Central Asia and the Caucasus*, no. 3 (2006): 146–52; O.A. Savchenko “The Ukrainian Sangha of the Pontifical Order of Nipponzan Myōhōji”, *Nauka. Religiya. Suspil'stvo*, no. 2 (2010): 290–95; S. Melikova “The First Russo-Chechen campaign (1994–1996): Causes and factors of ethnic mobilization”, *The Caucasus and Globalization*, vol. 6, no. 3 (2012): 72–79; M. Gammerr “Empire and mountains: the case of Russia and the Caucasus”, *Social Evolution & History*, no. 2 (2013): 120–42.

¹² N. Pachegina, M. Isaev, and A. Bangerskii “The enemies burnt down my home hut. Half-ruined Grozny is ready for upheavals”, *Nezavisimaya gazeta*, 27th December, 1994.

¹³ Korotko [In brief], *Nezavisimaya gazeta*, 27th December, 1994.

Russian federal troops, an Egyptian suicide bomber with a placard 'Chechnya' blew himself up in the building of the consular department of the Russian embassy in Morocco. Fortunately, there were no victims¹⁴. At the final stage of the combat in Chechnya, Consul-General of the Russian Federation in Istanbul L. Manzhosin complained about the sharp attitude of the Nakh people (community of Turkey) towards Russian diplomats. According to him, local Chechens intimidated his subordinates in the street or threatened them by phone, organized aggressive demonstrations near the walls of the office in support of rebellious Ichkeria, and tried to blow up the Istanbul airport terminal used by Russian shuttle traders¹⁵. Not surprisingly, it was Turkish port of Trabzon, where on 16th January 1996; a group of local terrorists led by a long-time acquaintance of the Chechen field commander Shamil Salmanovich Basayev, a Turk of Abkhaz origin M. Tokchan captured the *Avrasiya* ferry with Russian passengers¹⁶.

Along with such radical actions in the world, there also were quite humane actions of pacifists who no less resolutely condemned the military actions in Chechnya. As an example, the Japanese Buddhist monk, who led the activities of the Order of Nipponzan Myohoji in Russia, Ukraine and Central Asia¹⁷, Jun Terasawa, in the spring of 1995 organized and carried out the March of the Mother's Concord, Moscow – Grozny. Buddhist monks from Russia and Ukraine also distributed anti-war leaflets¹⁸.

The tragic events of the mid-1990s in the North Caucasus also complicated the traditionally contradictory Russian-Polish relations. Although official Warsaw had never recognized the independence of Chechnya and considered the military operations on its territory an internal affair of Russia, some part of the Polish society and political establishment took an openly anti-Russian stance during the Chechen war of 1994-96. Anti-war rallies, and later photo-exhibitions and press conferences of journalists who visited Chechnya, were held against the walls of the Russian Embassy in Warsaw; songs were composed; donations and humanitarian aid were collected. A notable part of the Poles believed that Russia was an aggressor, and its actions in the

¹⁴ Terror attack in the Russian Embassy in Morocco, *Segodnya*, 1st March, 1995.

¹⁵ E. Guseinov, G. Charodeev, "Chechens in Turkey told us that Dudayev is alive", *Izvestiya*, 24th August, 1996.

¹⁶ S. Kinzer, "Pro-Chechen Ferry Hijackers Surrender to Turks", *The New York Times*, 20th January, 1996.

¹⁷ More information: Yu.Yu. Zavgorodnii, "Philosophy of pilgrimage of Buddhist monk Junsei Terasawa", *Bulletin of Finno-Ugric Studies*, no. 2 (2014): 66–73.

¹⁸ I. Filimonov, "Witnesses give evidence", *Obshchaya gazeta*, 20–26th April, 1995; O.A. Savchenko, "The Ukrainian Sangha of the Pontifical Order of Nipponzan Myōhōji", *Nauka. Religiya. Suspil'stvo*, no. 2 (2010): 292–93.

North Caucasus were genocide of the Chechen people¹⁹. A sociological survey of Centre for Public Opinion Research (Warsaw) showed that 58 % of Poles saw a ‘threat to Poland’ in the military actions in Chechnya and 51 % saw a ‘thread to the world peace’, whilst 67 % of respondents sympathized with the Chechen separatists, whereas Russia represented only 1 %²⁰. In Krakow, since March 1995, the Chechen Information Center was functioning, headed by M. Zubairaev and T. Mazoev, where propaganda radio and video materials were prepared, as well as conferences were held²¹. The Russian side also accused Poland of the fact that the humanitarian aid it collected for Chechnya in the amount of \$ one million went not to the civilian population, but to the armed separatists²².

The criticism of the Russian military operation in the North Caucasus began to be heard from some foreign leaders. On 12th January 1995, Czech President Václav Havel, in an interview to one of the German TV channels, threw out a hint that after the war in Chechnya, the Western world should understand the stubborn desire of the Eastern Bloc countries to join NATO²³. Following this, British Foreign Secretary Douglas Hurd openly called the Chechen war “a bad job that brought unnecessary suffering”, and Germany’s defense minister Volker Rühle, condemning the rude attacks of his Russian counterpart, The Russian Army General Pavel Grachev, against anti-war activists, not only canceled the invitation held for him to visit Germany in February, but also supported the proposal of the weekly newspaper *Die Zeit* publishers to nominate the Russian ombudsman Sergej Kovalev for the Nobel Peace Prize 1995²⁴. In turn, German Foreign Minister Klaus Kinkel urged the Russian Federation “to respect human rights and do everything to avoid civilian casualties”²⁵. These points of view were far from the solitary ones.

The disastrous assault of the Russian army of Grozny led to the fact that not only individual politicians or political groups from several countries in the world began to occupy anti-war positions, however also influential international organizations. As an example, on 10th January 1995, the Committee on Political Affairs of the Parliamentary Assembly in Council of Europe condemned heavy fighting in Chechnya, offering Russia ‘purely peaceful means’ for settling the conflict. As a result, the decision to join the Russian Federation in this organization was postponed for a year²⁶. Follow-

¹⁹ F. Krasavin “Chechen ‘card’ in Polish politics”, <http://www.maxpark.com> (date of access: 18.09.2017).

²⁰ “Bad work”, *Echo of the Planet*, no. 5 (1995): 13.

²¹ N.N. Grodnenskii, *Pervaya chechenskaya istoriya vooruzhennogo konflikta* [The First Chechen History of Armed Conflict] (Minsk, 2008), 568.

²² *Ibid*, 577.

²³ “It is an internal affair, but...”, *Echo of the Planet*, no. 4 (1995): 11.

²⁴ “Bad work”, *Echo of the Planet*, no. 5 (1995): 12.

²⁵ “Shame. World on the events in Chechnya”, *Echo of the Planet*, no. 2 (1995): 3.

²⁶ “The barrier bar on the way to Soviet Europe”, *Echo of the Planet*, no. 3 (1995): 12.

ing this, European parliamentarians in Strasbourg unanimously voted to postpone signing of a trade and economic agreement between the European Union and the Russian Federation for an indefinite period of time²⁷. On 17th January 1995, the United Nations High Commissioner for Human Rights met the Russian Foreign Minister Andrei Kozyrev and called for an immediate cessation of hostilities and human rights violations in Chechnya. Similar appeals from international officials were repeatedly heard thereafter²⁸. Thus, one can generally accept as true the assertion of one of the main anti-war activists, the chairman of the defense committee of the State Duma Committee of the Russian Federation, S.N. Yushenkov that on the eve of dispatch of the federal forces into the self-proclaimed Ichkeria, especially after the unsuccessful actions of the intra-Chechen opposition, “in the eyes of the world public, Dudayev would no longer look like a criminal”²⁹.

At the same time, it is impossible to talk about any kind of international isolation of Russia due to the military campaign in the North Caucasus at that time. No state officially recognized the independence of Chechnya, and German Foreign Minister Klaus Kinkel, in an interview on the radio, spoke of anti-democratic Dudayev’s regime³⁰. The main Western leaders visited Moscow during the celebration of the 50th anniversary of the victory in the Great Patriotic War, and then unequivocally supported the candidacy of the incumbent head of state Boris Yeltsin in the 1996 presidential election. The financial assistance to the Russian Federation from the International Monetary Fund did not stop until the late 1990s. On the issue of assistance to forced migrants from Chechnya, the Russian Red Cross Society worked closely with the International Committee of the Red Cross (ICRC). The UN Secretary-General Kofi Annan argued that only in March and June of 1995, this assistance was provided to 400,000 Chechen refugees or people affected by the war, as well as to 65 institutions, including 25 hospitals in the republic³¹. The UN helped more than 160,000 internally displaced people from Chechnya in the neighboring republics, mostly women and children³².

In other areas, Russian diplomacy had also achieved some success. Despite the complexity in the relations with Russia in the post-Soviet period, the leader of Georgia Eduard Shevardnadze from the very beginning of the war publicly supported not only the territorial integrity of the Russian Federation, but also the very idea of

²⁷ “Bad work”, *Echo of the Planet*, no. 5 (1995): 12–13.

²⁸ “Situation around human rights in the Chechen republic within the Russian Federation”, *Russian Bulletin of Human Rights*, issue 8 (1996): 53–54.

²⁹ E. Dikun, “Colonel against generals”, *Obshchaya gazeta*, 16–22nd December, 1994.

³⁰ “Shame...”, *Echo of the Planet*, no. 2 (1995): 3.

³¹ “Situation around human rights in the Chechen republic within the Russian Federation”, *Russian Bulletin of Human Rights*, issue 8 (1996): 61.

³² *Ibid*, 57.

establishing a constitutional order in Chechnya, neighboring with their country³³. Almost at the same time, the Kazakh authorities rejected the request of the local Chechen Diaspora to President Nursultan Nazarbayev “to protect Chechnya from the Russian aggression” and publicly recognized the rebellious republic as part of Russia³⁴. The visit of the Director of the Foreign Intelligence Service of Russia Evgeny Primakov to the Middle East and North Africa resulted in the fact that the Arab world refused to publicly discuss the ‘Chechen issue’³⁵. Even Turkey, despite frequent accusations against it, nevertheless sought to limit the campaign of support for Ichkeria from the Caucasian Diasporas³⁶. The overall number of foreign mercenaries and volunteers did not exceed 1–2 % from the total number of militant groups consisting of Chechen separatists³⁷.

Under these circumstances, the Russian authorities could resolutely reverse the situation in perception of their actions in the Caucasus if their position on the Chechen issue was supported by the world’s leading media, as it was already in the case with the sharp confrontation between President Boris Yeltsin and his opponents in August 1991 and October 1993. Therefore, articles and notes by correspondents of various foreign electronic and printed mass media can be considered important and interesting sources of information on the First Chechen War. Some of them were reprinted forthwith in the largest domestic socio-political publications of those years, whilst others found their Russian reader later. Often, these correspondents were sharply anti-war in content and somewhat shook the Western view of Yeltsin as an adherent of liberal-democratic values. As an example, the professor at Yale University, formerly Colonel-General of the US Army, William Eldridge Odom openly compared the policy of the Russian president and the country’s top military leadership with that of Stalin and Hitler³⁸. In turn, the editorial office of the most important French newspaper *Le Monde* believed that Yeltsin was ‘hostage of the hawks’ in the Chechen issue, that is, the security cabinet ministers³⁹.

Let us turn to the matter of fact. Polish journalist Jan Rozdzynski of the newspaper *Życie Warszawy* visited the North Caucasus in December 1994, soon after the campaign began. His first military memories related to the airplane in which the journalist arrived, together with his colleagues from different countries, to Vladikavkaz,

³³ N. Broladze, “Shevardnadze justifies the actions of Moscow in Chechnya. He envisaged this crisis in early 1993”, *Nezavisimaya gazeta*, 16th December, 1994.

³⁴ L. Minasyan, “Russia – among Kazakhstan’s priorities. The problem of citizenship is gradually becoming less tense”, *Nezavisimaya gazeta*, 16th December, 1994.

³⁵ E.M. Primakov, *Meetings at the Crossroads* (Moscow, 2015), 454.

³⁶ K.S. Gadzhiev, *Op. cit.*, 349.

³⁷ A.V. Malashenko and D.A. Trenin, *Op. cit.*, 103.

³⁸ W.E. Odom, “Which fate I do not wish to Russia”, *Moskovskie novosti*, 29th January – 5th February, 1995.

³⁹ “Crime”, *Echo of the Planet*, no. 1 (1995): 3.

the capital of North Ossetia, located in relative proximity to rebellious Chechnya. Most of the passengers of the airliner were Russian military – according to the correspondent, they were “silent, with short haircuts and motionless, clean-shaven faces”. At the airport, he counted more than ten military and transport aircraft, bringing personnel and combat equipment of the United Group of Forces (OGV) to a new hot spot in the North Caucasus. It was *siloviki* who gave orders at the airport; even civilians (journalists and photographers) were taken out on the khaki-colored army buses. That said, only his plane was civil⁴⁰.

The travel of the Polish correspondent to Chechnya proved unsafe. The unrecognized break-away Chechen republic was perceived as a ‘wild country’⁴¹. The Pole began his acquaintance with the Chechen war already in the multinational Vladikavkaz, where the trucks of the Russian army passing through the streets were regularly subjected to booing, curses and foul language from the residents⁴². Even the federal highway Rostov – Baku as a matter of fact looked like a zone of military operations in the description of the correspondent of *Życie Warszawy*. On the roads of the republic, the situation was extremely tense. The Polish journalist witnessed air attacks by Russian helicopters on the village of Sernovodskaya and firing upon those houses where light was on. As a result, the residents were forced to hide in the cellars in the evening and at night⁴³. Such raids were explained by the fact that Russian military aviation in Chechnya was regularly bombarded by militants from the ground, so, often in response with a preventive purpose, it destroyed passenger cars with civilians⁴⁴.

The relations between Russian military personnel and the civilian population of both Vainakh republics, according to Jan Rozdzynski, were very complex. In order not to face the forces of the Ministry of Defense and the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation and not to undergo constant examinations, interrogations and even insults, the Ingush drivers tried to use country roads on the territory of their own republic. The Chechens themselves were openly called at the border checkpoint as ‘these bandits’ by representatives of the federal troops. The images of the checkpoint itself resembled the pictures of World War II. Rozdzynski mentioned the rows of barbed wire that blocked the highway, a concrete wall and a barrier blocking the crossing. Their personnel, in addition to their usual uniforms, also wore thick bullet-proof vests and did not feel piety for foreign correspondents⁴⁵.

⁴⁰ J. Rozdzynski “Toast of zootechnician”, *Novaya Polsha* [New Poland], no. 1 (2013): 36.

⁴¹ Ibid.

⁴² J. Rozdzynski “To see once”, *Novoe vremya*, no. 51 (1994): 8.

⁴³ J. Rozdzynski “Toast of zootechnician”, *Novaya Polsha* [New Poland], no.1 (2013): 39.

⁴⁴ J. Rozdzynski “To see once”, *Novoe vremya*, no. 51 (1994): 9.

⁴⁵ J. Rozdzynski “Toast of zootechnician”, *Novaya Polsha* [New Poland], no. 1 (2013): 37.

Above all things, the Polish journalist was impressed by the Chechen capital Grozny, which reminded him of “a terrible, burning city from a science fiction novel”. Everywhere in the city there were places of supporters of general and Chechen leader Dzhokhar Dudayev; armed people were warming themselves at the burning fires. The infrastructure of Grozny besieged by the Russian army quickly collapsed: in three city hotels, cold water either did not rise above the basement or reached only the ground floor. Representatives of the media could have a meal only in four public catering establishments, and the food choice was limited to potatoes with meat or chicken, tea and alcoholic beverages. The journalists slept on army iron beds. Despite the cold weather, there was no heating anywhere, so even in the presidential palace everyone wore a coat or a warm jacket. Dzhokhar Dudayev was not an exception. Even the press center in the presidential palace was described by Jan Rozdzynski as “a small dusty room with a broken window”, where the glass was replaced by polyethylene. At night, the streets of Grozny were obscured, so there was a real risk of accidental death under the car wheels⁴⁶.

The correspondent of the American newspaper *The New York Times* Mark Spector claimed that during two weeks of his stay in Chechnya, he saw numerous cases of destroyed residential sector and industrial facilities, as well as at least 200 dead civilians⁴⁷. His colleague, operator of the *Associated Press Agency* T. Jafarov, compared Grozny with the besieged Leningrad and admitted that “he did not have such a sense of danger even in Sarajevo”⁴⁸. Italian journalist F. Kukurina was also shocked by the war in Chechnya. Seeing with her own eyes the consequences of the Russian Air Force’s daily raids on Grozny, the correspondent of the *La Repubblica* newspaper wrote on the pages of the Russian democratic newspaper *Moskovskie Novosti* (*Moscow News*) that she “did not hear that even the most savage countries would bomb their own cities”⁴⁹. Although the above statement was rather controversial – the dictatorship regimes of the Middle East countries repeatedly resorted to violence against their own citizens in the second half of the 20th century – the Italian virtually disavowed one of the main statements of the official Russian propaganda: the fight against Chechen crime. In her opinion, it would be impossible to imagine that the authorities of Italy would similarly fight mafia in Palermo in Sicily. Fighting organized crime in Russia had to be started from Moscow, not from Chechnya, as the Italian journalist thought.

⁴⁶ J. Rozdzynski, “To see once”, *Novoe vremya*, no. 51 (1994): 9.

⁴⁷ N. Zyatkov and B. Stanishnev, “Dogs have already tried corpses”, *Argumenty i fakty*, no. 1–2 (1995).

⁴⁸ Ibid.

⁴⁹ F. Kukurina, “Women offer food to soldiers”, *Moskovskie novosti*, 25th December 1994 – 1st January, 1995.

In foreign publications, even in recent ones, the military actions in Chechnya were perceived as excessive and often unjustified use of force by Russia, leading to large number of victims among civilians. Correspondent of the American television company *ABC* Goltz in May of 1995 reported about significant destruction in the Shali administrative center and constant fear of its residents due to round-the-clock shooting of heavy artillery of the UGA on positions of separatists in the mountain areas. In the article for the capital's *General Newspaper*, Goltz openly called the military, which were at the checkpoint on the outskirts of Shali, criminals due to drunkenness and bribery from the local population and other facts of oppression of his rights⁵⁰. Residents of Shali in an interview with the American accused the Russian servicemen of wanting to provoke them by such behavior to revolt for the army to get an excuse for destroying the district center. If the violence of the troops against the Chechens at the turn of 1994-95 could still be explained by the unexpected beginning of the war and the scale of popular resistance, six months later, the UGA formally controlled most of the territory of the republic and was accused by foreign journalists of inability to build normal relations with its population, though it came to liberate from the dictatorship of General-President Dzhokhar Dudayev.

Despite the predominance of emotions in such assessments, they were generally confirmed by information from Russian non-governmental organizations regarding the mass death of the civilian population of Grozny and the destruction of the city. According to their data, in almost five months since the introduction of the federal troops into the rebellious republic, more than 26,500 civilians have become victims of combat actions, including thousands of women, children and the elderly⁵¹. It is also necessary to add 1,438 civilians in the capital of Chechnya and its suburbs, as well as 1,407 Chechen fighters, who disappeared during the first quarter of 1995, as well as 2,000 Chechen men of various ages who were randomly detained without the prosecutor's sanction during the same period⁵². The destruction of the infrastructure was also huge: the residential sector, schools, nurseries, hospitals, theaters, libraries, roads, bridges, etc.⁵³. These facts alone could not cause sympathy for the official version of the Kremlin regarding putting things in order in Chechnya and the actions of the UGA.

In the village of Pervomayskaya, Grozny rural district, foreign journalists saw with their own eyes the real combat between Russian troops and Chechen fighters,

⁵⁰ T. Goltz "The main feature of this war is the honour of Chechen people", *Obshchaya gazeta*, 1–7th June, 1995.

⁵¹ "Situation around human rights in the Chechen republic within the Russian Federation", *Russian Bulletin of Human Rights*, issue 8 (1996): 67.

⁵² *Ibid*, 69, 71.

⁵³ N.F. Bugai and A.M. Gonov, *Severnyi Kavkaz: novye orientiry natsional'noi politiki (90-e gody XX veka)* [The North Caucasus: New National Policy Guidelines (1990s)] (Moscow, 2004), 231; V.A. Shnirel'man, *Op.cit.*, 349–50.

who were called militiamen in the articles of foreigners. The federal forces occupied the heights that dominated the settlement; however the Chechens, who were in the trenches around the settlement, fired and killed them using sniper rifles. The response fire from the tank guns broke up to a third of farmhouses in Pervomayskaya, so that the civilians were forced to hide in the basements and dugouts⁵⁴. Considering that rather significant part of the population of Pervomayskaya village and neighboring Petropavlovskaya village was made up of Russians, and there were industrial facilities in the settlements, such large-scale use of force by the UGA caused genuine bewilderment on part of the British journalist and political scientist E. Lieven. He also acknowledged the extreme inaccuracy of the aerial bombardment of Grozny⁵⁵.

A similar description of the skirmishes between the warring parties in December 1994 was left yet by other frontline correspondents on the pages of the largest mass media in Russia and around the world. Heavy position battles unfolded on the Chechen plain. As an example, an American journalist who watched the fight on the highway between the Ingush village of Sleptsovskaya and the Chechen district center of Achkhoy-Martan recalled that the separatists took positions on the hills and in the houses, stopping the advance of columns of the UGA military equipment with fire from heavy machine guns. In response, the federal army used aviation and artillery⁵⁶. Similarly, correspondents reported about skirmishes around the settlements of Davydenko and Assinovskaya in the west of the republic: the militants subjected Russian armored vehicles to shooting from sniper rifles and grenade launchers; as a result, the troops did not risk enter the villages and preferred shooting from tank guns and artillery from a safe distance. Such tactics made it possible to save the lives of servicemen of the UGA, but doomed Chechen villages to death⁵⁷. In addition, it made the advance of the troops extremely slow, which led E. Lieven to a conclusion about their demoralization. Before the Battle of Grozny, the Englishman believed that the Chechen operation for Russia was “the most amazing defeat that I could imagine”⁵⁸.

The Russian army appeared in the frontline reports of foreign media, on the whole, from the negative perspective. The UGA soldiers seemed hungry and frozen due to bad food supplies and lack of normal equipment, and also, they poorly under-

⁵⁴ J. Rozdzynski, “To see once”, *Novoe vremya*, no. 51 (1994): 9.

⁵⁵ E. Lieven, “The majority of those who died in Grozny – Russians”, *Moskovskie novosti*, 25th December 1994 – 1st January, 1995.

⁵⁶ Yu. Zarakhovich, “The Chechen War through the eyes of the journalists from American publishing houses”, in *Chechnya and Russia: societies and states* (Moscow, 1999), 292–93.

⁵⁷ More information: V. Seledkin, “Hot spot – Chechnya”, *Rossiiskaya gazeta*, 16th December, 1994; N. Burbyga, V. Belykh, “Grozny through armoured aims”, *Izvestiya*, 20th December, 1994; V. Belykh and N. Burbyga, “The troops are impeded by the militants and bad weather”, *Izvestiya* 21st December, 1994.

⁵⁸ E. Lieven, “The majority of those who died in Grozny – Russians”, *Moskovskie novosti*, 25th December 1994 – 1st January, 1995.

stood their duties in the war⁵⁹. Comments to such publications were often given by active or retired military leaders for whom their Russian colleagues remained the epigones of the Soviet Army, a potential enemy of NATO during the Cold War. The above-mentioned retired American General William Odom after the Battle for Grozny noted absence of radical reforms in the Armed Forces of the Russian Federation, internal strife among the higher command of the UGA, weak training of the junior commanders and rank-and-file officers, as well as an excessive number of officers of different ranks at the same time. All this, in his opinion, led the federal group to 'extreme helplessness' in the battles for the Chechen capital⁶⁰. Some US military analysts close to the Joint Chiefs of Staff (JCS) of the United States had similar view, adding the low morale of the Russian troops, and out-of-date tactics and organization of the army⁶¹. The conclusion was as a matter of fact made by the head of the JSC, General John Shalikashvili, who stated at the hearing in the Senate Committee on Defense that "the troops deprived of military training for three years and no longer equipped with modern technology due to the lack of means to maintain it, would behave exactly as we saw it in Chechnya"⁶². In other words, the Americans no longer perceived the Russian army as an equal or at least an adequate adversary.

Foreign journalists considered that the main reasons for the actions of the Chechen fighters opposing the federal army at that time were their national feelings. The correspondent of the Italian newspaper *Corriere della Sera*, E. Mo, believed it and opposed the Chechens to the Afghan Mujahideen fighters of the 1980s, whose Islamic factor dominated in the war against the USSR⁶³. The residents of the republic interviewed by the foreign press also emphasized the nationalistic point as the main reason for the armed resistance to the UGA, calling the supporters of Dudayev "the most devoted to the national cause... part of our... nation" and calling the war itself "the echo of the last deportation". Only the new 1944 was an alternative to it⁶⁴. Approximately the same motives for their participation in the war with Russia were later called by former militants in conversations with the well-known ethnological scientist V.A. Tishkov⁶⁵. At the same time, foreigners who visited Chechnya did not hide the

⁵⁹ N. Zyatkov and B. Stanishnev, "Dogs have already tried corpses", *Argumenty i fakty*, no. 1–2 (1995).

⁶⁰ W.E. Odom, "Which fate I do not wish to Russia", *Moskovskie novosti*, 29th January – 5th February, 1995.

⁶¹ A. Prasolov and A. Barni, "Blitzkrieg failed", *Argumenty i fakty*, no. 1–2 (1995).

⁶² Yu. Ustimenko, "American 'child of the nation'. Pentagon explains the failures of Russians in Chechnya by the lack of finance", *Obshchaya gazeta*, 23rd February – 1st March, 1995.

⁶³ N. Zyatkov and B. Stanishnev, "Dogs have already tried corpses", *Argumenty i fakty*, no. 1–2 (1995).

⁶⁴ T. Goltz, "The main feature of this war is the honour of Chechen people", *Obshchaya gazeta*, 1–7th June, 1995.

⁶⁵ V.A. Tishkov, Op. cit., 274–95.

obvious growth of religious feelings of the resident population, expressing concern that in the future, the situation would develop according to the Afghan or Bosnian scenario⁶⁶.

Whilst admitting that the opinion of the main Western mass media regarding the Chechen conflict in those days was the anti-war one, it should be noted that most Russian central and regional media wrote nearly in the same spirit. Correspondent of the Moscow weekly *Novoye Vremya* V.P. Dubnov, who visited Chechnya practically simultaneously with Jan Rozdzyński, compared the roads in Grozny with ice quarries. He also wrote about the destroyed houses and heating mains, inactive markets, mass exodus of women and children from the Chechen capital, and lack of water supply, heating and sometimes electricity. The only warm place in the city was the eternal flame in the presidential palace, while the corridors of this building were characterized by him as ‘frozen’⁶⁷. Approximately the same pictures of life in the frontline Grozny were given by other journalistic essays of that era, sometimes published on the pages of periodicals of diametrically opposite political views – from the previously pro-Kremlin liberals to traditionally counterpart communists⁶⁸.

Conclusion

In general, the publications of foreign journalists were devoted to the military tragedy of the Chechen people. As a rule, the authors sympathized with the Chechens, whose land hosted a full-scale war; at the beginning of which the initiative was on the side of the federal center. This point of view was not necessarily the result of bribery by separatists or a kind of natural Russo phobia. First, the assertions of the Russian authorities on a small police action to restore the constitutional order in the rebellious republic had collapsed. Secondly, despite the difficult circumstances, the Chechens behaved hospitable towards the press. During the meeting with Jan Rozdzyński mentioned above, a Chechen militant in Sernovodskaya village, who during the night conversation in the cellar raised a toast “For your and our freedom” and then in the course of the subsequent conversation, recalled the Polish artillerymen

⁶⁶ I.I. Rotar', Op. cit., 21–22, 35–36, 67.

⁶⁷ V. Dubnov, “Ask the captives about the price of peace... Not too long ago Russian deputies set free the first fourteen prisoners of war from Chechen captivity. This is how it was”, *Novoe vremya*, no. 50 (1994): 11.

⁶⁸ More information: V. Persiyarov, “Eyewitness’ testimony”, *Ogoniok* [Spark], no. 50–51 (1994): 7; L. Leonteva and D. Ukhlin, “‘Face’ of the war in the Caucasus”, *Moskovskie novosti* [Moscow News], 18–25th December, 1994; M. Eismont, “Grozny is still being bombarded”, *Segodnya*, 21st December, 1994; “Russia closes the border in the Caucasus. There are still armed clashes, peaceful citizen perish under the bombardments”, *Izvestiya*, 22nd December, 1994; N. Pachegina, M. Isaev and A. Bangerskii, “The enemies burnt down the home hut...”, *Nezavisimaya gazeta*, 27th December, 1994; “Returned from the blazing city”, *Sovetskaya Rossiya*, 31st December, 1994; S. Kaverin, “Again a black morning”, *Zolotoe koltso*, 21st January, 1995.

who served in the army of the legendary imam of Chechnya and Dagestan Shamil during the Caucasian War of the 19th century⁶⁹. This fact made an indelible impression on the correspondents, as well as an endless pro-Dudayev rally in the center of Grozny, where the militant delivered them on his own car.

At the same time, the UGA “tired soldiers, who did not sleep for many days”⁷⁰ behaved differently towards journalists. Under the pretext of ‘highly classified information’, they did not want to let foreigners into Chechnya, forbade them to take photographs of military equipment and even shot in the air as a warning; besides, they accused the media representatives from Eastern Europe of betraying Russia by their countries and supporting Dudayev’s regime⁷¹. This view was exaggerated: the same F. Kukurina with obvious regret stated the unification of part of the Chechen society around the person of the general-president under the slogan of the need to “protect their homes”⁷².

The statistical data of the Open Society Institute (OSI) founded by George Soros says that in the first three months of the armed conflict in Chechnya alone, federal officials and the military violated the rights of 137 correspondents from various Russian and foreign publications and in more than 90 cases they did not allow them to perform their professional duties. And no investigations into the above-mentioned facts were conducted by the authorities, although the facts were documented⁷³. Later, according to Glasnost Defense Foundation, seven press correspondents were killed in Chechnya, 21 injured, 11 journalists from various countries were beaten, three were missing and 94 other media representatives were intentionally subjected to shooting⁷⁴. The facts of various illegal actions of the Russian military against journalists of some foreign media were recorded from the very first days of the “operation to restore the constitutional order in the Chechen Republic”⁷⁵. All of this initially compromised the Russian side in the eyes of world media, lacking the ability to work normally in a ‘hotspot of tension’.

At the same time, it should be noted that written in the Russian-language and translated articles of foreign correspondents readily hosted Russian mass media, especially unsympathetic ones to the war in Chechnya. Sometimes they published a selection of relevant quotes from the most authoritative and influential American or Eu-

⁶⁹ J. Rozdzyński, “Toast of a zootechnician”, *Nowaya Polsha* [New Poland], no. 1 (2013): 39–40.

⁷⁰ Ibid, 38.

⁷¹ Ibid, 37, 38.

⁷² F. Kukurina, “Women offer food to soldiers”, *Moskovskie novosti* [Moscow News], 25th December 1994 – 1st January, 1995.

⁷³ O. Zolotov, “The war against press?” *Trud*, 11th March, 1995.

⁷⁴ “‘Whatever the cost’ did not work”, *Trud*, 1st August, 1995.

⁷⁵ “Chronicle”, *Obshchaya gazeta*, 16–22nd December, 1994; D. Gritsenko, “Bad weather. Victims are inevitable”, *Obshchaya gazeta*, 22–28th December, 1994.

ropean publications translated into Russian⁷⁶. In other cases, the editors themselves even asked foreigners to submit printed materials for them, probably believing their texts to be a stronger means of pressure on Russian authorities than their own. It would not be inappropriate to recall that the overwhelming majority of the domestic media of those years condemned the combat actions in the Caucasus as a ‘wrong war’ or even a “bloody slaughter”⁷⁷, but such features of the military operation in Chechnya as hidden nature of the Russian Defense Ministry’s actions, the army being unprepared for it and lack of understanding objects of war by the army were fully reflected in the reports of foreign journalists. In many ways, the task of the media was solved, because, as modern researchers correctly note, “...the victories of militants looked more important in the eyes of public”⁷⁸.

Список литературы

Бугай Н.Ф., Гонов А.М. Северный Кавказ: новые ориентиры национальной политики (90-е годы XX века). М.: Новый хронограф, 2004. 408 с.

Гаджиев К.С. Геополитика Кавказа. М.: Международные отношения, 2001. 464 с.

Глушаченков А.А. Некоторые особенности отражения в центральной печати боевых действий в Чечне (1994–1996 гг.) // *Власть*. 2008. № 2. С. 26–30.

Завгородний Ю.Ю. Философия паломничества буддийского монаха Дзюнсея Тэрасавы // *Вестник угроведения*. 2014. № 2. С. 66–73.

Зарахович Ю. Чеченская война глазами журналистов американских изданий (1993–1996 гг.) // *Чечня и Россия: общества и государства*. М.: Полинформ-Талбури, 1999. С. 290–307.

Корнилов П.А. Трансформация образа войны на Кавказе в современных российских СМИ // *Власть*. 2010. № 1. С. 100–103.

Корф О.В. Об особенностях медиасопровождения первой чеченской войны // *Власть*. 2008. № 8. С. 50–54.

Малашенко А.В., Тренин Д.А. Время Юга: Россия в Чечне, Чечня в России. М.: Гендальф, 2002. 267 с.

Марков Е.А. Первая чеченская война в освещении российских СМИ // *Теория и практика общественного развития*. 2011. № 2. С. 179–182.

Осьмачко С.Г. Политическое и социально-экономическое развитие СССР, Российской Федерации (1985–1999 гг.). Ярославль: ЯГТУ, 2003. 358 с.

⁷⁶ Shame, *Ekho planety* [Echo of the Planet], no. 2 (1995): 2–3.

⁷⁷ More information: A.A. Glushachenkov, “Some peculiarities of coverage by the central press of the combat actions in Chechnya”, *Vlast* [Power], no. 2 (2008): 26–30; O.V. Korff, “About peculiarities of media coverage of the First Chechen War”, *Vlast* [Power], no. 8 (2008): 50–54; P.A. Kornilov, “Transformation of the image of war in the Caucasus in the contemporary Russian mass media”, *Vlast* [Power], no. 1 (2010): 100–03; V.F. Tsvetkova, “The First Chechen Campaign (1994–1996): Chronicle of the local conflict”, *Society. Medium. Development (Terra Humana)*, no. 1 (2011): 102–06; E.A. Markov, “The First Chechen War in the coverage of Russian mass media”, *Theory and Practice of societal development*, no. 2 (2011): 179–82.

⁷⁸ A.V. Malashenko and D.A. Trenin, *Op. cit.*, 23.

Положение в области прав человека в Чеченской Республике Российской Федерации. Доклад Верховного комиссара по правам человека, представленный в соответствии с резолюцией 2001/24 Комиссии // Российский бюллетень по правам человека. 1996. Вып. 8. С. 53–71.

Примаков Е.М. Встречи на перекрёстках. М.: Центрполиграф, 2015. 607 с.

Россия и СССР в войнах XX века: Статистическое исследование. М.: ОЛМА-ПРЕСС, 2001. 608 с.

Ротарь И.И. Под зелёным знаменем. Исламские радикалы в России и СНГ. М.: АИРО-XXI, 2001. 112 с.

Савченко О.А. Українська сангха японського Ордену Ніппондзан Мьоходзі // Наука. Релігія. Суспільство. 2010. № 2. С. 290–295.

Тишков В.А. Общество в вооружённом конфликте. Этнография чеченской войны. М.: Наука, 2001. 552 с.

Цветкова В.Ф. Первая чеченская кампания (1994–1996): хроника локального конфликта // Общество. Среда. Развитие (Тerra Humana). 2011. № 1. С. 102–106.

Шнирельман В.А. Быть аланами: интеллектуалы и политика на Северном Кавказе. М.: Новое литературное обозрение, 2006. 696 с.

Alissoltanov O. The Chechen crisis: genesis, dynamics and recent trends // *Central Asia and the Caucasus*. 2004. № 2. P. 13–23.

Dobaev I.L. The Islamist movement in the Northern Caucasus: trends, possible developments and how oppose it // *Central Asia and the Caucasus*. 2006. № 3. P. 146–152.

Gammerr M. Empire and mountains: the case of Russia and the Caucasus // *Social Evolution & History*. 2013. № 2. P. 120–142.

Goltz T. Chechnya diary. A war correspondent's story of surviving the war in Chechnya. New York: St. Martin's, 2003. 352 p.

Kinzer S. Pro-Chechen Ferry Hijackers Surrender to Turks // *The New York Times*. January 20, 1996.

Melikova S. The First Russo-Chechen campaign (1994–1996): causes and factors of ethnic mobilization // *The Caucasus and Globalization*. 2012. Vol. 6. № 3. P. 72–79.

Ware R.B. Civil war in Chechnia: political failure and strategic response // *Central Asia and the Caucasus*. 2004. №3. P. 53–61.

References

Alissoltanov, O. "The Chechen crisis: Genesis, dynamics and recent trends", *Central Asia and the Caucasus*, no. 2 (2004): 13–23. (in English)

Bugai, N.F., and A.M. Gonov. *Severnnyi Kavkaz: novye orientiry natsional'noi politiki (90-e gody XX veka)* [The North Caucasus: New National Policy Guidelines (1990s)]. Moscow: Novyi khronograf, 2004. (in Russian)

Dobaev, I.L. "The Islamist movement in the Northern Caucasus: Trends, possible developments and how oppose it", *Central Asia and the Caucasus*, no. 3 (2006): 146–52.

Gadzhiev, K.S. *Geopolitika Kavkaza* [Geopolitics of the Caucasus]. Moscow: Mezhdunarodnye otnosheniya, 2001. (in Russian)

Gammerr, M. "Empire and mountains: the case of Russia and the Caucasus", *Social Evolution & History*, no. 2 (2013): 120–42.

Glushachenkov, A.A. "Some peculiarities of the reflection of military operations in Chechnya (1994–1996) in the central press", *Vlast'*, no. 2 (2008): 26–30. (in Russian)

Goltz, T. *Chechnya diary. A war correspondent's story of surviving the war in Chechnya*. New York: St. Martin's, 2003.

Islamic Radicals in Russia and the CIS. Moscow: AIRO-XXI, 2001. (in Russian)

Kinzer, S. "Pro-Chechen Ferry Hijackers Surrender to Turks", *The New York Times*, January 20, 1996.

Korf, O.V. "On the peculiarities of media support of the first Chechen war", *Vlast' [Power]*, no. 8 (2008): 50–54 (in Russian).

Kornilov, P.A. "Transformation of the image of war in the Caucasus in modern Russian media", *Vlast' [Power]*, no. 1 (2010): 100–03. (in Russian)

Malashenko, A.V., and D.A. Trenin. *Vremya Yuga: Rossiya v Chechne, Chechnya v Rossii* [Time of the South: Russia in Chechnya, Chechnya in Russia]. Moscow: Gendal'f, 2002 (in Russian).

Markov, E.A. "The First Chechen War in coverage of the Russian media", *Theory and Practice of Society Development*, no. 2 (2011): 179–82. (in Russian)

Melikova, S. "The First Russo-Chechen campaign (1994–1996): Causes and factors of ethnic mobilization", *The Caucasus and Globalization* 6, no. 3 (2012): 72–79.

Os'machko, S.G. *Politicheskoe i sotsial'no-ekonomicheskoe razvitie SSSR, Rossiiskoi Federatsii (1985–1999gg.)* [Political and socio-economic development of the USSR, the Russian Federation (1985–1999)]. Yaroslavl': YaGTU, 2003. (in Russian)

Statement around human rights in the Chechen Republic of the Russian Federation. The Report of the High Commissioner for Human Rights submitted according to the resolution 2001/24 of the Commission. *Russian Bulletin on Human Rights*, 8 (1996): 53–71. (in Russian).

Primakov, E.M. *Vstrechi na perekrestkakh* [Meetings at the Crossroads]. Moscow: Tsentrpoligraf, 2015. (in Russian)

Rossiya i SSSR v voynakh XX veka: Statisticheskoe issledovanie [Russia and the USSR in the Wars of the 20th century: Statistical study]. Moscow: OLMA-PRESS, 2001. (in Russian)

Rotar', I.I. *Pod zelenym znamenem. Islamskie radikalny v Rossii i SNG* [Under the Green Banner. Islamic Radicals in Russia and the CIS]. Moscow: AIRO-XXI, 2011. (in Russian)

Savchenko, O.A. "The Ukrainian Sangha of the Pontifical Order of Nipponzan Myōhōji". *Nauka. Religiya. Suspil'stvo*, no. 2 (2010): 290–95. (in Ukrainian)

Shnirel'man, V.A. *Byt' alanami: intellektualy i politika na Severnom Kavkaze* [Be Alans: Intellectuals and Politics in the North Caucasus]. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie, 2006. (in Russian)

Tishkov, V.A. *Obshchestvo v vooruzhennom konflikte. Etnografiya chechenskoi voyny* [Society in an Armed Conflict. Ethnography of the Chechen War]. Moscow: Nauka, 2001 (in Russian).

Tsvetkova, V.F. "The first Chechen campaign (1994–1996): chronicle of the local conflict", *Society. Medium. Development (Terra Humana)*, no. 1 (2011): 102–06. (in Russian)

Ware, R.B. "Civil war in Chechnya: political failure and strategic response", *Central Asia and the Caucasus*, no. 3 (2004): 53–61.

Zarakhovich, Yu. "The Chechen war through the eyes of American journalists (1993–1996)", in *Chechnya and Russia: Societies and States*, (1999): 290–307. (in Russian)

Zavgorodnii, Yu.Yu. "Philosophy of Buddhist monk Junsei Terasawa's pilgrimage", *Vestnik ugrovedeniya*, no. 2 (2014): 66–73. (in Russian)

DOI 10.23859/2587-8344-2018-2-3-1

УДК 94(4)

Градусова Полина Борисовна

Бакалавр, Ивановский государственный университет

(Иваново, Россия)

gradlin@mail.ru

Gradusova Polina

Bachelor of History, Ivanovo State University

Ivanovo, Russia

gradlin@mail.ru

Черноперов Василий Львович

Доктор исторических наук, профессор,

Ивановский государственный университет

(Иваново, Россия)

vlchernoperov@rambler.ru

Chernoperov Vasilii

Doctor of Historical Sciences, Professor

Ivanovo State University

(Ivanovo, Russia)

vlchernoperov@rambler.ru

“Германский след” в миграционной политике Н. Саркози и Ф. Олланда на европейском направлении*

The ‘German trail’ in the Migration Policy of Nicolas Sarkozy and François Hollande within the European Union

Аннотация. Рассматривается миграционная политика президентов Франции Николя Саркози (2007–2012) и Франсуа Олланда (2012–2017) в рамках Европейского союза. Описываются меры, предпринятые французским руководством, а также влияние ЕС (в частности Германии) на их реализацию. Политический курс государства демонстрируется по периодам

* Для цитирования: *Градусова П.Б., Черноперов В.Л.* “Германский след” в миграционной политике Н. Саркози и Ф. Олланда на европейском направлении // *Historia Provinciae – Журнал региональной истории.* 2018. Т. 2. № 3. С. 119–143. DOI: 10.23859/2587-8344-2018-2-3-1

For citation: Gradusova, P.B., and V.L. Chernoperov. “The ‘German trail’ in the migration policy of Nicolas Sarkozy and François Hollande within the European Union”. *Historia Provinciae – The Journal of regional history*, vol. 2, no. 3 (2018): 119–43, [https:// doi.org/ 10.23859/2587-8344-2018-2-3-1](https://doi.org/10.23859/2587-8344-2018-2-3-1)

© Градусова П.Б., Черноперов В.Л., 2018

© Gradusova P., Chernoperov V., 2018

президентских сроков, что позволяет выявить его константы и переменные. Делается вывод о планирующей роли Франции в становлении миграционной политики ЕС (при руководящей роли Германии) и инструментальной роли самого Европейского союза.

Ключевые слова: Н. Саркози, Ф. Олланд, А. Меркель, Германия, Европейский союз, миграционная политика, Средиземноморский союз, Европейский пакт об иммиграции и предоставлении убежища.

Abstract. This article is devoted to the migration policy of French Presidents Nicolas Sarkozy (2007–12) and François Hollande (2012–17) within the European Union. The author describes the measures undertaken by the French government and the impact that the EU (notably Germany) had on their implementation. The political course of the state is demonstrated through the periods of presidential terms, which helps identify its variables and constants. It is concluded that France plays a planning role in the development of the EU migration policy (under the leadership of Germany), whereas the EU itself plays an instrumental role.

Keywords: Nicolas Sarkozy, François Hollande, Angela Merkel, Germany, the European Union, migration policy, the Union for the Mediterranean, the European Pact on Immigration and Asylum.

Введение

Часто тенденции развития той или иной системы легче наблюдать, когда указанная система находится в состоянии кризиса. Миграционный кризис, с которым ЕС столкнулся в последние годы, красноречиво продемонстрировал потенциал европейской конструкции, а также пределы ее действенности. Беспрецедентный характер проблемы вынудил лидеров ЕС – Германию и Францию – взять бразды правления в Союзе и «вести за собой примером».

При изучении процессов, имеющих место в ЕС, можно попасть в ловушку подмены понятий. За термином «Европейский союз», употребляемом в СМИ и в некоторых исследованиях, часто скрываются конкретные государства и даже лица. Консенсус таков, что в обозначенном германо-французском дуэте первую скрипку играет ФРГ. Но какая в таком случае роль Франции? И является ли ЕС чем-то большим, нежели простым зонтичным брендом?

На эти вопросы мы попытаемся ответить в рамках данной работы, цель которой – рассмотреть миграционную политику Франции на европейском направлении и выявить степень влияния на нее Германии. Анализ политики Парижа будет проведен по президентским срокам Николя Саркози и Франсуа Олланда. Основой источниковой базы настоящей статьи стали аналитические материалы с сайта EURACTIV – медиа-платформы, собирающей и размещающей информацию о европейской политике. Руководителей EURACTIV отличает постоянство в отслеживании событий, широта в освещении вопросов и оперативность. Среди аналитических материалов, посвященных внешней политике Франции,

выделяются те, что подготовил Чарльз Грант (Charles Grant). Этот исследователь, будучи экспертом по вопросам Общей внешней политики и политики безопасности ЕС, предоставляет интересные и, как показала верификация, достоверные факты о взаимозависимости политик, которая сформировалась в рамках Евросоюза, и о роли отдельных государственных деятелей в ее поддержании.

Основная часть

Во Франции фоном предвыборной президентской кампании 2007 года служили процессы, связанные с переосмыслением учредительных документов Европейского союза. Все ведущие кандидаты в президенты Николя Саркози от Союза за народное движение, Сеголен Руаяль от Социалистической партии, Франсуа Байру от Демократического движения и Жан-Мари Ле Пен от Национального фронта высказались по этой актуальной проблеме. Как известно, победу праздновал Н. Саркози. Гранды Евросоюза в лице канцлера ФРГ Ангелы Меркель и Председателя Европейской Комиссии Жозе Мануэля Баррозу положительно встретили данную новость¹, что не случайно: положения предвыборной программы Н. Саркози и содержание его выступлений вселяли надежду в этих сторонников евроинтеграции на укрепление ЕС.

Новый президент Франции выступал за создание так называемого «мини-соглашения», призванного заменить непринятую «Конституцию Союза». Такое требование было продиктовано необходимостью реформирования процесса принятия решений в рамках ЕС, находящегося под тяжестью бюрократических проволочек, неизбежных при проведении политики с учетом пожеланий и требований, объединенных в Союз 27 государств². Для преодоления бюрократических барьеров новый глава Елисейского дворца предлагал создать особую «директорию», состоящую из 6 наиболее крупных государств Евросоюза, которая задавала бы тренды развития интеграции для всего Сообщества³. Прежде всего, в вопросах экономики и внешней политики, где объединительные тенденции должны были проявляться наиболее ярко. В то же время некоторые темы, прежде всего миграционные, Саркози предпочитал оставить в ведении нацио-

¹ European leaders react to Sarkozy's election // EURACTIV. 07.05.2007. URL: <https://www.euractiv.com/section/elections/news/european-leaders-react-to-sarkozy-s-election/> (дата посещения – 12.02.2018).

² Ibid.

³ EU issues in the early French presidential campaign // EURACTIV. 30.06.2006. URL: <https://www.euractiv.com/section/economy-jobs/news/eu-issues-in-the-early-french-presidential-campaign/> (дата посещения – 12.02.2018).

нальных государств⁴. Таким образом, новый президент давал ясный месседж – дальнейшее расширение ЕС в условиях осложнений в самом Союзе и в государствах-членах, вызванных предыдущим расширением, не вполне разумно. В этом же контексте следует рассматривать его призывы к четкому определению границ Евросоюза.

Намерения Саркози ударили по планам Турции, давно добивавшейся членства в Сообществе. Французский президент публично объяснял нежелание видеть Турцию в рядах ЕС географической непричастностью данного государства Европе. Впрочем, за этими словами просматривается и еще одна (причем, весьма веская) причина – вступление Турции в Союз грозило наводнением европейского рынка труда новой (и вероятнее всего, более дешевой) рабочей силой.

Подходы Саркози с реформированию ЕС и к решению вопроса о Турции могли получить импульс для развития только при прямой или косвенной поддержке со стороны руководства Евросоюза в Брюсселе и Германии. Или, в крайнем случае, при их нейтральном отношении к намеченному Парижем курсу. Здесь следует отметить, что ни в Брюсселе, ни в Берлине линия Саркози не встретила серьезного противодействия. Причины в следующем. Евросоюз в это время был слишком занят созданием нового учредительного договора и решением проблем, возникших с государствами, ставшими членами Союза при последней волне присоединений. Германия же сомневалась в способности Турции внедрить в свою политику стандарты ЕС.

В создавшихся условиях Саркози представился хороший случай воплотить в жизнь проект, о котором он много говорил в своих предвыборных выступлениях, – сформировать Средиземноморский союз – региональную интеграционную организацию, в чем-то схожую с ЕС. Сама идея не была совершенно новой. Попытка создать аналогичный союз была начата еще в Барселоне в 1995 г. (отсюда название – Барселонский процесс). Но в отличие от этой организации 1990-х годов, Средиземноморский союз Саркози не должен был включать все страны ЕС. Государствам Северной Европы предлагался лишь статус наблюдателя.

Создание Средиземноморского союза позволяло Саркози одним выстрелом убить двух зайцев. Во-первых, предоставить Турции альтернативу членства в ЕС. Во-вторых, помочь Франции и всему Евросоюзу решать миграционные вопросы со странами Ближнего Востока и Северной Африки. Кроме того, реализация проекта в полном объеме укрепляла надежды президента Франции на выполнение желанной миссии посредника в урегулировании нескончаемого арабо-израильского противостояния.

⁴ Mon projet: Ensemble tout devient possible. 2007. URL: <https://www.latribune.fr/archives/2007/ID17D401AB925D71A2C12572AC004970F7/texte-integral-du-projet-de-nicolas-sarkozy-candidat-a-lelection-presidentielle---1ere-partie.html> (дата посещения – 12.02.2018).

В 2007 г. во время вояжа в Марокко Саркози представил свою инициативу мировой общественности. Однако Брюссель и Берлин энтузиазма лидера Франции не поддержали. Руководство Германии в лице А. Меркель посчитало проект противоречащим фундаментальным основам Евросоюза – единству и равенству. Мало того, что выстраиваемая Парижем средиземноморская организация делила ЕС на Север и Юг, она еще должна была щедро финансироваться Евросоюзом⁵. Последнее особенно не устраивало те страны Союза, которым отводилась роль государств-наблюдателей. Они не желали материально стимулировать деятельность организации, в рамках которой не имели никакого голоса.

Получив порцию критики, Париж внес корректуру в свои планы. Был понижен статус формирующейся организации, что отразилось в ее новом названии – «Союз для Средиземноморья». Кроме того, в данную организацию теперь предполагалось включить всех членов ЕС. Принятые решения нашли понимание в Германии, после чего Саркози заявил, что «Союз для Средиземноморья» будет европейским проектом⁶.

Успех Парижа был явно небольшим. Вместо планировавшейся интеграционной группировки с комплексной структурой получился своего рода форум. Кроме того, как нам представляется, при решении вопроса о «Союзе для Средиземноморья» подлинного консенсуса ФРГ и Франции достигнуто не было. По факту имели место лишь уступки Парижа. В доказательство приведем три аргумента. Во-первых, Франции не удалось настоять на создании организации в рамках ЕС, ограниченной географически, между тем, сама Германия состояла в таковой – в Совете государств Балтийского моря⁷. Во-вторых, как мы могли понять из предложений по «мини-соглашению», Саркози был настроен на ранжирование европейских государств в зависимости от их возможностей, что способствовало бы повышению эффективности функционирования ЕС, но «Союз для Средиземноморья» предполагалось формировать на основаниях, противоположных данному принципу. В-третьих, президенту Франции создание Средиземноморского союза давало шансы включить южные страны Европы и страны Северной Африки (связанные с Францией колониальным прошлым) в зону исключительно своего влияния и доминирования, что в «Союзе для Средиземноморья» оказывалось мало достижим.

⁵ *Balfour R., Schmid D.* Union for the Mediterranean, disunity for the EU? // Policy Brief. 2008. P. 1. URL: [http://www.epc.eu/documents/uploads/235206674_Union %20for %20the %20Mediterranean.pdf](http://www.epc.eu/documents/uploads/235206674_Union%20for%20the%20Mediterranean.pdf) (дата посещения – 12.02.2018)

⁶ *Sarkozy et Merkel trouvent un compromis sur l'Union pour la Méditerranée* // EURACTIV. 04.03.2008. URL: <https://www.euractiv.fr/section/avenir-de-l-ue/news/sarkozy-et-merkel-trouvent-un-compromis-sur-l-union-pour-la-mediterranee/> (дата посещения – 12.02.2018).

⁷ *Merkel satisfaite* // L'Humanité. 05.02.2008. URL: <https://humanite.fr/node/388413> (дата посещения – 12.02.2018).

В 2008 г. Франция стала председателем Европейского совета. Этот статус позволил Саркози продвигать идею общей миграционной политики на наднациональном уровне. Для ее реализации Брис Ортефё, французский министр иммиграции, интеграции, национальной идентичности и совместного развития, нанес визиты коллегам из других стран ЕС для обмена мнениями о Европейском пакте об иммиграции и убежище, разработанного в Париже. Во время встреч французской стороне, как и в случае со Средиземноморским союзом, вновь пришлось пойти на компромиссы. Причем уже не только в пользу Германии, но и Испании. Берлин, в частности, настоял на исключении из проекта пункта о создании Агентства по делам о предоставлении убежища, которое было бы правомочно принимать решения по вопросам получения статуса беженца⁸.

Итогом переговоров Б. Ортефё и действий Н. Саркози Европейский пакт об иммиграции и убежище был принят на саммите в Брюсселе в октябре 2008 г.⁹ Документ был встречен в мире неоднозначно. Например, негативно в ряде стран Латинской Америки, хотя он и не имел обязательной юридической силы. Правда, Пакт содержал комплекс положений, призванных начать синхронизацию миграционных политик стран-членов ЕС. Среди таковых выделим усиление пограничного контроля и продвижение принципа “совместной ответственности”, согласно которому страны ЕС должны были содействовать государствам Южной Европы, на которые приходилась большая часть иммигрантов из Африки¹⁰.

В 2010 г. отношения Парижа с Брюсселем и Берлином вновь обострились. Теперь в связи с политикой французского правительства в отношении проживавших в стране цыган¹¹. Попытка Саркози начать выселение из страны ромов-нелегалов завершилась тяжелыми обвинениями руководства Франции в дискриминации людей по национальному признаку. Еврокомиссар по вопросам юстиции и гражданским правам Вивиен Реддинг пообещала даже инициировать рассмотрение цыганской проблемы в Еврокомиссии, а затем передать дело в

⁸ *Bennholld K., Brothers C.* EU pact on immigration emphasizes enforcement // The New York Times. 07.07.2008. URL: <http://www.nytimes.com/2008/07/07/world/europe/07iht-union.4.14302428.html> (дата посещения – 12.02.2018).

⁹ *Шишло А.* Лидеры ЕС одобрили Пакт об эмиграции и предоставлении убежища // РИА-Новости. 18.10.2008. URL: <https://ria.ru/world/20081016/153331882.html> (дата посещения – 25.02.2018).

¹⁰ *The European Pact on Immigration and Asylum* // EURACTIV. 18.09.2008. URL: <https://www.euractiv.com/section/social-europe-jobs/linksdossier/the-european-pact-on-immigration-and-asylum/> (дата посещения – 12.02.2018).

¹¹ Подробнее см.: *Градусова П.Б., Черноперов В.Л.* «Цыганский вопрос» во внутренней и внешней политике президента Франции Николя Саркози в 2010–2011 гг. // Вестник Ивановского государственного университета. Серия: Гуманитарные науки. 2016. № 3 (9). С. 32–40.

Европейский суд. При этом она провела параллели между учиненным Саркози нарушением прав человека и преступлениями нацистов в годы Второй мировой войны. Правда, несмотря на громкие обвинения в адрес Парижа и вроде бы очевидные правовые нарушения французского правительства в отношении ромов, руководство ЕС в итоге потребовало от Парижа лишь в кратчайшие сроки составить «календарь свободного передвижения» цыган¹². При этом Еврокомиссия отказалась от обвинений властей Франции в дискриминации. В. Рединг даже пришлось дезавуировать свои громкие сравнения. Правда, она пообещала разбирать в будущем каждый отдельный случай выселения цыган, дабы исключить дискриминационный аспект.

Помимо истории с ромами показательное решение Парижем проблемы массовой миграции из Туниса и реакция на это решение Евросоюза в 2011 г. Тогда Н. Саркози пригрозил «решить» вопрос путем пересмотра Шенгенского соглашения¹³. Однако это жесткое заявление, как и в случае с цыганами, не привело к обвинительным демаршам в адрес Парижа со стороны большей части европейских политиков. А. Меркель, например, ограничилась заявлением, что увеличение или уменьшение потока иммигрантов в будущем будет зависеть от восстановления их собственных стран¹⁴.

Примеры с ромами и беженцами из Северной Африки показывают, что позиция Франции по проблеме миграции в 2007–2012 гг. не была «бунтарской». Саркози и его сторонники следовали в русле настроений других крупных игроков Европейского союза. Объяснение этому можно найти в заявлении представителя французской оппозиции Пьера Московиси: «...консервативные лидеры поддержат угрозу президента покинуть Шенгенскую зону, как только он объявит о подписании соглашения о жесткой экономии во имя единства Европы»¹⁵. Ведь ни для кого не было секретом то, что ЕС с 2008 г. нес большие потери из-за мирового экономического кризиса. А во имя спасения экономики можно было пренебречь другими вопросами. В частности, гуманитарного порядка.

¹² Ракузина И. Газеты: «Соломоново решение» Еврокомиссии в отношении иска против Франции за высылку цыган // RFI на русском. 30.09.2010. URL: <http://ru.rfi.fr/obshchii/20100930-gazety-solomonovo-reshenie-evrokomissii-v-otnoshenii-iska-protiv-frantsii-za-vysyl> (дата посещения – 12.02.2018).

¹³ Allen P. France stops all Italian trains carrying north African immigrants // The Telegraph. 17.04.2011. URL: <http://www.telegraph.co.uk/news/worldnews/europe/france/8457138/France-stops-all-Italian-trains-carrying-north-African-immigrants.html> (дата посещения – 12.02.2018).

¹⁴ Pop V. EU fear of north African migrants 'overblown' // EUobserver. 11.03.2011. URL: <https://euobserver.com/justice/31973> (дата посещения – 12.02.2018).

¹⁵ Sarkozy threatens to pull out of Schengen unless immigration progress is made // Times of Malta. 12.03.2012. URL: <https://www.timesofmalta.com/articles/view/20120312/world/sarkozy-threatens-to-pull-out-of-schengen-unless-immigration-progress.410778> (дата посещения – 12.02.2018).

Известно, что кризис в экономике обычно наносит тяжелый удар по сплоченности общества. С его усилением разные социальные и политические группы, ранее мирно сосуществовавшие, начинают выступать друг против друга. В такие периоды часто возникает напряженность по линии «коренные граждане – иммигранты». Обострение противостояния по этому разлому в начале 2010-х годов совпало с выборами в ряде стран Евросоюза (в том числе во Франции), и многие кандидаты решили осторожно выступить против массовой иммиграции, чтобы, сыграв на этом поле, завоевать максимально возможное число голосов правого и крайне правого политического спектра.

Отмеченная выше игра на проблеме миграции поддерживалась в демократической Франции, однако, далеко не всеми. Выборы президента 2012 года показали, что кризис мультикультурализма волновал французов не меньше экономики. Не случайно они отдали свои голоса кандидату не от правых сил, а лидеру Социалистической партии Франсуа Олланду. В Елисейский дворец новый президент въехал на волне обещаний решить экономические вопросы. Причем максимально безболезненно. Кроме того, он заявлял о готовности отстаивать свой курс в рамках ЕС и обещал привести франко-германские отношения в состояние баланса¹⁶, который, как многим казалось, был нарушен в пользу ФРГ. А чтобы восстановить это равновесие, Ф. Олланд надеялся «разбавить» в Евросоюзе тандем Париж–Берлин более активным вовлечением в дела стран Южной Европы и Европейской комиссии¹⁷. Вопросы миграции он явно отодвигал на второй план.

Первое время Олланд, в целом, следовал намеченному курсу. В центре его политики лежали экономические вопросы. Причем, в силу глубокой интегрированности Франции в общеевропейский рынок, Парижу народнохозяйственные проблемы часто приходилось выносить на международный уровень. Вопросы миграции, как показывают выступления президента или законодательные инициативы, в начале правления Олланда не являлись приоритетными. А если и поднимались, то в комплексе с требованиями экономического плана.

С начала президентства Олланд, чтобы убедить лидеров других государств ЕС в правильности избранного курса, начал «играть на публику», апеллируя к сложившемуся образу Парижа как «политическому лидеру» единой Европы. Отсюда – его внешнеполитическая активность и частое обращение к своему (на деле незначительному) авторитету. Однако, несмотря на все усилия, ситуация с экономикой Франции, как внутри страны, так и на общеевропейском уровне, кардинально не менялась. Ей, например, так и не удалось приблизиться по основным показателям Германии. Уже это затрудняло равноправный диалог Па-

¹⁶ Grant C. Hollande, the Germans and "Political Union" // CER. 25.09.2012. URL: <http://www.cer.eu/insights/hollande-germans-and-political-union> (дата посещения – 12.02.2018)/

¹⁷ Ibid.

рижа с Берлином. Положение осложнилось еще больше после парламентских выборов в ФРГ 2013 года. На них консервативный блок христианских демократов, ведомый А. Меркель, получил лучший за последний 20 лет результат – 41,5 % голосов избирателей. Популярность же самого Олланда и возглавляемой им Соцпартии к этому времени резко снизилась. Для сохранения и развития диалога с Берлином Париж был вынужден пойти на кадровые изменения, в результате которых французское правительство «поправело». Вскоре выросла еще одна проблема.

С того же 2013 г. актуализировался миграционный кризис, что было связано «с кризисом политической системы в Ливии и непрекращающимся противостоянием в Сирии и Ираке»¹⁸. Тысячи мигрантов двинулись в Евросоюз. Перед лицом этого вызова европейские лидеры заняли разные позиции¹⁹. Однако позиция Германии и Франции оказались во многом схожими.

Германия решилась на заявление об открытости своих границ для мигрантов. Франция, не желая оставаться в стороне от крупномасштабных внешнеполитических проектов, заняла схожую позицию. Однако, вскоре правящие круги обоих государств, осознав ограниченность своих возможностей по приему иностранцев, стали призывать к распределению беженцев по всем странам Европы. Олланд, например, согласился принять более 20 000 человек, а также обустроить на территории Франции промежуточный пункт для тех, кто направлялся в Германию²⁰. Президент явно стремился усидеть на «двух стульях». С одной стороны, удовлетворить сторонников в Соцпартии и движениях левого и демократического толка, смотревших на мигрантов как на беженцев, которым необходимо дать приют и защиту. С другой стороны, Олланд должен был учитывать тот факт, что половина французов хотела бы видеть поменьше иммигрантов, а 73 % сторонников правых сил желали вообще запретить въезд мигрантов в страну²¹.

Давление большинства населения со временем все больше влияло на французское руководство. В конце 2015 г. Олланд стал уже призывать к созданию постоянных европейских служб по охране морских и сухопутных границ, кото-

¹⁸ Медушевский Н.А. Влияние миграционного кризиса 2014–2016 годов на политику и социальные настроения в странах Европейского союза // Теории и проблемы политических исследований. 2016. №3. С. 168.

¹⁹ См., напр.: Медушевский Н.А. Указ. соч. С. 168–174.

²⁰ Schwartz A. All eyes on Germany as refugee exodus continues // EURACTIV. 04.11.2015. URL: <https://www.euractiv.com/section/justice-home-affairs/news/all-eyes-on-germany-as-refugee-exodus-continues/> (дата посещения – 12.02.2018).

²¹ Подробнее см.: Орехова С.В. Миграционная политика Франции: история и современность // Власть. 2015. №3. С. 149–151.

рые должны были препятствовать массовой миграции²². К этому времени головной болью Парижа стали так называемые «джунгли» в Кале. Такое название получил лагерь нелегальных мигрантов, который использовался как промежуточный пункт для желающих перебраться через Па-де-Кале из Франции в Соединенное королевство.

Свои маленькие «джунгли», подобные тем, что разрослись в Кале, появились и в других частях Франции, включая столицу. Жизнь в этих анклавах власти практически не контролировали, и из этих лагерей стали исходить криминальные и иные угрозы. На рост этой опасности в 2015 г. наложились крупные террористические акты, среди которых – нападение на редакцию Charlie Hebdo (январь), атака на еврейский центр в Ницце (февраль), взрывы в Париже у стадиона «Стад де Франс» в Сен-Дени, расстрел посетителей нескольких ресторанов, а также бойня в концертном зале «Батаклан» (ноябрь). Эти и другие террористические акции 2015 г. вынудили Олланда сделать приоритетными проблему безопасности.

2016 г. внес новые штрихи в политику германо-французского тандема в деле иммиграции²³. Одной из новаций стали решения в рамках ЕС о выделении Турции и пяти африканским государствам финансовых средств на решение миграционных вопросов (по сути, для ограничения приезда мигрантов через территорию этих стран в ЕС)²⁴. Лидеры Евросоюза предпочли держать проблему за пределами Союза. При этом Германия и Франция публично демонстрировали единодушие – выступали с общими заявлениями, проводили встречи, направленные, по мнению журналистов, на предварительное согласование позиций.

Заключение

Тесное сотрудничество А. Меркель и Н. Саркози – дуэт, получивший с легкой руки журналистов наименование Меркози, сменился тандемом А. Меркель и Ф. Олланда – Мерколландом. Но было ли это взаимодействие на уровне Евросоюза кооперационным или конфронтационным?

²² EU to step up deportation of economic migrants // EURACTIV. 08.10.2015. URL: <https://www.euractiv.com/section/justice-home-affairs/news/eu-to-step-up-deportation-of-economic-migrants/> (дата посещения – 12.02.2018).

²³ Подробнее см.: *Градусова П.Б., Черноперов В.Л.* Проблема антисемитизма во внутренней и внешней политике Франции в годы президентства Франсуа Олланда и пути ее решения // *Historia provinciae – журнал региональной истории.* 2017. Т. 1. № 3. С. 64–66.

²⁴ *Barbiere C.* EU aid principles will be a ‘thing of the past’ under new African migrant deal // EURACTIV. 21.10.2016. URL: <https://www.euractiv.com/section/global-europe/news/eu-aid-principles-will-be-a-thing-of-the-past-under-new-african-migrant-deal/> (дата посещения – 12.02.2018).

Нам представляется, что Саркози с начала своего президентского срока стремился самоутвердиться на европейской арене. Для этого он взял на вооружение тему иммиграции – вопрос, которому он посвятил значительную часть своей политической карьеры. Тем более, обсуждение миграционной проблемы в теории помогло бы ему привлечь страны Южной Европы для усиления влияния Франции в рамках ЕС и Средиземноморского союза. Часть этих стран потенциально могла войти в ядро Союза, которое играло бы роль локомотива европейской интеграции. Однако эта попытка изменить соотношение сил была пресечена Германией. Франция смирилась.

Отношения Парижа с Брюсселем в период президентства Саркози при всех осложнениях по большей части имели для Парижа позитивный результат. Принятый в рамках председательства Франции Пакт об иммиграции и убежище ознаменовал начало действий стран-членов ЕС по координации своих миграционных политик. Отношения ЕС – Саркози испытали некоторое охлаждение из-за проблемы ромов-нелегалов только в 2010 г., однако тогда конфликт быстро угас, так как претензии к Парижу исходили в основном из Брюсселя. Большие национальные европейские игроки (вроде Германии) не поддержали выступление против политики французского президента. Эта история, по нашему мнению, является подтверждением того факта, что ЕС сильно ограничен в принуждении государств в изменении своей политики в сфере иммиграции, если этого не желают входящие в Союз национальные правительства. А последние в 2010-е годы выступили против Франции только при ее попытке образовать Средиземноморский союз и тем самым изменить существующий на континенте статус-кво.

Олланд так же, как и Саркози, попытался изменить расклад сил в ЕС, заручившись поддержкой стран Южной Европы. Оба французских президента вынашивали масштабные и амбициозные проекты: один – по созданию новой интеграционной группировки, другой – по реформированию экономической системы ЕС. Но каждому из них пришлось уступить Германии.

ЕС за время президентства Саркози выполнял роль инструмента, активно манипулируемого национальными правительствами для создания определенной картины внешнего мира для внутреннего электората. Подтверждением тому может служить ситуация с цыганами, высылка которых не вызвала громких разбирательств, так как она не влияла на соотношение сил государств (да и многие страны сами тайком практиковали подобные меры по отношению к ромам²⁵). В этой связи интересно посмотреть на Европейский пакт об иммиграции и убежище. По содержанию он являлся лишь декларацией стран-членов, стре-

²⁵ Градусова П.Б., Черноперов В.Л. «Цыганский вопрос» во внутренней и внешней политике президента Франции Николя Саркози в 2010–2011 гг. // Вестник Ивановского государственного университета. Серия: Гуманитарные науки. 2016. № 3 (9). С. 38.

мящихся подвести свои политики под общий знаменатель, но при этом сохранить широту полномочий (чем воспользовался Саркози в случае с волной иммигрантов из Туниса). Подходы к миграционной проблеме изменились с момента усиления экономического кризиса и роста потока мигрантов с 2013 г. С этого времени Евросоюз превратился в инструмент сохранения влияния группой сильнейших. На авансцену вышли Меркель и Олланд, выступив за усиление пограничного контроля (на границах ЕС и внутри его), стали запоздало сотрудничать с третьими странами с целью удержания в них потенциальных иммигрантов²⁶. Но если приоткрыть к их конкретным решениям, то мы увидим, что они по факту лишь следовали пунктам Пакта, претворяя в жизнь один из проектов Саркози.

Таким образом, мы можем констатировать сохранение преемственности миграционной политики Франции при Саркози и Олланде по отношению к ЕС. Описанная нами ситуация красноречиво говорит о том, что в сфере иммиграции Брюссель еще не стал отдельным центром влияния и продолжает зависеть от крупных игроков Евросоюза. Поэтому возникновение сильного конфликта с ЕС в данном вопросе маловероятно и возможно лишь при конфликте интересов, в который окажутся втянуты национальные правительства ведущих стран Европы.

По большей части годы президентства Саркози и Олланда ознаменовались установлением положительных отношений с Меркель, поэтому и миграционная политика, заранее обговоренная лидерами, не вызывала нареканий у Брюсселя. Политика Саркози продолжила совершенствоваться при Олланде, она получила новое звучание на уровне ЕС. Ее продолжение бывшим оппонентом Саркози, помимо отмеченного выше, свидетельствует также об относительности делений сил политического спектра на правые и левые. В современной реальности многое определяют не партийные проекты-программы и их долгосрочными стратегиями, а ситуативные решения, мотивы конкретных политиков и их личные качества.

²⁶ *Diekmann K., Koch T.* “Europeprendsouvernttropdetempspourdecider” // Bild. 05.04.2016. URL: <http://www.bild.de/politik/ausland/francois-hollande/interview-du-president-de-la-republique-pour-bild-45226730.bild.html> (дата посещения – 12.02.2018).

Introduction

It is often easier to observe trends in the development of a certain system when the said system would be in a state of crisis. The migration crisis, which the EU has encountered in recent years, eloquently demonstrated the potential of the European framework, as well as the limits of its effectiveness. The unprecedented nature of the problem forced the EU leaders – Germany and France – to take the reins of government in the European Union and ‘lead the way by example’.

When studying the processes taking place in the EU, one can fall into a trap of substituting concepts. The term ‘European Union’, used in the media and in some studies, often covers specific countries and even individuals. The consensus is that in the above-mentioned German-French ‘duet’, the first violin is played by the FRG. But what is the role of France in this case? And is the EU something more than a simple umbrella brand?

We will try to answer these questions in this paper, the purpose of which is to examine France’s migration policy within the European Union and to reveal the extent to which Germany has influenced it. A review of the French policy will be carried out based on the presidential terms of Nicolas Sarkozy and Francois Hollande. The sources database for this article was represented by the analytical materials from the site EURACTIV.com – a media platform that collects and publishes EU news and policy debates across languages. The leaders of EURACTIV are distinguished by their persistence in tracking events, breadth in coverage of the issues and timeliness. Among the analytical materials regarding France’s foreign policy, those prepared by Charles Grant are standing apart. This researcher, being an expert on the Europe’s Common Foreign and Security Policy, provides interesting and, according to verification, reliable facts about the interdependence of the policies that have been formed within the framework of the European Union and the role of individual statesmen in their endorsement.

Main body

In France, in the background of the presidential campaign in 2007 was the process of rethinking the constituent instruments of the European Union. All the leading presidential hopefuls, Nicolas Sarkozy of the Union for a Popular Movement, Ségolène Royal of the Socialist Party, Francois Bayrou of the Democratic Movement and Jean-Marie Le Pen of the National Front, spoke out on this topical issue. As is known, the victory was celebrated by Nicolas Sarkozy. The grandees of the European Union represented by Chancellor Angela Merkel and President of the European Commission Jose Manuel Barroso welcomed this news¹, which was not accidental.

¹ European leaders react to Sarkozy’s election, *EURACTIV*, 07.05.2007, <https://www.euractiv.com/section/elections/news/european-leaders-react-to-sarkozy-s-election/> (date of access: 12.02.2018).

The provisions of Nicolas Sarkozy's pre-election program and the content of his speeches gave hope to these supporters of European integration to strengthen the EU.

The new president of France advocated the creation of the so-called 'mini-agreement' designed to replace the 'Constitution for Europe' that was not approved. This requirement was dictated by the need to reform the decision-making process within the EU, under the weight of bureaucratic delays, inevitable in carrying out the policy, considering the wishes and requirements of the union of 27 states². To overcome bureaucratic barriers, the new head of the Élysée Palace proposed creating a special 'directory' consisting of the six largest members of the European Union, which would set the trends for the development and integration for the whole of the European Community³. First, in matters of economy and foreign policy, where the unifying tendencies were to manifest themselves most vividly. At the same time, Sarkozy preferred to leave some topics, especially those related to migration, under the supervision of national states⁴. Thus, the new president gave a clear message – the further expansion of the EU in the face of complications in the European Union itself and in the member countries caused by the previous expansion, would not be exactly reasonable. In the same context, one should consider his appeals for a clear definition of the borders of the European Union.

Sarkozy's intentions were hitting the plans of Turkey, which long ago sought membership in the European Community. The French president publicly explained the reluctance to see Turkey in the EU due to the 'geographical non-membership' of the said state as related to Europe. However, beyond these words, one can see another (on top of everything, very strong) reason: accession of Turkey to the European Union threatened 'flooding' of the European labor market with fresh (and, most likely, cheaper) labor force.

Sarkozy's approaches to reforming the EU and addressing the issue of Turkey could receive an impetus for development only with direct or indirect support from the EU leadership in Brussels and Germany. Or, as a last resort, with their neutral attitude towards the route 'chartered' by Paris. Here it should be noted that neither in Brussels nor in Berlin, Sarkozy's policy faced serious opposition. The reasons were as follows. The EU at that time was too busy creating a new constituent treaty and solving the problems that arose in relation to the countries that became members of

² European leaders react to Sarkozy's election. *EURACTIV*, 07.05.2007, <https://www.euractiv.com/section/elections/news/european-leaders-react-to-sarkozy-s-election/> (date of access: 12.02.2018).

³ EU issues in the early French presidential campaign. *EURACTIV*, 30.06.2006, <https://www.euractiv.com/section/economy-jobs/news/eu-issues-in-the-early-french-presidential-campaign/> (date of access: 12.02.2018).

⁴ Mon projet: Ensemble tout devient possible, 2007, <https://www.latribune.fr/archives/2007/ID17D401AB925D71A2C12572AC004970F7/texte-integral-du-projet-de-nicolas-sarkozy-candidat-a-lelection-presidentielle-1ere-partie.html> (date of access: 12.02.2018).

the European Union in the last wave of accession. Germany, however, doubted Turkey's ability to embed the EU standards into its policies.

Under the circumstances, Sarkozy had a good opportunity to implement the project, which he spoke about in his pre-election speeches – formation of the Union for the Mediterranean – a regional integration organization, a little like the EU. The idea itself was not entirely new. An attempt to create a similar union was made in Barcelona in 1995 (hence the name – the Barcelona Process). But unlike the organization of the 1990s, the Euro-Mediterranean Partnership of Sarkozy was not to include all EU countries. The Nordic countries were only offered an observer status.

The creation of the Union for the Mediterranean allowed Sarkozy to kill two birds with one stone. First, it gave Turkey an alternative to EU membership. Secondly, it was to help France and the entire European Union resolve the migration issues brought from the countries of the Middle East and North Africa. In addition, the implementation of the project in full strengthened the hopes for the French president to fulfill the mediator's desired mission in the settlement of the endless Arab-Israeli confrontation.

In 2007, during his voyage to Morocco, Sarkozy presented his initiative to the world community. However, Brussels and Berlin did not support the enthusiasm of the leader of France. Germany's leadership, in the person of Angela Merkel, considered the project contradictory to the fundamental foundations of the European Union – unity and equality. Not only that the Union for the Mediterranean organized by Paris, divided the EU into a North and South, it still had to be generously funded by the European Union⁵. In particular, the latter did not suit those countries of the European Union, which were assigned the role of observer states. They did not want to materially stimulate the activities of the organization, within which they had no voice.

Having benefited from a healthy dose of constructive criticism, Paris adjusted its plans. The status of the shaping organization was lowered, which was reflected in its new name – 'Union for the Mediterranean'. In addition, this organization was now supposed to include all EU members. The adopted decisions found understanding in Germany, after which Sarkozy stated that the 'Union for the Mediterranean' would be a European project⁶.

The success of Paris was clearly not very significant. Instead of the planned integration grouping with a complex structure, it turned out to be kind of a forum. In addition, it seems to us that when the question of the 'Union for the Mediterranean' was

⁵ R. Balfour and D. Schmid, "Union for the Mediterranean, disunity for the EU?", *Policy Brief*, p. 1 (2008), [http://www.epc.eu/documents/uploads/235206674_Union %20for %20the %20Mediterranean.pdf](http://www.epc.eu/documents/uploads/235206674_Union%20for%20the%20Mediterranean.pdf) (date of access: 12.02.2018).

⁶ Sarkozy et Merkel trouvent un compromis sur l'Union pour la Méditerranée. *EURACTIV*, 04.03.2008, <https://www.euractiv.fr/section/avenir-de-l-ue/news/sarkozy-et-merkel-trouvent-un-compromis-sur-l-union-pour-la-mediterranee/> (date of access: 12.02.2018).

resolved, the genuine consensus was not obtained between Germany and France. In fact, there were only concessions of Paris. To prove it, here are three arguments. First, France failed to insist on the creation of an organization within the EU, geographically limited; meanwhile, Germany was involved in a similar organization – the Council of the Baltic Sea States⁷. Secondly, as we could understand from the proposals for a ‘mini-agreement’, Sarkozy was determined to rank the European countries depending on their capabilities, which would contribute to improving the efficiency of EU functioning; however, the ‘Union for the Mediterranean’ was supposed to be formed based on oppositions to this principle. Thirdly, the creation of the union in the Mediterranean basin gave the French president the chance to include the countries of Southern Europe and North African countries (former French Colonial Empire) into a zone of exclusive influence and domination, which was almost unattainable in the ‘Union for the Mediterranean’.

2008 was marked by the French presidency of the Council of the European Union. This status allowed Sarkozy to promote the idea of a common migration policy at the supranational level. To implement it, Brice Hortefeux, the first Minister of Immigration, Integration, National Identity and Cooperative Development, paid visits to colleagues from other EU countries to exchange views on the European Pact on Immigration and Asylum developed in Paris. During the meetings, the French side, like the ‘Union for the Mediterranean’, had to accept a compromise again. And not only in favor of Germany, but also of Spain. Berlin, in particular, insisted on the withdrawal of the paragraph on the establishment of the European Union Agency for Asylum, which would be competent to take decisions on granting asylum to refugees⁸.

As the outcome of Brice Hortefeux’ negotiations and Nicolas Sarkozy’s actions, the European Pact on Immigration and Asylum was adopted at the Council of European Union Meeting in Brussels in October 2008⁹. The document was braced in the world with mixed feelings. As an example, it was perceived negatively in several Latin American countries, although it was not legally binding. Indeed, the Pact contained a set of provisions designed to begin synchronization of migration policies within the EU member states. Among these, we would single out strengthening border security and promoting the principle of ‘joint responsibility’, according to which the EU coun-

⁷ Merkel satisfaite. *L'Humanité*. 05.02.2008, <https://humanite.fr/node/388413> (date of access: 12.02.2018).

⁸ Bennholld, K. and C. Brothers, “EU pact on immigration emphasizes enforcement”, *The New York Times*, 07.07.2008, <http://www.nytimes.com/2008/07/07/world/europe/07iht-union.4.14302428.html> (date of access: 12.02.2018).

⁹ A. Shishlo, “EU leaders approved the European Pact on Migration and Asylum”, *RIA-Novosti*, 18.10.2008, <https://ria.ru/world/20081016/153331882.html> (date of access: 25.02. 2018).

tries were to assist the Southern European countries, which accounted for most immigrants from Africa¹⁰.

In 2010, the relations between Paris, Brussels and Berlin took a turn for the worse again. Now relating to the policy of the French government regarding the Romani people who lived in the country¹¹. Sarkozy's attempt to evict Travellers and Roma from all 'illegal settlements' of the country brought heavy accusations of the French leadership in discriminating people based on nationality. The European Commissioner for Justice, Fundamental Rights and Citizenship, Viviane Reding, even promised to initiate the consideration of the Roma problem in the European Commission and then refer the case to the European Court of Justice. At the same time, she drew parallels between human rights violation by Sarkozy and the Nazi war crimes during World War II. However, despite the loud accusations against Paris and seemingly evident legal infringements of the French government against the Roma, the EU political leadership eventually demanded from Paris within the shortest possible time to compile a credible 'calendar of free movement' for the Roma¹². At the same time, the European Commission refused to accuse the French authorities of discrimination. Viviane Reding even had to disavow her earlier statements. However, she promised to investigate every single case of eviction of the Travellers and Roma people in the future, to exclude the discriminatory aspect.

In addition to the story of the Roma, it is indicative that Paris solved the problem of mass migration from Tunisia and the reaction to this decision on part of the European Union in 2011. Then Sarkozy threatened to 'solve' the issue by revising the Schengen agreement¹³. However, this harsh statement, as in the case of the Roma, did not lead to accusatory demarches against Paris by most European politicians. Merkel, for example, confined herself to the statement that the peak and the drop-off in immigration in the future would depend on the rebuilding of their own countries¹⁴.

¹⁰ The European Pact on Immigration and Asylum. *EURACTIV*, 18.09.2008, <https://www.euractiv.com/section/social-europe-jobs/linksdossier/the-european-pact-on-immigration-and-asylum/> (date of access: 12.02.2018).

¹¹ More information: Gradusova, P.B. and V.L. Chernoperov, " 'The Roma issue' in the domestic and foreign policy conducted by president of France Nicolas Sarkozy in 2010–11", *Bulletin of the Ivanovo State University. Series: The Humanities*, no. 3 (9) (2016): 32–40.

¹² I. Rakuzina, "Newspapers: Solomonic decision of the European Commission regarding action against France for Roma expulsions", *RFI in Russian*, 30.09.2010, <http://en.rfi.fr/obshchii/20100930-gazety-solomonovo-reshenie-evrokomissii-v-otnoshenii-iska-protiv-frantsii-za-vysyl> (date of access: 12.02.2018).

¹³ P. Allen, "France stops all Italian trains carrying north African immigrants", *The Telegraph*. 17.04.2011, <http://www.telegraph.co.uk/news/worldnews/europe/france/8457138/France-stops-all-Italian-trains-carrying-north-African-immigrants.html> date of access: 12.02.2018).

¹⁴ V. Pop, "EU fear of north African migrants 'overblown'", *EUobserver*, 11.03.2011, <https://euobserver.com/justice/31973> date of access: 12.02.2018).

The examples of the Roma people and refugees from North Africa show that France's behavior with regards to their position on migration in 2007–12 was not 'rebellious'. Sarkozy and his supporters backed up the moral sentiments of other major players of the European Union. This explanation can be found within the statement of the French opposition politician Pierre Moscovici: "The conservative leaders, who have been so quick to unite to defend the president, will appreciate his threat to pull out of the Schengen Agreement unilaterally, as soon as he announces signing an agreement to implement austerity measures, for the sake of European unity"¹⁵. After all, it was an open secret for everyone that the EU had suffered heavy losses since 2008 due to the global economic crisis. And for the sake of saving the economy, other issues could be neglected. In particular, those of humanitarian nature.

It is known that the crisis in the economy usually strikes a heavy blow at the social cohesion. With its deepening, various social and political groups, previously co-existing peacefully, begin to oppose each other. During such periods, tensions often rise down the line 'native-born citizens – immigrants'. The aggravation of the conflict along this breaking point, in the early 2010s coincided with the elections in a number of EU countries (including France), and many candidates decided to act cautiously against mass immigration in order to win the maximum of popular votes in the right and the far-right political spectrum.

The above-mentioned 'game' on the problem of migration was supported in democratic France, however, by no means all. The election of the President in 2012 showed that the crisis of multiculturalism worried the French no less than the economy. It is not by chance that they gave their votes to the candidate representing not the right forces, however to the leader of the Socialist Party, Francois Hollande. The new president moved to the Elysee Palace on the 'wave of promises' related to the solution of economic issues. Whereby to the utmost painlessly. In addition, he declared his readiness to defend his course within the framework of the EU and promised to bring the Franco-German relations into a state of balance¹⁶, which, as many thought, was disrupted in favor of Germany. And to restore this balance, Francois Hollande hoped to 'dilute' the Paris-Berlin tandem in the European Union by more active involvement in the affairs of the countries of Southern Europe and the European Commission¹⁷. He obviously pushed questions of migration to the background.

At first, Hollande, in general, followed the intended course. At the center of his policy were economic issues. Moreover, because of the deep integration of France in-

¹⁵ Sarkozy threatens to pull out of Schengen unless immigration progress is made, *Times of Malta*, 12.03.2012, <https://www.timesofmalta.com/articles/view/20120312/world/sarkozy-threatens-to-pull-out-of-schengen-unless-immigration-progress.410778> (date of access: 12.02.2018).

¹⁶ C. Grant, "Hollande, the Germans and 'Political Union'", *CER*, 25.09.2012, <http://www.cer.eu/insights/hollande-germans-and-political-union> (date of access: 12.02.2018).

¹⁷ Ibid.

to the pan-European market, the national economic problems often had to be brought to the international level. Migration issues, as the president's speeches or legislative initiatives show, were not a priority at the beginning of Hollande's rule. And if they were raised, it would be in combination with the requirements of the economic plan.

Since the beginning of Hollande's Presidency, to persuade the leaders of other EU countries in the correctness of the chosen course, he began to 'play to the crowd', appealing to the established image of Paris as the 'political leader' of the united Europe. Hence – his foreign-policy activity and frequent appeal to his (in fact insignificant) authority. However, despite all efforts, the situation with the French economy, both domestically and at the pan-European level, has not changed radically. It, for example, did not manage to get closer to the main indicators of Germany. This already made it difficult for Paris to embed more equitable dialogue with Berlin. The situation became even more complicated after the parliamentary elections in Germany in 2013. The conservative block of Christian democrats, led by A. Merkel, received the best result in the last 20 years – 41.5% of the votes. The popularity of Hollande himself and the Socialist Party headed by him had fallen sharply by this time. To preserve and develop the dialogue with Berlin, Paris was forced to make personnel changes, because of which the French government 'swung to the right'. Soon another problem arose.

From the same year 2013, the migration crisis was actualized, which was connected "with the crisis of the political system in Libya and the ongoing confrontation in Syria and Iraq"¹⁸. Thousands of migrants moved to the European Union. In the face of this challenge, the European leaders took different positions¹⁹. However, the position of Germany and France were similar in many respects.

Germany decided to open its borders to migrants. France, unwilling to stay away from the large-scale foreign policy projects, took a similar position. However, soon the ruling circles of both countries, having realized the limitations of their ability to receive foreigners, started to appeal for the distribution of refugees equally across all European countries. Hollande, for example, agreed to accept more than 20,000 people and to arrange in France an intermediate point for those who were heading for Germany²⁰. The president clearly aspired to keep a foot in both worlds. On the one hand, to give satisfaction to the supporters in the Socialist Party and both leftist and democratic movements, who treated the migrants as refugees with the needs to have shelter and be protected. On the other hand, Hollande had to consider the fact that half of the

¹⁸ N.A. Medushevskii, "Influence of the migration crisis of 2014-16 on politics and social sentiments in EU member countries", *Theories and Problems of Political Studies*, no. 3 (2016): 168.

¹⁹ Ibid, 168–74.

²⁰ A. Schwartz, "All eyes on Germany as refugee exodus continues", *EURACTIV*, 04.11.2015, <https://www.euractiv.com/section/justice-home-affairs/news/all-eyes-on-germany-as-refugee-exodus-continues/> (date of access: 12.02.2018).

population in France wanted to see fewer immigrants, and 73% of the supporters of the right-wing forces wanted to ban the entry of migrants into the country²¹.

The pressure of most of the population over time increasingly influenced the French leadership. At the end of 2015, Hollande began to call for the creation of permanent European services for the protection of sea and land borders, which were to prevent mass migration²². By this time, the source of major concern for Paris was the so-called Calais Jungle. The camps of illegal migrants derived its name, which was used as an intermediate point for those wishing to cross the Strait of Dover from France to the UK.

Other smaller ‘jungles’, like those that grew out in Calais, appeared in other parts of France, including the capital. The authorities practically did not control life in these enclaves, and criminal and other threats began to emerge from these camps. This growing danger was superimposed by major terrorist incidents in 2015, including the Charlie Hebdo attack (in January), the attack outside a Jewish community center in Nice (in February), explosions near the Stade de France (Saint-Denis), the seizure hostages in the concert hall ‘Bataclan’, where visitor to several restaurants were shot (in November). These and other terrorist incidents in 2015 forced Hollande to prioritize the security problem.

2016 added new accents to the policy of the German-French tandem in the immigration matter²³. One of the innovations was the decision of European Union level to allocate funds to Turkey and five African countries to find solution to the international migrant crisis (in fact, to restrict the arrival of migrants through the territory of these countries into the EU)²⁴. The EU leaders preferred to keep the problem outside the European Union. At the same time, Germany and France publicly demonstrated unanimity – they made general statements, held meetings aimed at, according to the journalists, preliminary approval of their stand.

²¹ For more details, see: S.V. Orekhova, “Migration policy of France: History and modernity”, *Vlast*, no. 3 (2015): 149–51.

²² EU to step up deportation of economic migrants, *EURACTIV*, 08.10.2015, <https://www.euractiv.com/section/justice-home-affairs/news/eu-to-step-up-deportation-of-economic-migrants/> (date of access: 12.02.2018).

²³ For more details see: P.B. Gradusova and V.L. Chernoperov, “The problem of anti-Semitism in France’s domestic and foreign policy in the years of presidency of Francois Hollande and the ways to solve it”, *Historia provinciae – The journal of regional history*, vol. 1, no. 3 (2017): 64–66.

²⁴ C. Barbieri, “EU aid principles will be a ‘thing of the past’ under new African migrant deal”, *EURACTIV*, 21.10.2016, <https://www.euractiv.com/section/global-europe/news/eu-aid-principles-will-be-a-thing-of-the-past-under-new-african-migrant-deal/> (date of access: 12.02.2018).

Conclusion

The close cooperation of Angela Merkel and Nicolas Sarkozy – the ‘duet’ that was given the name of Merkozy, thanks to the journalists, was replaced by the tandem of Angela Merkel and Francois Hollande – Merkollande. But was this reciprocity at the EU level cooperative or confrontational?

It seems to us that since the beginning of his presidential term, Sarkozy had been seeking to assert himself onto the European arena. To do so, he took on board the topic of immigration – the issue to which he devoted a significant part of his political career. Moreover, the discussion of the migration problem in theory would have helped him win over the Southern European countries to strengthen France’s influence within the EU and the Union for the Mediterranean. Some of these countries could potentially become the core of the said union, which would have played the role of the driving force for the European integration. However, this attempt to change the balance of power was suppressed by Germany. France finally reconciled to this position.

The relations between Paris and Brussels during the presidency of Sarkozy, with all the complications, for the most part, had a positive result for Paris. French Presidency’ European Pact on Immigration and Asylum marked a turning point in the actions of the EU member countries whilst coordinating their migration policies. EU-Sarkozy relations experienced some chilling effect because of the problem of Roma illegal immigrants only in 2010, however then the conflict quickly died down, as the claims to Paris were mainly made in Brussels. Large national European players (like Germany) did not support the ‘rally’ against the policy of the French president. This history, in our opinion, confirms the fact that the EU is severely limited in compelling the EU member states to change their immigration policies, if the national governments that are part of the European Union do not want it. The latter in 2010ies made a stand against France only with its attempt to form the Union for the Mediterranean and thereby change the status quo existing on the continent.

Hollande, like Sarkozy, tried to change the alignment of forces in the EU, gathering support of the Southern European countries. Both French presidents had large-scale and ambitious projects: one wanted to create a new integration group, the other aimed at reforming the EU economy. However, both of them had to give in to pressure of Germany.

During the presidency of Sarkozy, the EU served as an instrument actively manipulated by the national governments to create a certain worldview for the internal electorate. This can be confirmed by the situation with the Roma, the deportation of which did not bring thorough investigations, since it did not influence the balance of forces in the countries (and many of them secretly took similar measures against the

Roma themselves²⁵). In this regard, it is interesting to look at the European Pact on Immigration and Asylum. Content-wise, it was only a declaration of member states seeking to bring their policies to a common standard, but at the same time retaining the breadth of authority (which Sarkozy used in the case of surge in immigration from Tunisia). The approaches to tackle the migration problem have changed since the intensification of the economic crisis and increasing migration flows since 2013. Since that time, the European Union has become an instrument for preserving influence by a group of the strongest. Merkel and Hollande came to the forefront coming out for strengthening border control (both the EU's external borders and the internal border control), belatedly cooperated with the third countries to curb potential migration. But if one is to look closer at their ad hoc decisions, one can see that in fact they only followed the provisions of the Pact, implementing one of Sarkozy's projects.

Thus, we can acknowledge the continuity of the French migration policy under Sarkozy and Hollande in relation to the EU. The described situation speaks volumes about Brussels not yet becoming an independent policy-maker in migration matters, and its influence is still dependent upon the major players of the European Union. Therefore, a serious crisis or conflict triggered by the EU in this issue is unlikely and is only possible in the event of the national governments of the leading countries of Europe being dragged into a conflict of interests.

In large part, the years of presidency of Sarkozy and Hollande were marked by the establishment of positive relations with Merkel, and therefore the migration policy, agreed in advance by the leaders, did not give rise to unfavorable criticism from Brussels. Sarkozy's policy continued to improve during presidency of Hollande; it received a new meaning at EU level. Its continuation by the former opponent of Sarkozy, apart from the things mentioned above, also testifies to relativity in splitting the forces of political spectrum into left and right. In today's reality, much is determined not by the party program projects and their long-term strategies, however by the situational judgements, impulses of individual politicians and their personality traits.

Список литературы

Градусова П.Б., Черноперов В.Л. Проблема антисемитизма во внутренней и внешней политике Франции в годы президентства Франсуа Олланда и пути ее решения // *Historia provinciae – журнал региональной истории.* 2017. Т. 1. №3. С. 52–72.

Градусова П.Б., Черноперов В.Л. «Цыганский вопрос» во внутренней и внешней политике президента Франции Николя Саркози в 2010–2011 гг. // *Вестник Ивановского государственного университета. Серия: Гуманитарные науки.* 2016. № 3 (9). С. 32–40.

²⁵ P.B. Gradusova and V.L. Chernoperov, “‘The Roma issue’ in the domestic and foreign policy conducted by president of France Nicolas Sarkozy in 2010–11”, *Ivanovo State University Bulletin. Series “The Humanities”*, no. 3 (9) (2016): 38.

Медушевский Н.А. Влияние миграционного кризиса 2014–2016 годов на политику и социальные настроения в странах Европейского союза // Теории и проблемы политических исследований. 2016. № 3. С. 168–174.

Орехова С.В. Миграционная политика Франции: история и современность // Власть. 2015. № 3. С. 149–151.

Ракузина И. Газеты: «Соломоново решение» Еврокомиссии в отношении иска против Франции за высылку цыган // RFI на русском. 30.09.2010. URL: <http://ru.rfi.fr/obshchii/20100930-gazety-solomonovo-reshenie-evrokomissii-v-otnoshenii-iska-protiv-frantsii-za-vysyl> (дата посещения – 12.02.2018).

Шишло А. Лидеры ЕС одобрили Пакт об эмиграции и предоставлении убежища // РИА-Новости. 18.10.2008 URL: <https://ria.ru/world/20081016/153331882.html> (дата посещения – 25.02.2018).

Allen P. France stops all Italian trains carrying north African immigrants // The Telegraph. 17.04.2011. URL: <http://www.telegraph.co.uk/news/worldnews/europe/france/8457138/France-stops-all-Italian-trains-carrying-north-African-immigrants.html> (дата посещения – 12.02.2018).

Balfour R., Schmid D. Union for the Mediterranean, disunity for the EU? // Policy Brief. 2008. URL: http://www.epc.eu/documents/uploads/235206674_Union%20for%20the%20Mediterranean.pdf (дата посещения – 12.02.2018).

Barbiere C. EU aid principles will be a ‘thing of the past’ under new African migrant deal // EURACTIV. 21.10.2016. URL: <https://www.euractiv.com/section/global-europe/news/eu-aid-principles-will-be-a-thing-of-the-past-under-new-african-migrant-deal/> (дата посещения – 12.02.2018).

Bennhold K., Brothers C. EU pact on immigration emphasizes enforcement // The New York Times. 07.07.2008. URL: <http://www.nytimes.com/2008/07/07/world/europe/07iht-union.4.14302428.html> (дата посещения – 12.02.2018).

Diekmann K., Koch T. “Europe prendsouvent trop de temps pour decider” // Bild. 05.04.2016. URL: <http://www.bild.de/politik/ausland/francois-hollande/interview-du-president-de-la-republique-pour-bild-45226730.bild.html> (дата посещения – 12.02.2018).

Grant C. Hollande, the Germans and ‘Political Union’ // CER. 25.09.2012. URL: <http://www.cer.eu/insights/hollande-germans-and-political-union> (дата посещения – 12.02.2018).

EU issues in the early French presidential campaign // EURACTIV. 30.06.2006. URL: <https://www.euractiv.com/section/economy-jobs/news/eu-issues-in-the-early-french-presidential-campaign/> (дата посещения – 12.02.2018).

European leaders react to Sarkozy’s election // EURACTIV. 07.05.2007. URL: <https://www.euractiv.com/section/elections/news/european-leaders-react-to-sarkozy-s-election/> (дата посещения – 12.02.2018).

EU says monitoring France over wave of Roma expulsions // Reuters. 10.08.2012. URL: <https://www.reuters.com/article/us-france-roma-eu/eu-says-monitoring-france-over-wave-of-roma-expulsions-idUSBRE87912S20120810> (дата посещения – 12.02.2018).

EU to step up deportation of economic migrants // EURACTIV. 08.10.2015. URL: <https://www.euractiv.com/section/justice-home-affairs/news/eu-to-step-up-deportation-of-economic-migrants/> (дата посещения – 12.02.2018)

Merkel satisfaite // L’Humanité. 05.02.2008. URL: <https://humanite.fr/node/388413> (дата посещения – 12.02.2018).

Mon projet: Ensemble toutdevient possible. 2007. URL: <https://www.latribune.fr/archives/2007/ID17D401AB925D71A2C12572AC004970F7/texte-integral-du-projet-de-nicolas-sarkozy-candidat-a-lelection-presidentielle---1ere-partie.html> (дата посещения – 12.02.2018).

Pop V. EU fear of north African migrants ‘overblown’ // EUobserver. 11.03.2011. URL: <https://euobserver.com/justice/31973> (дата посещения – 12.02.2018).

Sarkozy et Merkel trouvent un compromis sur l’Union pour la Méditerranée // EURACTIV. 04.03.2008. URL: <https://www.euractiv.fr/section/avenir-de-l-ue/news/sarkozy-et-merkel-trouvent-un-compromis-sur-l-union-pour-la-mediterranee/> (дата посещения – 12.02.2018).

Sarkozy threatens to pull out of Schengen unless immigration progress is made // Times of Malta. 12.03.2012. URL: <https://www.timesofmalta.com/articles/view/20120312/world/sarkozy-threatens-to-pull-out-of-schengen-unless-immigration-progress.410778> (дата посещения – 12.02.2018).

Schwartz A. All eyes on Germany as refugee exodus continues // EURACTIV. 04.11.2015. URL: <https://www.euractiv.com/section/justice-home-affairs/news/all-eyes-on-germany-as-refugee-exodus-continues/> (дата посещения – 12.02.2018.)

The European Pact on Immigration and Asylum // EURACTIV. 18.09.2008. URL: <https://www.euractiv.com/section/social-europe-jobs/linksdossier/the-european-pact-on-immigration-and-asylum/> (дата посещения – 12.02.2018).

References

Allen, P. “France stops all Italian trains carrying north African immigrants”. *The Telegraph*. 17.04.2011. <http://www.telegraph.co.uk/news/worldnews/europe/france/8457138/France-stops-all-Italian-trains-carrying-north-African-immigrants.html> (date of access: 12.02.2018).

Balfour, R., and D. Schmid. “Union for the Mediterranean, disunity for the EU?” *Policy Brief*, 2008. URL: http://www.epc.eu/documents/uploads/235206674_Union%20for%20the%20Mediterranean.pdf (date of access: 12.02.2018).

Barbiere, C. “EU aid principles will be a ‘thing of the past’ under new African migrant deal. *EURACTIV*, 21.10.2016. <https://www.euractiv.com/section/global-europe/news/eu-aid-principles-will-be-a-thing-of-the-past-under-new-african-migrant-deal/> (date of access: 12.02.2018).

Bennholld, K., and C. Brothers. “EU pact on immigration emphasizes enforcement”. *The New York Times*, 07.07.2008. <http://www.nytimes.com/2008/07/07/world/europe/07iht-union.4.14302428.html> (date of access: 12.02.2018).

Diekmann, K., and T. Koch. ‘Europe prendsouvent trop de temps pour decider’. *Bild*. 05.04.2016. <http://www.bild.de/politik/ausland/francois-hollande/interview-du-president-de-la-republique-pour-bild-45226730.bild.html> (date of access: 12.02.2018).

EU issues in the early French presidential campaign. *EURACTIV*, 30.06.2006. <https://www.euractiv.com/section/economy-jobs/news/eu-issues-in-the-early-french-presidential-campaign/> (date of access: 12.02.2018).

European leaders react to Sarkozy’s election. *EURACTIV*, 07.05.2007. <https://www.euractiv.com/section/elections/news/european-leaders-react-to-sarkozy-s-election/> (date of access: 12.02.2018).

EU says monitoring France over wave of Roma expulsions. *Reuters*, 10.08.2012. <https://www.reuters.com/article/us-france-roma-eu/eu-says-monitoring-france-over-wave-of-roma-expulsions-idUSBRE87912S20120810> (date of access: 12.02.2018).

EU to step up deportation of economic migrants. *EURACTIV*, 08.10.2015. <https://www.euractiv.com/section/justice-home-affairs/news/eu-to-step-up-deportation-of-economic-migrants/> (date of access: 12.02.2018).

Gradusova, P., and V. Chernoperov. “The problem of anti-Semitism in France’s domestic and foreign policy in the years of presidency of Francois Hollande and the ways to solve it”, *Historia Provinciae – The journal of regional history*, vol. 1, no. 3 (2017): 52–72. (In Russian)

Gradusova, P., and V. Chernoperov “ ‘The Roma issue’ in the domestic and foreign policy conducted by president of France Nicolas Sarkozy in 2010–11”], *Ivanovo State University Bulletin. Series “The Humanities”*, no. 3 (9) (2016): 32–40. (In Russian)

Grant, C. “Hollande, the Germans and ‘Political Union’”. *CER*, 25.09.2012. URL: <http://www.cer.eu/insights/hollande-germans-and-political-union> (date of access: 12.02.2018).

Medushevskii, N.A. “Influence of the migration crisis of 2014-16 on politics and social sentiments in EU member countries”, *Theories and Problems of Political Studies*, no. 3 (2016): 168–74. (In Russian)

Merkel satisfaite. *L’Humanité*, 05.02.2008. <https://humanite.fr/node/388413> (date of access: 12.02.2018).

Mon projet: Ensemble tout devient possible, 2007. <https://www.latribune.fr/archives/2007/ID17D401AB925D71A2C12572AC004970F7/texte-integral-du-projet-de-nicolas-sarkozy-candidat-a-lelection-presidentielle---1ere-partie.html> (date of access: 12.02.2018).

Orekhova, S.V. “Migration policy of France: History and modernity”, *Power*, no. 3 (2015): 149–51. (In Russian)

Pop, V. “EU fear of north African migrants ‘overblown’”. *EUobserver*, 11.03.2011. <https://euobserver.com/justice/31973> (date of access: 12.02.2018).

Rakuzina, I. “Newspapers: Solomonic decision of the European Commission regarding action against France for Roma expulsions”. *RFI in Russian*, 30.09.2010. <http://ru.rfi.fr/obshchii/20100930-gazety-solomonovo-reshenie-evrokomissii-v-otnoshenii-iska-protiv-frantsii-za-vysyl> (date of access: 12.02.2018) (In Russian).

Sarkozy et Merkel trouvent un compromis sur l’Union pour la Méditerranée. *EURACTIV*, 04.03.2008. <https://www.euractiv.fr/section/avenir-de-l-ue/news/sarkozy-et-merkel-trouvent-un-compromis-sur-l-union-pour-la-mediterranee/> date of access: 12.02.2018).

Sarkozy threatens to pull out of Schengen unless immigration progress is made. *Times of Malta*, 12.03.2012. <https://www.timesofmalta.com/articles/view/20120312/world/sarkozy-threatens-to-pull-out-of-schengen-unless-immigration-progress.410778> (date of access: 12.02.2018).

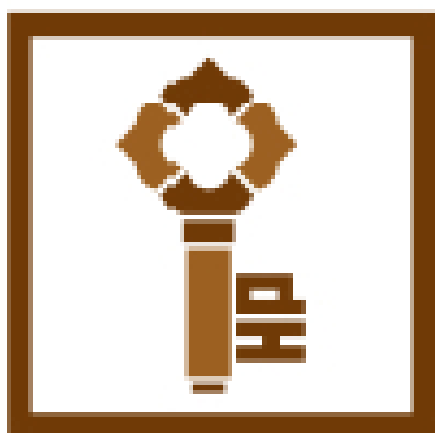
Schwartz, A. “All eyes on Germany as refugee exodus continues”. *EURACTIV*, 04.11.2015. <https://www.euractiv.com/section/justice-home-affairs/news/all-eyes-on-germany-as-refugee-exodus-continues/> (date of access: 12.02.2018).

Shishlo, A. “EU leaders approved the European Pact on Migration and Asylum”, *RIA-Novosti* [RIA-Novosti], 18.10.2008. <https://ria.ru/world/20081016/153331882.html> (date of access: 25.02.2018). (In Russian)

The European Pact on Immigration and Asylum. *EURACTIV*, 18.09.2008. <https://www.euractiv.com/section/social-europe-jobs/linksdossier/the-european-pact-on-immigration-and-asylum/> date of access: 12.02.2018).

HISTORIA

Provinciae

ИСТОРИКИ
ОБ ИСТОРИКАХ

THE HISTORIANS'
HISTORIANS

2018 · Vol. 2 · № 3

Петелин Борис Валентинович

Доктор исторических наук, профессор
Череповецкий государственный университет
(Череповец, Россия)
pbwtscherepowez@mail.ru

Petelin Boris

Doctor of Historical Sciences, Professor
Cherepovets State University
(Cherepovets, Russia)
pbwtscherepowez@mail.ru

Профессор В.Б. Конасов: между российской и германской историей*

Professor V.B. Konasov: Between Russian and German History

Аннотация. Имя вологодского историка, доктора исторических наук, профессора Виктора Борисовича Конасова известно не только в России, но и в Германии. Занимаясь историей военного плена, он на широкой документальной основе из засекреченных ранее документов отразил в своих книгах, статьях и выступлениях судьбы немецких военнопленных в СССР. Были показаны политические, правовые, социальные факторы и условия советского плена, отличавшегося куда большей гуманностью, чем немецкий плен для миллионов советских солдат и офицеров. Научная, педагогическая, общественная деятельность В.Б. Конасова, как отмечается в данной статье, давно получила заслуженное признание среди российского исторического сообщества, а его дела, начинания и поиски продолжают его ученики.

Ключевые слова: военный плен, российская истории, послевоенная Германия, историки-германисты, международное право, пенитенциарная система, историческая память.

* Для цитирования: *Петелин Б.В.* Профессор В.Б. Конасов: между российской и германской историей // *Historia Provinciae – Журнал региональной истории.* 2018. Т. 2. № 3. С. 145–172. DOI: 10.23859/2587-8344-2018-2-3-3

For citation: Petelin, B.V. “Professor V.B. Konasov: Between Russian and German History”. *Historia provinciae – The journal of regional history*, vol. 2, no. 3 (2018): 145–72, [https:// doi.org/ 10.23859/2587-8344-2018-2-3-3](https://doi.org/10.23859/2587-8344-2018-2-3-3)

Abstract. The name of the Vologda historian, doctor of historical sciences, professor Viktor Borisovich Konasov is known not only in Russia, but also in Germany. Dealing with the history of military captivity, he reflected in his books, articles and speeches upon the fates of German prisoners of war in the USSR on a broad documentary basis originating from previously classified records. Certain political, legal and social factors were shown, as well as the conditions of Soviet captivity, which was much more humane than German captivity for millions of Soviet soldiers and officers. V.B.Konasov's scientific, pedagogical and social activities, as noted in this article, have received a well-deserved recognition among the Russian historical community, and his students continue his work, endeavours and studies.

Keywords: military captivity, history of Russia, post-war Germany, historians-Germanists, international law, penitentiary system, historical memory

Введение

В 2010 г. в Вологде был издан научный сборник «Историк и его время», посвященный памяти доктора исторических наук, профессора Виктора Борисовича Конасова, фактически к его 60-летию, до которого он не дожил двух лет¹. Издание получилось фундаментальным, с широким охватом исторических тем и проблем, как по отечественной, так и зарубежной истории. Финансовую поддержку оказал Санкт-Петербургский филиал Фонда им. Конрада Аденауэра, что как нельзя лучше иллюстрирует название нашей статьи. Сборник вызвал интерес среди читателей, по-прежнему пользуется устойчивым спросом у специалистов-исследователей. Все, обратившиеся к его содержанию, непременно прочтут материалы о самом Викторе Борисовиче, его жизненном пути, педагогической и научной деятельности.

Основная часть

Мне, близко знавшему Виктора Конасова, его обращение к проблеме военного плена – пребыванию немецких солдат и офицеров в советском плену – представляется естественным и закономерным, учитывая его нацеленность на творческий поиск в исследовании новых тем в истории Второй мировой войны². Настоящий ученый должен обладать неким «историческим чутьем» (иногда это именуют «конъюнктурным подходом»), отвечать на запросы времени. После распада СССР, в силу начавшегося пересмотра многих событий в отечественной истории, расширился доступ к ранее засекреченным документам. Это «окно» вскоре захлопнулось, но для инициативных исследователей, таких, как

¹ См.: Историк и его время. Памяти профессора В.Б. Конасова: сборник статей. Вологда: Граффити, 2010.

² Петелин Б.В. Профессор В.Б. Конасов и проблемы изучения и преподавания истории Второй мировой войны в контексте современности // Историк и его время. Памяти профессора В.Б. Конасова: сборник статей. Вологда: Граффити, 2010. С. 14–23.

Виктор Конасов, этой возможности вполне хватило. Автор рассказывал мне, что когда он осенью 1991 г. начал работать в Российском государственном военном архиве (в то время – Особый архив), большинство документов, на которых стоял гриф «секретно», или «сов. секретно», никто до него не читал. Лишь некоторые попадали ранее в руки одного-двух человек. Так, он называл генерал-лейтенанта Д.А. Волконогова, который в 1990-е гг. был членом Комиссии по рассекречиванию документов и одновременно председателем Комиссии при Президенте Российской Федерации по военнопленным, интернированным и пропавшим без вести. Такой же плодотворной была работа Виктора Конасова в Архиве внешней политики Российской Федерации. Собранные материалы (а работа оказалась необычайно сложной и трудной) легли в основу его самой известной и популярной книги «Судьбы немецких военнопленных в СССР...»³.

О книге мы еще скажем. Путь к ней не был прямым, но и извилистым его не назовешь. Интерес к военной тематике Виктор Конасов проявил еще в студенческие годы, когда начал собирать письма и воспоминания вологжан-фронтовиков. После окончания истфака ВГПИ работал в городских образовательных учреждениях, а с 1987 г. вплотную занялся подготовкой кандидатской диссертации, посвященной деятельности военно-санитарной службы Красной Армии в годы Великой Отечественной войны. В 1990 г. диссертация была успешно защищена. Некоторое время мы с ним работали на одной кафедре в Вологодском молочном институте, а в дальнейшем встречались уже в стенах Вологодского государственного педагогического университета. В 1991 г. Виктор Конасов подготовил и издал небольшую брошюру «Гриф секретности снят», в которой был поднят вопрос о немецких военнопленных в СССР⁴. Именно с нее, можно сказать, кандидат исторических наук В.Б. Конасов стал заниматься германской историей, пусть и проходившей в годы войны на советской территории.

С одной стороны, раз речь идет о немцах, то это тема для историков-германистов, тех, кто изучает у нас историю Германии. Но с другой – плен все же «советский» и все, что было связано с ним, определялось советскими органами, законами, приказами, распоряжениями. В этом заключалась главная сложность исследования... Впоследствии Виктору Борисовичу не раз задавали вопрос: «На кого работаешь? На Германию или Россию?» В упомянутой брошюре автор упрекает сталинское руководство за то, что СССР не присоединил-

³ Конасов В.Б. Судьбы немецких военнопленных в СССР: дипломатические, правовые и политические аспекты проблемы. Очерки и документы. Вологда: Вологодский институт повышения квалификации и переподготовки педагогических кадров, 1996.

⁴ Конасов В.Б. Гриф секретности снят: (к истории немецких военнопленных в СССР). Вологодский государственный педагогический институт, Группа «Поиск». Вологда: Вологодский государственный педагогический институт, 1991.

ся к Женевским конвенциям об обращении с военнопленными и об улучшении участи раненых и больных в действующих армиях. Это, якобы, развязывало руки гитлеровцам в отношении советских военнопленных. Слабый аргумент! Подписал бы Советский Союз конвенции 1929 г., не подписал – участь красноармейцев, попавших к немцам в плен, осталась бы без изменений. Некорректными выглядели суждения автора о «чрезмерной жестокости» в обращении с немецкими военнопленными. Только один пример: по утвержденным нормам 1941 г. им ежедневно было положено 700 грамм хлеба, дополнительно еще другие продукты, которые исчезли для советских граждан в годы войны. Да, СССР не ставил подписи под Женевскими конвенциями 1929 г., но не уклонялся от их соблюдения (1 июля 1941 г. советское правительство приняло «Положение о военнопленных», не противоречившее в целом нормам международного гуманитарного права).

Вернемся к книге «Судьбы немецких военнопленных в СССР...». Она действительно вызвала немалый интерес. Отклики и рецензии появились в разных изданиях. Я тоже откликнулся, опубликовав небольшой материал в вологодской газете «Русский Север»⁵. Не пересказывая содержание книги об участии немецких военнопленных, я отметил, что «советский плен был более гуманным», что было видно из помещенных в книге документов. Меня, как историка-германиста, больше привлекло описание возвращения немцев к себе на родину, о чем рассказал автор во второй главе своей книги⁶. Возвращать военнопленных стали практически сразу после капитуляции фашистской Германии. В первую очередь раненых, больных, нетрудоспособных, что казалось вполне гуманным, но, на самом деле, вернувшиеся на родину столкнулись с такими проблемами, что многие из них кончали жизнь самоубийством⁷.

Последняя страница в истории «советского плена» была перевернута в сентябре 1955 г., во время официального визита канцлера ФРГ Конрада Аденауэра в Москву. Работа в архивах помогла Виктору Борисовичу назвать реальную цифру бывших немецких военнопленных, находившихся в лагерях СССР на тот момент – 9626 «задерживаемых лиц»⁸. Аденауэр связывал установление дипломатических отношений с СССР с освобождением всех «удерживаемых немцев», при этом называлось их количество – не менее 130 тыс., правда без каких-либо списков. По словам канцлера, невыносима сама по себе мысль, что спустя 10 лет после окончания войны, люди, втянутые в водоворот военных событий,

⁵ «Русский Север». 1996. 7 мая.

⁶ *Конасов В.Б.* Судьбы немецких военнопленных в СССР... Вологда, 1996. С. 123–174.

⁷ См.: *Образцова Е.В.* Ресоциализация немецких военнопленных после возвращения из СССР (1945–1955): автореф. дис. ... канд. истор. наук. Воронеж, 2017. На с. 4–5 автор особо выделяет исследования В.Б. Конасова, который смог всесторонне проанализировать судьбы немецких военнопленных.

⁸ *Конасов В.Б.* Судьбы немецких военнопленных в СССР... Вологда, 1996. С. 173.

«задерживаются до сих пор вдали от своих семей, от своей родины, от своего нормального мирного труда»⁹. Следует сказать, что Конрад Аденауэр озвучил тогда позицию своей партии – ХДС, председателем которой он являлся¹⁰.

Вернувшиеся из затянувшегося плена немцы действительно «благодарили» Аденауэра, хотя решение об их освобождении было принято в СССР еще до визита канцлера. Сам Аденауэр на заседании правления ХДС 30 сентября 1955 г. весьма подробно рассказал о своем визите в Москву, о своих впечатлениях от переговоров с советскими руководителями, не забыв охарактеризовать каждого из них, о Москве, москвичах. Враждебности в его словах не было. Канцлер был доволен: почти половина опрошенных немцев (48 %) одобрили переговоры в Кремле и лишь 9 % посчитали их «провалившимися»¹¹. В 1956 г. смогли выехать из СССР последние военнопленные – 749 человек, которых «на родине не сочли возможным снова помещать в тюремные камеры...»¹².

Еще до выхода книги В.Б. Конасова проблема военного плена стала одной из главных на международной конференции, посвященной 50-летию создания Национального комитета «Свободная Германия». Конференция проходила в Красногорске, под Москвой, в здании Мемориального музея немецких антифашистов (в 1943 г. здесь находилась «Центральная школа антифашистов»), ставшего в 2005 г. филиалом Центрального музея Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. Среди участников конференции, известных российских и немецких историков, были и бывшие военнопленные, входившие в состав НКСГ и СНО (Союз немецких офицеров). Пожалуй, самой колоритной фигурой на конференции был граф Генрих фон Айнзидель, внучатый племянник «железного канцлера» Отто фон Бисмарка (его подпись стояла под обращением «К немецким генералам и офицерам! К народу и армии!», принятому на Учредительном собрании СНО 1 сентября 1943 г.). Экземпляр документов «За Германию против Гитлера», изданных к началу конференции, подписан мне лично Генрихом фон Айнзиделем¹³. Мое выступление было посвящено научной деятельно-

⁹ Визит Канцлера Аденауэра в Москву 8–14 сентября 1955 г. Документы и материалы. М.: Права человека, 2005. С. 52.

¹⁰ Петелин Б.В. Плен и политика: ХДС/ХСС и проблема немецких военнопленных в 1945–1955 гг. // Проблемы военного плена: история и современность. Материалы Международной научно-практической конференции 23–25 октября 1997 г., г. Вологда. Ч. 2. Вологда: Вологодский институт повышения квалификации и переподготовки педагогических кадров, 1997. С. 148–152.

¹¹ Die Protokolle des CDU-Bundesvorstands 1953–1957. Droste Verlag: Düsseldorf, 1990. S. 598–599.

¹² Конасов В.Б. Судьбы немецких военнопленных в СССР... Вологда, 1996. С. 174.

¹³ За Германию – против Гитлера! Документы и материалы о создании и деятельности Национального комитета «Свободная Германия» и Союза немецких офицеров. Мемориаль-

сти вологодского профессора А.С. Бланка, оказавшего огромное влияние на становление российской германистики¹⁴. Александр Соломонович был также одним из первых, кто обратился к истории военного плена и опубликовал в ФРГ свое исследование о немецких военнопленных¹⁵.

В Вологде я поделился своими впечатлениями о конференции в Красногорске с Виктором Конасовым. Так как среди специалистов по отечественной истории мало кто занимался исследованием военного плена, Виктору Борисовичу не оставалось ничего другого, как стать «своим» среди российских германистов. Такой случай вскоре ему представился: в ноябре 1995 г. в Красногорске состоялась очередная научно-практическая конференция, посвященная 50-летию окончания войны и завершению деятельности НКСГ, на которой присутствовал и выступил с докладом вологодский историк Виктор Конасов (в программу конференции вошел и мой доклад «Судьбы иностранных военнопленных в отечественной историографии», но обстоятельства не позволили мне принять в ней участие)¹⁶. Именно здесь, как справедливо отмечено в «сборнике его памяти», он «впервые соприкоснулся с широким кругом российских и зарубежных ученых»..., а «завязанные тогда контакты переросли в длительное и плодотворное сотрудничество»¹⁷.

Большую помощь и поддержку в научной работе Виктору Борисовичу оказал известный российский историк-германист Александр Иванович Борозняк. Я познакомился с ним еще в студенческие годы, когда профессор А.С. Бланк создавал в Вологде Проблемное объединение по германской истории. Молодой кандидат исторических наук А.И. Борозняк стал ближайшим сподвижником вологодского профессора, а Вологда – городом, который навсегда остался близким и родным для него¹⁸.

ный музей немецких антифашистов. Москва; Красногорск: Мемориальный музей немецких антифашистов, 1993.

¹⁴ *Петелин Б.В.* Деятельность Национального комитета «Свободная Германия» в исторических трудах А.С. Бланка // Сборник материалов российско-германской научно-практической конференции. Москва; Красногорск 7–9 сентября 1993 г. (серия С-1). Красногорск, 1994. С. 123–129.

¹⁵ *Blank A.* Die deutschen Kriegsgefangenen in der UdSSR. Köln: Pahl-Rugenstein Verlag, 1979.

¹⁶ *Конасов В.Б.* «Узники войны»: попытки решения проблемы на дипломатическом уровне // Трагедия плена: сб. материалов Международной научно-практической конференции «Окончание войны, завершение деятельности НКСГ/СНО и начало репатриации военнопленных», Москва – Красногорск 31 октября – 2 ноября 1995 г. Красногорск: Мемориальный музей немецких антифашистов, 1996. С. 138–141.

¹⁷ Историк и его время. Памяти профессора В.Б. Конасова... Вологда, 2010. С. 9.

¹⁸ *Петелин Б.В.* Вологда в жизни и научной деятельности Александра Ивановича Борозняка // Преодоление прошлого в Германии и России: опыт и уроки на будущее (памяти профессора А.И. Борозняка): материалы Международной научной конференции (16–17 февраля

Свою книгу о немецких военнопленных Виктор Конасов переслал профессору А.И. Борозняку в Липецк, где тот преподавал в местном институте. Александр Иванович в ответном письме поблагодарил за присланную книгу, особо отметив «нетрадиционную структуру книги, в которой сплетаются жанры научной монографии и собрания документов». Так как А.И. Борозняк по роду своей научной деятельности часто бывал в Германии, то именно с его слов немецкие историки узнали о «вологодском капитальном издании»¹⁹. Профессор А.И. Борозняк поддержал не только книгу, а пообещал быть у Виктора Конасова на защите докторской диссертации в сентябре 1998 г. в Институте военной истории. Официальным оппонентом стал другой специалист по Германии ярославский профессор М.Е. Ерин. Авторитет известных российских германистов, несомненно, сыграл свою положительную роль при обсуждении диссертации на такую острую социально-политическую тему, как «Политика Советского государства в отношении немецких военнопленных (1941–1956 гг.)»²⁰.

Успешную защиту докторской диссертации случайной не назовешь. В 1995–1997 гг. во многом благодаря энергичной деятельности Виктора Борисовича в Вологде удалось провести ряд значительных научных мероприятий. Только в 1995 г. состоялись две научные конференции, посвященные 50-летию Победы в Великой Отечественной войне. Вместе с вологодскими историками в них приняли участие не только специалисты по отечественной истории, но и историки-германисты. Мне уже приходилось отмечать в своих публикациях, что в 90-е гг. прошлого века Вологда «вернулась» в русло германских исследований, связанных не только с историей войны и плена, но и германской политикой ХДС/ХСС, канцлера ФРГ Гельмута Коля, одного из главных творцов объединения Германии²¹.

Наиболее значимым и представительным мероприятием стала Международная научная конференция «Проблемы военного плена: история и современность», прошедшая в Вологде 23–25 октября 1997 года. Во многом благодаря В.Б. Конасову, его умению вести диалог с городскими властями, работа конференции получила высокую оценку среди российской и зарубежной научной

2017, г. Липецк). Липецк: ЛГПУ имени П.П. Семенова-Тян-Шанского, 2017. С. 23–30; Данный материал размещен также на сайте российско-германского Семинара “Vereinigung”: www.vereinigung.ru, 01.03.2017.

¹⁹ См.: Историк о судьбах немецких военнопленных в СССР: [рецензии и отзывы на книги В.Б. Конасова]. М.: Институт военной истории Министерства обороны Российской Федерации 1997.

²⁰ Историк и его время. Памяти профессора В.Б. Конасова... Вологда, 2010. С. 507.

²¹ Петелин Б.В. Историческая германистика в Вологде: предварительные итоги // Новейшая история Германии. Труды молодых ученых и исследовательские центры. М.: КДУ, 2007. С. 357–365; Данная публикация размещена также на сайте российско-германского семинара “Vereinigung”: www.vereinigung.ru, 12. 04. 2012.

общественности. По ее итогам был издан сборник в двух частях²². Исследование истории военного плена привело к созданию в Вологде Международного общества «Русский плен», куда вошли представители от России, Украины, Австрии, Германии, Швейцарии, Финляндии.

В июне 1995 г., в год 50-летия окончания войны в Европе, Виктор Конасов впервые посетил Германию. Вместе с директором Вологодского института развития образования профессором В.В.Судаковым они приняли участие в 26 Кирхентаге (Deutscher Evangelischer Kirchentag) в Гамбурге (14–18 июня), проводимом евангелической церковью раз в два года. Разумеется, их участие не было связано с религиозной деятельностью. Ученые из Вологды развернули выставку «Немецкие военнопленные в Вологодской области», которая привлекала внимание многих немцев, особенно тех, чьи родственники или они сами имели отношение к военному прошлому²³. Слова благодарности, высказанные в адрес вологжан, лишь укрепили уверенность Виктора Конасова в продолжении исследования истории военного плена. Кстати, в те же сроки в Германии находился Патриарх РПЦ Алексей II, прибывший по приглашению Совета ЕЦГ, что стало удобным поводом для установления личных контактов с высшими иерархами обеих немецких церквей, архиепископом кельнским кардиналом Иоахимом Майснером и председателем германской Епископальной конференции Карлом Леманом²⁴.

Через два года, при содействии Губернатора Вологодской области В.Е. Позгалева²⁵, профессор В.В. Судаков и доцент В.Б. Конасов снова были на очередном Кирхентаге 18–23 июня 1997 г. в Лейпциге, продолжив тем самым свою гуманистическую акцию. И вновь делегация Русской Православной Церкви во главе с Преосвященным архиепископом Берлинским и Германским Феофаном принимала участие в мероприятиях 27-го Немецкого Евангелического Кирхентага, о чем сообщил Митрополит Смоленский и Калининградский Кирилл (с 01.02.2009 г. Патриарх РПЦ), Председатель Отдела внешних церковных сношений, на заседании Священного Синода 17 июля 1997 г.²⁶ Как видим, интересы

²² См.: Проблемы военного плена: история и современность. Материалы Международной научно-практической конференции 23–25 октября г. Вологда. Ч. 1; Ч. 2. Вологда: Вологодский институт повышения квалификации и переподготовки педагогических кадров, 1997.

²³ Историк и его время. Памяти профессора В.Б. Конасова... Вологда, 2010. С. 9.

²⁴ *Иерусалимский В.П.* Католическая и лютеранская церкви в Германии на пороге XXI в. URL: <http://www.religio.ru/relicoc/200.html>. Дата обращения 17.06.2018.

²⁵ См.: Историк о судьбах немецких военнопленных в СССР: [рецензии и отзывы на книги В.Б. Конасова]. М.: Институт военной истории Министерства обороны Российской Федерации, 1997.

²⁶ Заседание Священного Синода 17 июля 1997 г.: mospat.ruarchive/ru1997/7/. Дата обращения 17.06.2018.

вологодского историка Виктора Конасова не расходились с миссией Русской Православной Церкви в Германии.

Виктора Борисовича интересовала судьба не только немецких военнопленных. Так, нами была подготовлена статья о роли Швеции в облегчении участи советских военнопленных, так как в годы войны Советский Союз напрямую с Германией никаких переговоров не вел²⁷. Занимался он и польскими военнопленными, находившимися на территории СССР с начала Второй мировой войны²⁸. Следует отметить, что немало поляков в годы войны воевали в составе вермахта против Красной Армии (в плен было взято более 60 тыс. поляков, больше, чем итальянцев – союзников фашистской Германии). Была и другая категория польских граждан – «спецпереселенцы», депортированные в СССР с началом польской кампании в сентябре 1939 г. На территории Вологодской области, как пишет Анна Дембовска, находилось 13262 депортированных польских гражданина (в основном в Леденгском и Тотемском районах). В августе 1941 г. практически все они были освобождены по амнистии²⁹.

Уже после защиты докторской диссертации мы с Виктором Конасовым решили подготовить и издать учебное пособие для студентов по истории военного плена и движения Сопротивления против национал-социализма. Необходимость такого пособия была очевидной: в Вологодском педагогическом университете мы вели спецкурсы, а соответствующей учебной литературы не было. К сожалению, реализовать полностью замысел не удалось. В 2000 г. была издана лишь первая часть под общим названием «Сопротивление и плен»³⁰.

Разумеется, основная научная деятельность профессора В.Б. Конасова была направлена на изучение отечественной истории. Доклады, выступления, статьи, книги, в большинстве своем основанные на архивных материалах, регулярно появлялись в печати. Работая в Вологодском институте права и экономики, Виктор Борисович оставил свой след в изучении особенностей пенитенциарной системы в СССР и России, что имело немалое практическое значение. Важным

²⁷ Конасов В.Б., Петелин Б.В. Роль Швеции в облегчении участи советских военнопленных в годы второй мировой войны // Европейский Север в культурно-историческом процессе. К 625-летию города Кирова Материалы Международной конференции. Киров: Кировский областной краеведческий музей. Шведский культурный центр, 1999. С. 138–141.

²⁸ Конасов В.Б., Кузьминых А.Л. В плену страны Советов. Польские военнопленные в Грязовецком лагере НКВД // Новый Часовой: Русский военно-исторический журнал. 2002. С. 55–79.

²⁹ Дембовска А. Поляки на Севере России. Альбом о польских местах памяти. СПб.: Академия, 2011. С. 189.

³⁰ Конасов В.Б., Петелин Б.В. Сопротивление и плен: документы и материалы по истории антифашистского движения Сопротивления и военного плена в Германии и СССР. 1933–1955 гг. Ч. 1. ИПК и ППК. Вологда: Вологодский институт развития образования, 2000.

в его деятельности было краеведческое направление, ориентированное не только на студентов, но и на школьников, с которыми профессор всегда общался доступно, свободно и эмоционально. Его, как и других преподавателей, не могла не волновать складывающаяся ситуация с воспитанием подрастающего поколения³¹.

Доктор исторических наук, профессор кафедры всеобщей истории ВГПИ Б.В. Петелин и доктор исторических наук, профессор ВИПЭ ФСИН В.Б. Конасов на открытии Германского исторического института в Москве в здании ИНИОН РАН, 12.09.2005 г.

Вместе с тем сохранялась приверженность к германской истории. Была опубликована статья в научном сборнике «Германия и Россия», издаваемом в Воронеже, где в те годы активно действовал региональный Центр германских исследований³². В мае 2001 г. Виктор Борисович участвовал в представитель-

³¹ Конасов В.Б. Духовность как важнейшее условие выживание русского народа // Духовность как основа общения: образование и культура. Материалы научно-практической конференции. Вологда, 2002. С. 181–187.

³² Конасов В.Б. Историография вопроса о трудовом использовании немецких военнопленных в СССР // Германия и Россия. Вып. 3. Воронеж, 2000. С. 211–214.

ной Международной научной конференции «Вехи российско-германских отношений 40-90 годы XX века» в Волгограде, по результатам которой был издан сборник статей³³. Волгоград, когда не стало профессора А.С. Бланка, фактически перенял эстафету германских исследований. Местный педагогический институт взял на себя инициативу проводить научные конференции историков-германистов с участием исследователей из ГДР. Я еще захватил то время и могу сказать, что там и тогда было все: и наука, и продуманная культурная программа. Состоявшаяся в октябре 1989 г. конференция, посвященная 40-летию ГДР, оказалась последней. Мне, выступавшему с докладом по партийно-политической деятельности ХДС/ХСС, были понятны грустные взгляды восточногерманских историков: через месяц исчезнет Берлинская стена, а там и сама ГДР навсегда уйдет в историю.

Но установившиеся связи между российскими и немецкими историками не исчезли. И в Германии, и в России сохранился научный интерес к прошлому своих стран, развитию российско-германских связей и отношений, современной политике и деятельности партий и общественных организаций. Свидетельством тому плодотворная деятельность Западносибирского Центра германских исследований, регулярно издающего научные сборники «Германские исследования в Сибири», первый из которых вышел в 2001 г.³⁴

Мы в Вологде по ряду субъективных причин не могли развернуть столь масштабно свою международную деятельность. Однако установившиеся связи с Фондом им. Конрада Аденауэра (ХДС) и Фондом им. Ханнса Зайделя (ХСС), которые поддерживаются до сих пор, позволили нам осуществить издание нескольких монографий и провести в 2000-е гг. в Вологде ряд представительных научных конференций. Первая из них состоялась 17–18 октября 2005 г.: «Установление дипломатических отношений между СССР и ФРГ. Немецкие военнопленные в СССР». Конференция была задумана к 50-летию визита Федерального канцлера Конрада Аденауэра в СССР, в ходе которого были установлены дипломатические отношения между двумя странами. Но Виктор Борисович настоял на том, что следует обозначить «проблему немецких военно-

³³ *Конасов В.Б.* Вехи российско-германских отношений (40–0-е годы XX века): материалы Междунар. науч. конф., г. Волгоград, 24–27 мая 2001. Волгоград: Волгоградский государственный университет, 2001. С. 127–133.

³⁴ *Петелин Б.В.* ХДС/ХСС и становление новой партийно-политической системы в Восточной Германии 1989–90 гг. // Германия и Россия в XX веке: две тоталитарные диктатуры, два пути к демократии: материалы международной научной конференции (г. Кемерово, 19–22 сентября 2000 г.). Кемерово: Кемеровский государственный университет, 2001. С. 427–436; *Он же.* Революция 1989 г. в ГДР в оценках российских и немецких исследователей // Разрушение и возрождение в истории Германии и России: сборник статей международной научной конференции (г. Томск, 23–25 сентября 2009 г.). Томск: Томский университет, 2010. С. 225–232.

пленных», хотя ее вполне можно было рассмотреть в рамках анализа переговоров в Кремле. Тем самым, название конференции не было бы перегруженным. Впрочем, каких-либо суждений по этому поводу участниками конференции не высказывалось.

В сентябре 2005 г., за месяц до конференции в Вологде, в научном сообществе российских историков произошло знаменательное событие: в Москве состоялось торжественное открытие Германского исторического института. Его организатором и первым Директором ГИИ был немецкий профессор Бернд Бонвеч, которого я знал по Германии с 2000 года. Д-р Бонвеч был заведующим кафедрой восточноевропейских исследований Рур-Университета в Бохуме (земля Северный Рейн-Вестфалия), сотрудничавшей с рядом российских университетов. На его кафедре в 2002 г. как стипендиат Фонда им. Конрада Аденауэра я проходил стажировку. И хотя мои интересы не совпадали с исследованиями немецкого профессора, но во всем остальном я приобрел авторитетного знающего ученого и друга. Могу со всей определенностью сказать, что таким другом он был для всех российских историков-германистов. Естественно, что я получил приглашение на открытие Германского исторического института в Москве. Когда об этом я сказал Виктору Борисовичу, то он просто расстроился. Нет, за меня он, конечно, был рад: среди германистов я «свой», но неужели нельзя ему, внесшему существенный вклад в изучение военного плена, быть на открытии? Он буквально уговорил меня тут же с его домашнего телефона позвонить Директору Бонвечу с ходатайством, что я и сделал. Вопрос был решен в течение нескольких минут. На открытие ГИИ в Москву мы поехали вместе. Размещение, кстати, было в гостинице «Россия». Все остальное прошло на высочайшем уровне. Последняя встреча с д-ром Бонвечем состоялась в Москве, в гостинице «Метрополь», на торжественном мероприятии по случаю 10-летнего юбилея ГИИ. В октябре 2017 г. Бернда Бонвеча не стало.

Вернемся к «нашим» конференциям. Научный семинар, как в итоге мы назвали наше мероприятие в октябре 2005 г., прошел успешно. В его работе приняли участие такие известные российские ученые, как Н.В. Павлов, А.М. Филитов, Ф.И. Новик, Б.М. Туполев (все – Москва), А.Е. Епифанов (Волгоград), В.С. Павлов (Нижний Новгород), М.Н. Супрун (Архангельск), В.Л. Черноперов (Иваново), научный сотрудник ГИИМ, доктор М. Уль, доктор А. Хильгер (Гамбург), другие авторитетные специалисты. По «немецким военнопленным в СССР» организовали «круглый стол». Руководитель Санкт-Петербургского филиала Фонда им. Конрада Аденауэра г-жа Э. Бауэр, по образованию историк, принявшая самое активное участие в работе Семинара, высоко оценила работу

нашего Семинара. По его итогам под редакцией В.Б. Конасова и Б.В. Петелина был издан научный сборник³⁵.

Заключение

В октябре 2009 г. мы провели очередную конференцию в Вологде в формате «научного семинара» по теме: «Политические повороты в советско-германской истории: 1949–1989: Поиски. Надежды. Свершения»³⁶. Участники приехали из разных городов России и Республики Беларусь. Свое содействие в проведении традиционно оказал Фонд им. Конрада Аденауэра (Санкт-Петербург). Виктора Борисовича Конасова среди нас уже не было. За год до этого, 28 июня 2008 г., он скоропостижно скончался. Но его научные начинания, поиски, исследования были продолжены его учениками. Не забыто и его имя. Известный вологодский журналист Геннадий Акиньев в своей книге «Прорыв» написал о Викторе Борисовиче: «А наш вологодский Конасов, открыв для себя такую тему научных изысканий, которую до него осмелились взять лишь единицы историков Советского Союза, сумел развить ее так, что эта работа стала подлинным прорывом на одном из направлений исторической науки и у нас в России, и за ее пределами»³⁷.

Для нас важно и другое: созданный в 1998 г. при участии В.Б. Конасова музей воинской славы клуба «Алые паруса» в Вологде продолжает жить. 25 мая 2018 г. в стенах музея прошла Первая городская военно-патриотическая конференция памяти вологодского ученого – историка Виктора Борисовича Конасова³⁸. Подобный пример не единственный в общественной и научной жизни Вологды, и не только ее одной.

Introduction

In 2010, a scientific collection ‘The Historian and his Time’ was published in Vologda. It was dedicated to the memory of the Doctor of Historical Sciences, Professor

³⁵ Установление дипломатических отношений между СССР и ФРГ. Немецкие военнопленные в СССР: Материалы Международного научного семинара (Вологда, 17–18 октября 2005 г.). Вологда: Вологодский институт права и экономики ФСИН России, 2006.

³⁶ Политические повороты в советско-германской истории: 1949–1989: Поиски. Надежды. Свершения: Материалы международного научного семинара (Вологда, 6–7 октября 2009 г.) / отв. ред. Б.В. Петелин; сост. Э. Бауэр, Б.В. Петелин. Вологда: Граффити, 2010.

³⁷ См.: Акиньев Г.А. Прорыв. Из жизни ученых. Вологда: Права человека, 2008.

³⁸ www.dtdm.edu.ru/музей-воинской-славы-алые-паруса-му/

Viktor Borisovich Konasov – in fact, to his 60th birthday, to which he did not live only two years¹. The publication turned out to be fundamental, with a wide coverage of historical topics and problems, both in domestic and foreign history. Financial support was rendered by St Petersburg office of the Konrad-Adenauer-Stiftung, which illustrates the title of our article at best. The collection attracted readers' interest, and it is still in steady demand on part of research specialists. All those who turn to its content will certainly read the materials about Viktor Borisovich himself, his lifetime, pedagogical and scientific activity.

Main body

To me, who knew Viktor Konasov closely, his appeal to the problem of military captivity – German soldiers and officers being in Soviet captivity – seems natural and logical, given his focus on creative research in the study of new topics in the history of World War II². A real scientist has to have some kind of 'historical instinct' (this is sometimes called a 'conjunctural approach') and to respond to time requests. After the collapse of the Soviet Union, due to the beginning of the revision of many events in the domestic history, access to previously classified documents increased. This 'window' soon slammed shut; however for pushing researchers, such as Viktor Konasov, this option was quite enough. The author told me that when he started working in the Russian State Military Archive (at that time – the Special Archive) in the autumn of 1991; before that no one was able to read most of the classified records or top secret documents. Only a few fell earlier into the hands of one or two people. Thus, he called colonel general Dmitri Volkogonov, who was a member of the commission on declassification of documents in the 1990s, and at the same time chairman of the Presidential Commission for the Declassification of Documents regarding prisoners of war, internees and missing people. The work of Viktor Konasov in the Archive of Foreign Policy of the Russian Federation was fruitful as well. The collected materials (where the work was extremely complex and difficult) formed the basis of his most famous and popular book 'The Fates of German Prisoners of War in the USSR ...'³.

We will refer to the book later. The path to writing this book was not straight, however it cannot be called winding either. Viktor Konasov showed interest in military subjects in his student years, when he began to collect letters and memoirs of the

¹ See: *The Historian and His Time. In memory of Professor V.B. Konasov: A collection of articles*. Vologda: Graffiti, 2010.

² B.V. Petelin, "Professor V.B. Konasov and the problems of studying and teaching the history of the World War II in the context of modernity", in *The historian and his time. In memory of Professor V.B. Konasov: A collection of articles* (Vologda: Graffiti, 2010), 14–23.

³ V.B. Konasov, *The fate of German prisoners of war in the USSR: Diplomatic, legal and political aspects of the problem. Essays and documents* (Vologda: Institut povysheniya kvalifikatsii i perepodgotovki kadrov, 1996).

Vologda front-line soldiers. After graduating from the Faculty of History, Vologda State Pedagogical Institute, he worked in urban educational institutions, and since 1987 he was busy preparing his PhD thesis devoted to the activities of the military medical-sanitary service of the Red Army during the Great Patriotic War. In 1990, he earned his degree. For some time, we worked together at the same department in the Vologda Dairy Farming Institute, and later we met 'within the walls' of the Vologda State Pedagogical University. In 1991, Viktor Konasov prepared and published a small brochure 'Declassified', which raised the issue of German prisoners of war in the USSR⁴. Starting with it, one can say, the candidate of historical sciences V.B. Konasov began to deal with the History of Germany, even if it was related to the Soviet territory during the said war.

On the one hand, as we are talking about the Germans, this is a topic for historians-Germanists, who study the History of Germany. However on the other hand – the captivity was still 'Soviet', and everything that was associated with it, was determined by the Soviet authorities, laws, orders and regulations. This was the main difficulty of the study ... Subsequently, Viktor Borisovich was repeatedly asked: "Who do you work for? Germany or Russia?" In the above-mentioned brochure, the author reproaches Stalin's leadership for the fact that the USSR did not join the Geneva Convention relative to the Treatment of Prisoners of War and amelioration of the condition of the wounded and sick in armies. This, allegedly, untied the Nazis persecution of Soviet prisoners of war. Weak argument it was! Regardless of the fact whether the Soviet Union was willing to sign the Geneva Convention (1929) or not, the fate of the Red Army men who were captured by the Germans would have remained unchanged. The author's judgments regarding 'excessive cruelty' in dealing with German prisoners of war appeared to be incorrect. We will cite only one example: according to the approved norms of 1941, 700 grams of bread were given to them daily; and additionally, other products that disappeared for Soviet citizens during the war years. Indeed, the USSR did not sign the Geneva Conventions (1929), however did not have their compliance either (on 1st July 1941, the Soviet government adopted the 'Regulations on POWs', which did not contradict global norms and international humanitarian law in general).

Let us get back to the book 'The Fates of German POWs in the USSR ...'. It aroused a lot of interest indeed. Responses and reviews appeared in various publications. I also provided my comments by publishing a short article in the Vologda newspaper *Russkii Sever*⁵. Without retelling the contents of the book depicting the fate of German prisoners of war, I noted that "Soviet captivity was more humane", which was evident from the documents cited in the book. As a historian-Germanist, I

⁴ V.B. Konasov, *Declassified: (to the history of German prisoners of war in the USSR)* (Vologda: Vologda State Pedagogical Institute, group 'Search', 1991).

⁵ *Russkii Sever*, 7th May, 1996.

was attracted more by the description of the Germans' return homeland, on which the author informed us in the second chapter of his book⁶. The return of prisoners of war occurred almost immediately after Nazi Germany surrendered. First of all, those wounded, sick and disabled, which seemed quite humane; however as a matter of fact, those who returned homeland faced problems that led to many committing suicide⁷.

The 'last page in the history' of 'Soviet captivity' was turned over in September 1955, during the official visit of German Chancellor Konrad Adenauer to Moscow. Work in the archives helped Viktor Borisovich to name the real numbers of former German prisoners of war who were in the camps of the USSR at that time – 9626 'detainees'⁸. Adenauer linked the establishment of diplomatic relations with the USSR with the liberation of all "held Germans", at the same time announcing their number – no less than 130 thousand, although no lists were provided. According to the chancellor, the idea itself was unbearable, that ten years after the end of the war, people dragged into the whirlpool of military events "are still detained far from their families, homeland and their normal peaceful labour"⁹. It should be said that Konrad Adenauer then voiced the position of his party – the CDU, of which he was the chairman¹⁰.

Returning from the prolonged captivity, the Germans 'were grateful' to Adenauer, although the decision to release them was made in the USSR even before the chancellor's visit. Adenauer himself, at a meeting of the National board of the CDU held on 30th September 1955 described in great detail his visit to Moscow, his impressions of the talks with the Soviet leaders, without forgetting to characterize each of them, and also impressions about Moscow and Muscovites. There was no hostility in his words. The chancellor was pleased: almost half of the Germans participating in the poll (48 %) approved the negotiations in the Kremlin, and only 9 % considered them 'failed'¹¹. In 1956, the last prisoners of war were able to leave the USSR –

⁶ V.B. Konasov, *The Fates of German Prisoners of War in the USSR...*, 123–74.

⁷ See: E.V. Obraztsova, "The resocialization of German prisoners of war after their return from the USSR (1945–1955)" (PhD diss., Voronezh, 2017). The author highlights the research of V.B. Konasov, who was able to comprehensively analyze the fate of German prisoners of war. Ibid, 4–5.

⁸ V.B. Konasov, *The fate of German Prisoners of War in the USSR...*, 173.

⁹ *Visit of the Chancellor of Adenauer to Moscow on 8–14th September 1955. Documents and materials* (Moscow: Human Rights, 2005), 52.

¹⁰ B.V. Petelin, "Captivity and politics: CDU / CSU and the problem of German prisoners of war in 1945–1955", in *Problems of military captivity: History and modernity. Materials of the international scientific and practical conference on 23–25th October 1997, Vologda. Part 2* (Vologda: Institut povysheniya kvalifikatsii i perepodgotovki kadrov, 1997), 148–52.

¹¹ *Die Protokolle des CDU-Bundesvorstands 1953–1957* (Droste Verlag: Düsseldorf, 1990), 598–99.

749 people, who “as it was found out, could not be placed in prison wards in their homeland...”¹².

Even before the publication of V.B. Konasov's book, the problem of military captivity became one of the main issues at the international conference dedicated to the 50th anniversary of the creation of the National Committee for a Free Germany. The conference was held in Krasnogorsk, near Moscow, in the building of the Memorial Museum of German Anti-Fascists (in 1943 the former Central School anti-fascists for foreign prisoners of war), which in 2005 became a branch of the Central Museum of the Great Patriotic War of 1941–1945. Among the participants of the conference, there were well-known Russian and German historians, as well as former prisoners of war who were part of the NKFD (*Nationalkomitee Freies Deutschland* – National Committee for a Free Germany) and the BDO (*Bund Deutscher Offiziere* – the German Officers League). Perhaps the most prominent representative at the conference was Count Heinrich von Einsiedel, a great-grandson of the ‘Iron Chancellor’ Otto von Bismarck (his signature was under the petition “The German Generals and Officers! To the People and the Army!” adopted at the Constituent Assembly of the BDO on 1st September 1943). A copy of the documents ‘For Germany – against Hitler!’ published at the beginning of the conference, was signed personally by Heinrich von Einsiedel¹³. My speech was devoted to the scientific work of the Vologda professor A.S. Blank, who had a great influence on the development of German studies in Russia¹⁴. Aleksandr Solomonovich was also one of the first people who turned to the history of military captivity and published his study on German prisoners of war in Germany¹⁵.

In Vologda, I shared my impressions of the conference in Krasnogorsk with Viktor Konasov. Since amongst the experts in Russian history, few people were engaged in the study of military captivity, Viktor Borisovich had no choice rather than to fit in the circle of Russian Germanists. He had such an occasion soon: in November 1995, another scientific and practical conference was held in Krasnogorsk devoted to the 50th anniversary of the end of World War II and the completion of the activities of the NKFG; Vologda historian Viktor Konasov attended the said conference and presented his report (the conference programme also included my report ‘The fate of foreign prisoners of war in Soviet historiography’, however the circumstances did not

¹² V.B. Konasov, *The Fate of German Prisoners of War in the USSR...*, 174.

¹³ *For Germany – against Hitler! Documents and materials on the creation and activities of the National Committee for a Free Germany and the League of German Officers. Memorial Museum of German anti-fascists* (Krasnogorsk: Memorial Museum of German anti-fascists, 1993).

¹⁴ B.V. Petelin, “The activities of the National Committee for a Free Germany in the historical works of A.S. Blank”, in *Collected materials of the Russian-German scientific-practical conference. Moscow; Krasnogorsk 7–9th September 1993 (series S-1)* (Krasnogorsk, 1994), 123–29.

¹⁵ A. Blank, *Die deutschen Kriegsgefangenen in der UdSSR* (Köln: Pahl-Rugenstein Verlag, 1979).

allow me to take part in it)¹⁶. It was there, as it was rightly noted in the 'collection of his memory', that he came into contact with a wide circle of Russian and foreign scientists for the first time ..., and that the established rapport further grew into a long and fruitful cooperation¹⁷.

A famous Russian historian-Germanist Alexander Ivanovich Borozniak was of great help and provided support in the scientific work of Viktor Borisovich. I met him when I was a student, when Professor A.S. Blank created the Association on German History in Vologda dealing with problems in this area. Young Candidate of Historical Sciences A.I. Borozniak became the closest associate of the Vologda professor, and Vologda remained a city forever close and dear to him¹⁸.

Viktor Konasov sent his book about German prisoners of war to professor A.I. Borozniak in Lipetsk, where he taught at the local institute. In his reply, Alexander Ivanovich thanked for the book, especially noting the "non-traditional structure of the book, in which the genres of the scientific monograph and the collection of documents were intertwined". Since A.I. Borozniak often went to Germany due to his scientific activity, it was according to his information that German historians learned about 'Vologda capital edition'¹⁹. Professor A.I. Borozniak backed up not only the idea of the book, but promised to accompany Viktor Konasov at the defense of his doctoral thesis in September 1998 at the Institute of Military History. The official opponent was another expert in Germany, professor M.E. Erin from Yaroslavl. The authority of the well-known Russian Germanists undoubtedly played a positive role in the discussion of the thesis on such an acute socio-political theme as 'The policy of the Soviet state in relation to German prisoners of war (1941–1956)'²⁰.

Successful defense of a doctoral thesis was no accident. In 1995–97, in many respect thanks to the energetic activity of Viktor Borisovich, a number of significant scientific events were held in Vologda. Only in 1995, two scientific conferences were

¹⁶ V.B. Konasov, " 'Prisoners of War': Attempts to solve the problem at the diplomatic level", in *Tragedy of captivity: Collected materials of the International Scientific and Practical Conference 'End of the war', the completion of the activities of the NKFG / BDO and the beginning of the repatriation of prisoners of war', Moscow - Krasnogorsk 31st October – 2nd November 1995* (Krasnogorsk, 1996), 138–41.

¹⁷ *The historian and his time. In memory of Professor V.B. Konasov*, 9.

¹⁸ B.V. Petelin, "Vologda in the life and scientific activities of Alexander Ivanovich Borozniak" in *Overcoming the past in Germany and Russia: Experience and lessons for the future (in memory of Professor A.I. Borozniak): Materials of the International Scientific Conference (16-17th February 2017, Lipetsk)* (Lipetsk: P.P. Semenov-Tian-Shanskii LSPU, 2017), 23–30; This material is also available on the website of the Russian-German Seminar 'Vereinigung': www.vereinigung.ru, 01.03.2017.

¹⁹ See: "The historian about the fate of German prisoners of war in the USSR", reviews and opinions on the books of V.B. Konasov. (Moscow: Institute of Military History of the Ministry of Defense of the Russian Federation, 1997).

²⁰ *The Historian and His Time. In memory of Professor V.B. Konasov*, 507.

held devoted to 50 Years of the Victory in the Great Patriotic War. Together with the Vologda historians, who were not only specialists in Russian history, however also historians-Germanists, took part in them. I have already noted in my publications that in the 1990s, Vologda 'returned' to the mainstream of German studies related not only to the history of war and captivity, but also to the German policy of the CDU / CSU, the Chancellor of Germany Helmut Kohl, one of the main 'architects' of the German reunification²¹.

The most significant and representative event was the International Scientific Conference 'The Problems of Military Captivity: History and Modernity', held in Vologda on 23–25th October 1997. Thanks to V.B. Konasov, his ability to conduct a dialogue with the city authorities, the work of the conference was highly appreciated among the Russian and foreign scientific community. As a result, the collection was published in two parts²². The study of the history of military captivity led to the establishment in Vologda of the International Society 'Russian captivity', which included representatives from Russia, Ukraine, Austria, Germany, Switzerland and Finland.

In June 1995, the year of the 50th anniversary of Victory in Europe Day, Victor Konasov visited Germany for the first time. He and the director of the Vologda Institute for the Development of Education Professor V.V. Sudakov took part in the 26th *Deutscher Evangelischer Kirchentag* in Hamburg (14–18th June), held by the Evangelical Church every two years. It goes without saying, their participation was not related to religious activities. The scientists from Vologda launched an exhibition 'German prisoners of war in Vologda region', which attracted attention of many Germans, especially those whose relatives or them themselves had to do with the military past²³. The words of gratitude addressed to the Vologda citizens only strengthened the confidence of Viktor Konasov in continuing with the study of history of military captivity. Incidentally, Patriarch Alexii II of the Russian Orthodox Church visited Germany at the same time, arriving at the invitation of the European Centralized Council, which was a convenient occasion for establishing personal contacts with the highest hierarchs of both German churches, Archbishop Joachim Meisner of Cologne, and Karl Lehmann, former head of Germany's Catholic Bishops' Conference²⁴.

²¹ B.V. Petelin, "Historical Germanic studies in Vologda: Preliminary results", *The newest history of Germany. Proceedings of young scientists and research centers* (Moscow: KDU, 2007), 357–65; This publication is also available on the website of the Russian-German seminar 'Vereinigung': www.vereinigung.ru, 12.04.2012.

²² See: *Problems of military captivity: history and modernity*. Materials of the International Scientific and Practical Conference 23–25th October, Vologda. Part 1; Part 2 (Vologda, 1997).

²³ *The Historian and His Time. In memory of Professor V.B. Konasov*, 9.

²⁴ V.P. Ierusalimskij, "The Catholic and Lutheran churches in Germany at the threshold of the 21st century", <http://www.religio.ru/relisoc/200.html>. Accessed: 17.06.2018.

Two years later, with the assistance of the Governor of Vologda Oblast V.E. Pozgaliiov²⁵, Professor V.Sudakov and Associate Professor V.B. Konasov were again at the next *Kirchentag* on 18–23th June 1997 in Leipzig, thus continuing their humanistic action. Again, the delegation of the Russian Orthodox Church led by His Eminence Archbishop of Berlin and Germany Feofan took part in the events of the 27th German Evangelical *Kirchentag*, as reported by Metropolitan Kirill of Smolensk and Kaliningrad (since 1st February 2009, the Patriarch of the Russian Orthodox Church), Chairman of the Department for External Church Relations at the meeting of the Holy Synod on 17th July 1997²⁶. As we can see, the interests of the Vologda historian Viktor Konasov did not differ from the mission of the Russian Orthodox Church in Germany.

Viktor Borisovich was interested in the fate of not only German prisoners of war. Thus, we prepared an article on the role of Sweden in facilitating an exchange of information on the fate of Soviet prisoners of war, since during the war years the Soviet Union did not negotiate directly with Germany²⁷. He was also dealing with Polish prisoners of war, who were on the territory of the USSR since the beginning of the World War II²⁸. It should be noted that many Poles during the war fought in the Wehrmacht against the Red Army (more than 60 thousand Poles were taken prisoner, which is more than Italians – allies of fascist Germany). There was also another category of Polish citizens – ‘special settlers’ deported to the USSR at the start of the Polish campaign in September 1939. According to Anna Dembowska, there were 13,262 deported Polish citizens on the territory of the Vologda region (mainly in Ledengsk and Totma districts). In August 1941, almost all of them were released under an amnesty²⁹.

After defending my doctoral thesis, we decided to prepare and publish a textbook for students on the history of military captivity and the Resistance against National Socialism. The need for such a manual was obvious: at the Vologda Pedagogical University, we delivered dedicated courses, and there was no relevant educational lit-

²⁵ See: “*The historian about the fate of German prisoners of war in the USSR*”, reviews and opinions on the books of V.B. Konasov (Moscow: Institute of Military History of the Ministry of Defense of the Russian Federation, 1997).

²⁶ Meeting of the Holy Synod on July 17, 1997: [mospat.ruarchive / ru1997 / 7 /](http://mospat.ruarchive/ru1997/7/). Date of access: 17th June 2018.

²⁷ V.B. Konasov and B.V. Petelin, “The role of Sweden in facilitating the fate of Soviet prisoners of war during World War II”, in *The European North in the cultural and historical process. To the 625th anniversary of the city of Kirov Materials of the International Conference* (Kirov, 1999), 138–41.

²⁸ V.B. Konasov and A.L. Kuz'minykh, “In captivity of the country of the Soviets. Polish prisoners of war in the Griazovets camp of the NKVD” in *New Sentry: Russian military history magazine* (2002): 55–79.

²⁹ A. Dembowska, *Poles in the North of Russia. Album about the Polish places of memory* (St Petersburg, 2011), 189.

erature. Unfortunately, the idea could not be fully implemented. In 2000, only the first part was published under the title 'Resistance and captivity'³⁰.

Doctor of historical sciences, professor of department of general history VGPI B.V. Petelin and doctor of historical sciences, professor of VIPE FSIN V.B. Konasov at opening of the German historical institute in Moscow in the building the INION of RAS, 12. 09. 2005

It goes without saying, the main scientific activity of Professor V.B. Konasov was aimed at studying Russian history. Reports, speeches, articles and books, mostly based on archival materials, appeared regularly in the press. Working at Vologda Institute of Law and Economics, Viktor Borisovich left his mark on the study of peculi-

³⁰ V.B. Konasov and B.V. Petelin, *Resistance and captivity: documents and materials on the history of the anti-fascist resistance movement and military captivity in Germany and the USSR. 1933–1955*, Part 1 (Vologda: Institut povysheniya kvalifikatsii i perepodgotovki kadrov, 2000).

arities of the penitentiary system in the USSR and Russia, which was of considerable practical importance. Important in his work was the trend aimed at local history, orientated not only at students, but also at schoolchildren, with whom the professor always talked emotionally and freely. He, like other teachers, could not help worrying about the emerging situation involving upbringing of the younger generation³¹.

At the same time, adherence to German history remained. An article was published in the scientific collection 'Germany and Russia' published in Voronezh, where in those years the regional Centre for German Studies was functioning³². In May 2001, Viktor Borisovich participated in the representative International Scientific Conference 'Milestones of Russian-German Relations of the 1940–90s' in Volgograd, which resulted in the publication of a collection of articles³³. When Professor A.S. Blank passed away, Volgograd in fact, took up the 'baton' of German studies. The local pedagogical institute took the initiative to hold scientific conferences of historians-Germanists with the participation of researchers from the GDR. I happened to work during that time and can say that there was everything there and then: both science and a thoughtful cultural program. The conference held in October 1989 dedicated to the 40th anniversary of the GDR was the last one. I gave a talk on party-political activity of the CDU / CSU, I understood the sad views of East German historians: a month later the Berlin Wall would fall, and the GDR itself would forever go down in history.

However, the established ties between Russian and German historians have not disappeared. Both in Germany and in Russia, the scientific interest in the past of the countries, the development of Russian-German links and relations, modern politics and the activity of parties and public organizations remained. Evidence of this is the fruitful activity of the West Siberian Center for German Studies, which regularly publishes scientific collections 'German Studies in Siberia', the first of which was published in 2001³⁴.

³¹ V.B. Konasov, "Spirituality as the most important condition for the survival of the Russian people" in *Spirituality as the basis of communication: education and culture. Materials of scientific and practical conference* (Vologda, 2002), 181–87.

³² V.B. Konasov, "Historiography of the question of the employment of German prisoners of war in the USSR", *Germany and Russia*, issue 3 (2000): 211–14.

³³ V.B. Konasov, *Milestones of Russian-German relations (1940–90s): Materials of the international scientific conference, Volgograd, 24–27th May 2001* (Volgograd, 2001), 127–33.

³⁴ B.V. Petelin, "CDU / CSU and the formation of a new party-political system in East Germany in 1989–90", in *Germany and Russia in the Twentieth Century: Two Totalitarian Dictatorships, Two Ways to Democracy: Proceedings of the International Scientific Conference (Kemerovo, 19–22nd September 2000)* (Kemerovo, 2001), 427–36; Idem, "The 1989 revolution in the GDR in the assessments of Russian and German researchers" in *Destruction and revival in the history of Germany and Russia: Collection of articles of the International Scientific Conference (Tomsk, 23–25th September 2009)* (Tomsk, 2010), 225–32.

For a number of internal reasons, we were not able to develop our international activities on such a large scale in Vologda. However, the established links with the Conrad Adenauer Foundation (CDU) and the Hanns Seidel Foundation (CSU), which are still supported, allowed publishing several monographs and hold a number of representative scientific conferences in Vologda in the 2000s. The first of them took place on 17–18th October 2005: ‘Establishment of diplomatic relations between the USSR and Germany. German prisoners of war in the USSR’. The conference was dedicated to the 50th anniversary of the visit of German Federal Chancellor Konrad Adenauer to the USSR, during which diplomatic relations between the two countries were established. However Viktor Borisovich insisted that the “problem of German prisoners of war” should be designated, although it could be considered in the framework of the analysis of the negotiations in the Kremlin. Thus, the name of the conference would not be overloaded. However, the participants of the conference did not express any opinion on this issue.

In September 2005, a month before the conference in Vologda, a remarkable event took place in the scientific community of Russian historians: the grand opening of the German Historical Institute Moscow. Its organizer and the first Director of the GII was the German professor Bernd Bonwetsch, whom I have known in Germany since 2000. Dr Bonwetsch was head of the Department of Eastern European Studies at the Ruhr-University in Bochum (North Rhine-Westphalia), which collaborated with a number of Russian universities. At his department, in 2002 as a fellow of the Konrad Adenauer Foundation, I took internship training. And although my interests did not coincide with the researches of the German professor, but in everything else I acquired an authoritative knowledgeable scientist and friend. I can say with all certainty that he was such a friend to all Russian historians-Germanists. Naturally, I received an invitation to open the German Historical Institute in Moscow. When I told Viktor Borisovich about this, he was simply upset. No, for me, of course, he was happy: I belonged to the Germanists, but why could not he, who had made a significant contribution to the study of military captivity by the time, be at the opening? He literally persuaded me immediately to call Director Bonwetsch with a request from his landline, which I did. The issue was resolved within a few minutes. We went together to the opening of the GII in Moscow. Accommodation, by the way, was in the hotel ‘Russia’. Everything else was arranged at the highest level. The last meeting with Dr Bonwetsch took place in Moscow, in ‘Metropol’ Hotel, at a solemn event to celebrate the 10th anniversary of the GII. In October 2017, Bernd Bonwetsch passed away.

Let us come back return to ‘our’ conferences. The scientific seminar, as we called our event in October 2005, was successful. Such famous Russian scientists as N.V. Pavlov, A.M. Filitov, F.I. Novik, B.M. Tupolev (all from Moscow), A.E. Epifanov (Volgograd), V.S. Pavlov (Nizhnii Novgorod), M.N. Suprun (Arkhangelsk),

V.L. Chernoperov (Ivanovo), researcher of GIIM, Dr. M. Uhl, Dr. A. Hilger (Hamburg), other authoritative specialists. A 'round table' was arranged on 'German prisoners of war in the USSR'. Head of St Petersburg office of Konrad-Adenauer-Stiftung, Ms. E. Bauer, an educated historian who took an active part in the seminar, highly appreciated our work. Based on its results, a scientific collection edited by V.B. Konasov and B.V. Petelin was published³⁵.

Conclusion

In October 2009, we held another conference in Vologda in the format of a 'scientific seminar' on the topic: 'Political Turns in Soviet-German History: 1949-1989: Searches. Hope. Accomplishments'³⁶. The participants came from different cities of Russia and the Republic of Belarus. Konrad-Adenauer-Stiftung (St Petersburg) traditionally rendered its assistance in carrying out our endeavours. Viktor Borisovich Konasov was no longer among us. A year ago, on 28th June 2008, he died suddenly. However his scientific endeavors, developments and research were continued by his students. His name has not been forgotten either. The well-known Vologda journalist Gennadii Akinkhov wrote about Viktor Borisovich in his book 'Breakthrough': "And our Konasov from Vologda, having discovered for himself such a topic of scientific research, which only a few historians of the Soviet Union had dared to take, managed to develop it in such a way that this work became a genuine breakthrough in one of the directions of historical science, both in Russia and abroad"³⁷.

Another important thing for us is that created in 1998 with the participation of V.B. Konasov Museum of Military Glory Club 'Scarlet Sails' in Vologda continues its activities. On 25th May 2018, within the walls of the museum, the first city military-patriotic conference took place in memory of the Vologda scientist – historian Viktor Borisovich Konasov³⁸. Such an example is not unique in the social and scientific life of Vologda, and not only there.

Список литературы

Акинъхов Г.А. Прорыв. Из жизни ученых. Вологда: Полиграфист, 2008. 143 с.

Визит Канцлера Аденауэра в Москву 8–14 сентября 1955 г. Документы и материалы. М.: Права человека, 2005. 232 с.

³⁵ *Establishment of diplomatic relations between the USSR and the FRG. German prisoners of war in the USSR: Materials of the International Scientific Seminar (Vologda, 17–18th October 2005)* (Vologda, 2006).

³⁶ *Political Turns in Soviet-German History: 1949–1989: Searches. Hope. Accomplishments: Materials of the international scientific seminar (Vologda, 6–7th October 2009)*, ed. B.V. Petelin; compiled by E. Bauer, B.V. Petelin (Vologda: Graffiti, 2010).

³⁷ See: G. Akin'khov, *Breakthrough. From the lives of scientists* (Vologda: Human Rights, 2008).

³⁸ <http://dtdm.edu.ru/музей-воинской-славы-алые-паруса-му/>

Германия и Россия в XX веке: две тоталитарные диктатуры, два пути к демократии: Материалы международной научной конференции (г. Кемерово, 19–22 сентября 2000 г.). Серия: «Германские исследования в Сибири». Кемерово: Западно-Сибирский центр германских исследований, 2001. 500 с.

Духовность как основа общения. Материалы научно-практической конференции. Вологда, 2002. 281 с.

Историк и его время. Памяти профессора В.Б. Конасова: Сборник статей / под ред. В.В. Попова; сост. А.Л. Кузьминых. Вологда: Граффити, 2010. 532 с.

Историк о судьбах немецких военнопленных в СССР: [рецензии и отзывы на книги В.Б. Конасова]. М.: Институт военной истории Министерства обороны Российской Федерации, 1997. 50 с.

За Германию – против Гитлера! Документы и материалы о создании и деятельности Национального комитета «Свободная Германия» и Союза немецких офицеров. Мемориальный музей немецких антифашистов. Красногорск: Мемориальный музей немецких антифашистов, 1993. 512 с.

Конасов В.Б. Гриф секретности снят: (к истории немецких военнопленных в СССР). Вологод. гос. пед. ин-т, Группа «Поиск». Вологда: Вологодский государственный педагогический институт, 1991. 55 с.

Конасов В.Б. Судьбы немецких военнопленных в СССР: дипломатические, правовые и политические аспекты проблемы. Очерки и документы. Вологда: Институт повышения квалификации и переподготовки кадров, 1996. 320 с.

Конасов В.Б. «Узники войны»: попытки решения проблемы на дипломатическом Уровне // Трагедия плена: Сборник материалов Международной научно-практической конференции «Окончание войны, завершение деятельности НКСГ/СНО и начало репатриации военнопленных». Москва–Красногорск 31 октября – 2 ноября 1995 г. (Серия С-П). Красногорск: Мемориальный музей немецких антифашистов, 1996. С. 138–141.

Конасов В.Б., Петелин Б.В. Роль Швеции в облегчении участи советских военнопленных в годы второй мировой войны // Европейский Север в культурно-историческом процессе. К 625-летию города Кирова: Материалы международной конференции. Администрация Кировской области. Киров: Кировский областной краеведческий музей. Шведский культурный центр, 1999. С. 138–141.

Конасов В.Б., Петелин Б.В. Сопротивление и плен: документы и материалы по истории антифашистского движения Сопротивления и военного плена в Германии и СССР. 1933–1955 гг. Ч. 1. Вологда: Институт повышения квалификации и переподготовки кадров, 2000. 136 с.

Конасов В.Б. Проблема немецких военнопленных в свете современных российско-германских отношений // Вехи российско-германских отношений (40–90-е годы XX века): материалы Междунар. науч. конф., г. Волгоград, 24–27 мая 2001. Волгоград: Волгоградский государственный университет, 2001. С. 127–132.

Образцова Е.В. Ресоциализация немецких военнопленных после возвращения из СССР (1945–1955): автореф. дис. ... канд. ист. наук. Воронеж, 2017. 28 с.

Петелин Б.В. Деятельность Национального комитета «Свободная Германия» в исторических трудах А.С. Бланка // Сборник материалов российско-германской научно-практической конференции. Москва – Красногорск 7–9 сентября 1993 г. (серия С-1). Красногорск, 1994. С. 123–129.

Петелин Б.В. Плен и политика: ХДС/ХСС и проблема немецких военнопленных в 1945–1955 гг. // Проблемы военного плена: история и современность: Материалы Междуна-

ной научно-практической конференции 23–25 октября 1997 г. Вологда, Ч. 2. Вологда: Вологодский институт повышения квалификации и переподготовки кадров, 1997. С. 148–152.

Петелин Б.В. Историческая германистика в Вологде: предварительные итоги // Новейшая история Германии. Труды молодых ученых и исследовательские центры. М.: КДУ, 2007. С. 357–365.

Петелин Б.В. Вологда в жизни и научной деятельности Александра Ивановича Борозняка // Преодоление прошлого в Германии и России: опыт и уроки на будущее (памяти профессора А.И. Борозняка): материалы Международной научной конференции (16–17 февраля 2017 г. Липецк). Липецк: ЛГПУ имени П.П. Семенова-Тян-Шанского, 2017. С. 23–30.

Политические повороты в советско-германской истории: 1949–1989: Поиски. Надежды. Свершения: Материалы международного научного семинара (Вологда, 6–7 октября 2009 г.) / отв. ред. Б.В. Петелин; сост. Э. Бауэр, Б.В. Петелин. Вологда: Граффити, 2010. 258 с.

Разрушение и возрождение в истории Германии и России: Сборник статей международной научной конференции (г. Томск, 23–25 сентября 2009 г.); Серия: «Германские исследования в Сибири». Вып. 7. Томск: Томский университет, 2010. 550 с.

Установление дипломатических отношений между СССР и ФРГ. Немецкие военнопленные в СССР: Материалы Международного научного семинара (Вологда, 17–18 октября 2005 г.). Вологда, 2006. 98 с.

Blank A. Die deutschen Kriegsgefangenen in der UdSSR. Pahl-Rugenstein Verlag. Köln: Pahl-Rugenstein Verlag, 1979. 208 S.

Die Protokolle des CDU-Bundesvorstands 1953–1957. Düsseldorf: Droste Verlag, 1990. 1380 S.

References

Akin'khov, G.A. *Proryv. Iz zhizni uchenykh* [Breakthrough. From the Life of Scientists]. Vologda: Poligrafist, 2008. (In Russian)

Blank, A. *Die deutschen Kriegsgefangenen in der UdSSR*. Pahl-Rugenstein Verlag. Köln: Pahl-Rugenstein Verlag, 1979. (In German)

Die Protokolle des CDU-Bundesvorstands 1953–1957. Düsseldorf: Droste Verlag, 1990. (In German)

Dukhovnost' kak osnova obshcheniya. Materialy nauchno-prakticheskoi konferentsii [Spirituality as the basis of communication. Materials of the scientific-practical conference]. Vologda, 2002. (In Russian)

Germaniya i Rossiya v 20 veke: dve totalitarnye diktatury, dva puti k demokratii: Materialy mezhdunarodnoi nauchnoi konferentsii (g. Kemerovo, 19–22 sentyabrya 2000 g.). Seriya: "Germanskie issledovaniya v Sibiri" [Germany and Russia in the 20th century: Two totalitarian dictatorships, two ways to democracy: Proceedings of the international scientific conference (Kemerovo, 19–22nd September). Series: 'German Studies in Siberia']. Kemerovo: Zapadno-Sibirskii tsentr germanskikh issledovaniy, 2001. (In Russian)

Istoriik i ego vremya. Pamyati professora V.B. Konasova: Sbornik statei; pod red. V.V. Popova; sost. A.L. Kuz'minykh [The historian and his time. In memory of Professor V.B. Konasov: Collection of articles], ed. A.L. Kuz'minykh. Vologda: Graffiti, 2010. (In Russian)

Istoriik o sud'bakh nemetskikh voennoplennykh v SSSR: retsenzii i otzyvy na knigi V.B. Konasova [The historian about the fate of German prisoners of war in the USSR: reviews and opin-

ions on the books of V.B. Konasov]. Moscow: Institut voennoi istorii Ministerstva oborony Rossiiskoi Federatsii, 1997. (In Russian)

Konasov, V.B. *Grif sekretnosti snyat: (k istorii nemetskikh voennoplennykh v SSSR)* [Declassified: (to the history of German prisoners of war in the USSR)]. Vologda: Vologodskii gosudarstvennyi pedagogicheskii institut, 1991. (In Russian)

Konasov, V.B. *Sud'by nemetskikh voennoplennykh v SSSR: diplomaticheskie, pravovye i politicheskie aspekty problemy. Ocherki i dokumenty* [The fate of German prisoners of war in the USSR: diplomatic, legal and political aspects of the problem. Essays and documents]. Vologda: Institut povysheniya kvalifikatsii i perepodgotovki kadrov, 1996. (In Russian)

Konasov, V.B. “‘Uzniki voiny’: popytki resheniya problemy na diplomaticheskom Urovne” [‘Prisoners of War’: attempts to solve the problem at the diplomatic level]. In *Tragediya plena: Sbornik materialov Mezhdunarodnoi nauchno-prakticheskoi konferentsii “Okonchanie voiny, zavershenie deyatelnosti NKSG/SNO i nachalo repatriatsii voennoplennykh” (Moskva–Krasnogorsk 31 oktyabrya – 2 noyabrya 1995 g. (Seriya S-P))* [The Tragedy of Captivity: A collection of materials of the international scientific and practical conference ‘End of the war, the completion of the activities of the NCSG / SSS and the beginning of the repatriation of prisoners of war’ (Moscow – Krasnogorsk 31st October – 2nd November 1995)], 138–141. Krasnogorsk: Memorial'nyi muzei nemetskikh antifashistov, 1996. (In Russian)

Konasov, V.B., and B.V. Petelin. “Rol' Shvetsii v oblegchenii uchasti sovetskikh voennoplennykh v gody vtoroi mirovoi voiny” [The role of Sweden in facilitating the fate of Soviet prisoners of war during World War II]. In *Evropeiskii Sever v kul'turno-istoricheskom protsesse. K 625-letiyu goroda Kirova: Materialy mezhdunarodnoi konferentsii. Administratsiya Kirovskoi oblasti* [The European North in the cultural and historical process. To the 625th anniversary of the city of Kirov: Materials of the international conference. Administration of the Kirov region], 138–141. Kirov: Kirovskii oblastnoi kraevedcheskii muzei. Shvedskii kul'turnyi tsentr, 1999. (In Russian)

Konasov, V.B., and B.V. Petelin. “*Soprotivlenie i plen: dokumenty i materialy po istorii antifashistskogo dvizheniya Soprotivleniya i voennogo plena v Germanii i SSSR. 1933–1955 gg.*” Ch. 1 [Resistance and captivity: documents and materials on the history of the anti-fascist movement of the Resistance and military captivity in Germany and the USSR. 1933–1955, vol. 1]. Vologda: Institut povysheniya kvalifikatsii i perepodgotovki kadrov, 2000. (In Russian)

Konasov, V.B. “Problema nemetskikh voennoplennykh v svete sovremennykh rossiisko-germanskikh otnoshenii” [Problem of the German prisoners of war in the light of the modern Russian-German relations]. In *Vekhi rossiisko-germanskikh otnoshenii (40–90-e gody XX veka): Materialy Mezhdunar. nauch. konf., g. Volgograd, 24–27 maya 200* [Milestones of Russian-German relations (1940–90s): Materials of international scientific conference, Volgograd, 24–27th May 2001], 127–133. Volgograd: Volgogradskii gosudarstvennyi universitet, 2001. (In Russian)

Obraztsova, E.V. “*The resocialization of German prisoners of war after their return from the USSR (1945–1955)*”, PhD thesis. Voronezh, 2017. (In Russian)

Petelin, B.V. “Deyatel'nost' Natsional'nogo komiteta ‘Svobodnaya Germaniya’ v istoricheskikh trudakh A.S. Blanka” [The activities of the National Committee for a Free Germany in the historical works of A.S. Blank]. In *Sbornik materialov rossiisko-germanskoi nauchno-prakticheskoi konferentsii. Moskva – Krasnogorsk 7–9 sentyabrya 1993 g. (seriya S-1)* [Collection of materials of the Russian-German scientific-practical conference (Moscow – Krasnogorsk 7–9th September 1993)], 123–129. Krasnogorsk, 1994. (In Russian)

Petelin, B.V. “Istoricheskaya germanistika v Vologde: predvaritel'nye itogi” [Historical Germanic studies in Vologda: Preliminary results]. In *Noveishaya istoriya Germanii. Trudy molodykh*

uchenykh i issledovatel'skie tsenry [The newest history of Germany. Proceedings of young scientists and research centers], 357–365. Moscow: KDU, 2007. (In Russian)

Petelin, B.V. “Plen i politika: KhDS/KhSS i problema nemetskikh voennoplennykh v 1945–1955 gg.” [Captivity and politics: CDU / CSU and the problem of German prisoners of war in 1945–1955]. In *Problemy voennogo plena: istoriya i sovremennost': Materialy Mezhdunarodnoi nauchno-prakticheskoi konferentsii (Vologda, 23–25 oktyabrya 1997 g.), ch. 2* [Problems of military captivity: History and modernity: Proceedings of the international scientific and practical conference (Vologda, 23–25th October 1997), vol. 2], 148–152. Vologda: Vologodskii institut povysheniya kvalifikatsii i perepodgotovki kadrov, 1997. (In Russian)

Petelin, B.V. “Vologda v zhizni i nauchnoi deyatel'nosti Aleksandra Ivanovicha Boroznyaka” [Vologda in the life and scientific work of Alexander Ivanovich Boroznyak]. In *Preodolenie proshlogo v Germanii i Rossii: opyt i uroki na budushchee (pamyati professora A.I. Boroznyaka): materialy Mezhdunarodnoi nauchnoi konferentsii (Lipetsk, 16–17 fevralya 2017. g.)* [Overcoming the past in Germany and Russia: Experience and lessons for the future (in memory of Professor A.I. Boroznyak): Materials of the international scientific conference (Lipetsk, 16–17th February 2017)], 23–30. Lipetsk: LSPU imeni P.P. Semenova-Tyan-Shanskogo, 2017. (In Russian)

Politicheskie povoroty v sovetско-germanskoi istorii: 1949–1989: Poiski. Nadezhdy. Sversheniya: Materialy mezhdunarodnogo nauchnogo seminara (Vologda, 6–7 oktyabrya 2009 g.) [Political Turns in Soviet-German History: 1949–1989: Searches. Hope. Accomplishments: Materials of the international scientific seminar (Vologda, 6–7th October 2009)]; edited by B.V. Petelin; compiled by E. Bauer, B.V. Petelin]. Vologda: Graffiti, 2010. (In Russian)

Razrushenie i vozrozhdenie v istorii Germanii i Rossii: Sbornik statei mezhdunarodnoi nauchnoi konferentsii (g. Tomsk, 23–25 sentyabrya 2009 g.); Seriya: “Germanskie issledovaniya v Sibiri”. Vyp. 7 [Destruction and revival in the history of Germany and Russia: Collection of articles of the international scientific conference (Tomsk, 23–25th September 2009); Series: ‘German Studies in Siberia’, iss. 7]. Tomsk: Tomskii universitet, 2010. (In Russian)

Ustanovlenie diplomaticheskikh otnoshenii mezhdu SSSR i FRG. Nemetskie voennoplennyye v SSSR: Materialy mezhdunarodnogo nauchnogo seminara (Vologda, 17–18 oktyabrya 2005 g.) [Establishment of diplomatic relations between the USSR and the FRG. German prisoners of war in the USSR: Proceedings of the international scientific seminar (Vologda, 17–18th October 2005)]. Vologda, 2006. (In Russian)

Vizit Kantslera Adenauera v Moskvu 8–14 sentyabrya 1955 g. Dokumenty i materialy [Visit of the Chancellor of Adenauer to Moscow on 8–14th September 1955 Documents and Materials]. Moscow: Prava cheloveka, 2005. (In Russian)

Za Germaniyu – protiv Gitlera! Dokumenty i materialy o sozdanii i deyatel'nosti Natsional'nogo komiteta “Svobodnaya Germaniya” i Soyuzа nemetskikh ofitserov [For Germany – against Hitler! Documents and materials on the creation and activities of the National Committee for a Free Germany and the German Officers League]. Krasnogorsk: Memorial Museum of German anti-fascists, 1993. (In Russian)

HISTORIA

Provinciae

2018 · Vol. 2 · № 3

РЕЦЕНЗИИ

REVIEWS

DOI 10.23859/2587-8344-2018-2-3-6

УДК 930.23(477)

Баранов Андрей Владимирович

Доктор исторических наук, доктор политических наук,
профессор, Кубанский государственный университет
(Краснодар, Россия)
baranovandrew@mail.ru

Baranov Andrey

Doctor of Historical Sciences,
Doctor of Political Sciences, Professor, Kuban State University
(Krasnodar, Russia)
baranovandrew@mail.ru

**Актуальное исследование мифотворчества
в украинской историографии и публицистике*****Actual Study of Myth-making in Ukrainian Historiography and Publicism**

Аннотация. Автор рецензирует монографию А.В. Ставицкого «Национально-исторический миф Украины» (Севастополь: Рибэст, 2015. 748 с.). Подчеркивается актуальность теоретического исследования мифотворчества в национальной историографии Украины. Определены концептуальные основания мифологизации исторического знания, роль мифологии в конструировании идентичности и перекодировке сознания. Выявлены назначение, принципы и особенности украинской мифоистории. Уделено внимание версиям происхождения Украины, процессам исторического выбора Украины между Западом и Востоком, национально-историческому образу Украины.

Ключевые слова: миф, мифотворчество, Украина, историография, публицистика, конструирование идентичности, национализм, критика.

* Для цитирования: Баранов А.В. Актуальное исследование мифотворчества в украинской историографии и публицистике // *Historia Provinciae – Журнал региональной истории*. 2018. Т. 2. №3. С. 173–191. DOI: 10.23859/2587-8344-2018-2-3-6

For citation: Baranov, A. “Actual Study of Mythfoft in Ukrainian Historiography and Publicism”. *Historia Provinciae – The journal of regional history*, vol. 2, no. 3 (2018): 173–91, <https://doi.org/10.23859/2587-8344-2018-2-3-6>

© Баранов А.В., 2018

© Baranov A., 2018

Abstract. The author reviews A.V. Stavitsky's monograph 'National Historical Myth of Ukraine' (Sevastopol: Ribest, 2015. 748 p.). The topicality is emphasized for the theoretical study of myth-making in the national historiography of Ukraine. The conceptual framework of mythologization regarding historical knowledge, the role of mythology in construction of identity and the recoding of consciousness are defined. The purpose, principles and features of the Ukrainian mytho-history are revealed. Attention is paid to various versions on origin of Ukraine, the processes of Ukraine's historical choice between East and West, the national-historical image of Ukraine.

Keywords: myth, myth-making, Ukraine, historiography, non-fiction, construction of identity, nationalism, criticism

Введение

Актуальность темы монографии А.В. Ставицкого, кандидата философских наук, доцента кафедры истории и международных отношений МГУ имени М.В. Ломоносова в г. Севастополе, очевидна. Давно прошли времена, когда позитивисты наивно декларировали «смерть мифа» и полную рационализацию исторического знания. Современная историография признала, что и научные, и обыденные оценки прошлого всегда обусловлены картиной мира, мировоззрением тех или иных обществ в целом либо социальных групп. В данных социокультурных феноменах неизбежно существует мифологический компонент – иррациональные, синкретичные, ценностно ориентирующие представления о мире, в том числе – исторические¹. Мифы, как резонно пишет А.В. Ставицкий, «не анализируют, не оценивают, критически не обсуждают. Их только соблюдают и культивируют, даже этого не замечая»².

Мы уточним, что разделяем социально-конструктивистскую парадигму (П. Бергер, Т. Лукман) применительно к анализу исторического знания³. Данная позиция позволяет выявить в мифологизации прошлого черты исторической политики – преднамеренного искажения реальности в целях борьбы за власть, контроля над общественным сознанием. По определению В.Э. Молодякова, в основе исторической политики – «базовый сюжет, зачастую приобретающий характер мифа ... Это некая ось, вокруг которой вращается или, по крайней мере, должно вращаться историческое сознание подданных и всё, что его форми-

¹ Cassirer E. The philosophy of symbolic forms. Vol. 2: Mythical thought / transl. by R. Manheim; introductory note by Ch.W. Hendel. New Haven; London: Yale University Press, 1955. P. 23–25; Magoulick M. What is Myth? URL: <https://faculty.gcsu.edu/custom-website/mary-magoulick/defmyth.htm> (accessed: 09.08.2018); Segal R.A. Myth: a very short introduction. Oxford: Oxford University Press, 2004. P. 34.

² Ставицкий А.В. Национально-исторический миф Украины. Севастополь: Рибест, 2015. С. 18.

³ Бергер П., Лукман Т. Социальное конструирование реальности. Трактат по социологии знания. М.: Медиум, 1995. С. 239–261.

рует, включая преподавание истории и исторические исследования, хотя бы в той мере, в какой власть контролирует последние»⁴.

Кроме того, что мифология выступает неизбежным атрибутом самоорганизуемого массового сознания, мифология целенаправленно и расчётливо конструируется элитами – политическими и интеллектуальными⁵. В условиях информационного общества миф обретает качества «матрицы», в соответствии с которой формируются выгодные правящим элитам образы прошлого, настоящего и будущего, равно как и разрабатываются стратегии цивилизационного и идеологического контроля над сознанием. Посредством мифотворчества элиты конструируют идентичности, поддерживают или меняют ценностные смыслы обществ сообразно своим целям обретения и удержания власти.

Особенно важна историческая мифология для «периферийных» государств и народов, испытывающих острый комплекс неполноценности, стремящихся сублимировать своё второстепенное положение в мировой культуре, экономике, политике путём сочинения мифов о героическом прошлом. Такие смысловые конструкции опасны, поскольку они обеспечивают архаизацию массового сознания в дуальных категориях «свой – чужой», воспитывают радикальные и этнонационалистические установки поведения. В полной мере названные закономерности проявляются в случае мифотворчества в современной украинской историографии и публицистике⁶.

Основная часть

Рецензируемая монография А.В. Ставицкого весьма необычна и по своим задачам, и по структуре. Автор двадцать лет работает над темой украинского исторического мифотворчества, для чего, проживая в Севастополе до 2014 г., нужно было иметь немалое гражданское мужество. Замысел исследователя последовательно реализовался в нескольких монографиях, каждая из которых

⁴ Молодяков В.Э. Историческая политика и политика памяти // Исторические исследования в России: тенденции последних лет. III. М.: АИРО–XXI, 2012. С. 16.

⁵ Heehs P. Myth, History, and Theory // History and Theory. Middletown, 1994. Vol. 33. No. 1 (Feb.). P. 1–19; Coakley J. Mobilizing the Past: Nationalist Images of History // Nationalism and Ethnic Politics. London, 2004. Vol. 10. Is. 4. P. 531–560; Мосионжник Л.А. Технология исторического мифа. СПб.: Нестор-История, 2012. С. 11.

⁶ Cohen J. The Historian Whitewashing Ukraine's Past // The Foreign Policy. 2016. No. 5. The Foreign Policy Journal. URL: <https://foreignpolicy.com/2016/05/02/the-historian-whitewashing-ukraines-past-volodymyr-viatrovych/> (accessed: 09.08.2018); Himka J.-P. Interventions: Challenging the Myths of Twentieth-Century Ukrainian History. URL: <https://ukraineanalysis.wordpress.com/2011/08/07/interventions-challenging-the-myths-of-twentieth-century-ukrainian-history/> (accessed: 09.08.2018); Kappeler A. Ukraine and Russia: Legacies of the imperial past and competing memories // Journal of Eurasian Studies. Den Haag, 2014. Vol. 5. Is. 2. July. P. 107–115; Kuzio T. Competing Nationalisms, Euromaidan, and the Russian – Ukrainian Conflict // Studies in Ethnicity and Nationalism. London, 2015. Vol. 15. No. 1. P. 157–169.

раскрывает важный мифологизированный сюжет истории Украины – Переяславскую Раду⁷, российско-украинские отношения в эпоху Северной войны⁸, предательство И. Мазепы⁹, провозглашение независимости Украины в 1917 г. и «Голодомор» 1932–1933 гг.¹⁰, постсоветское нацистроительство¹¹, «нищету духа» украинских элит¹² и др. Автор подчеркивает свою верность междисциплинарному подходу, отдавая должное и философским, и историческим, и политическим аспектам украинского мифотворчества в их неразрывном взаимодействии. По его мнению, «занимаясь историей, мы в конечном итоге пытаемся понять не столько прошлое, сколько настоящее»¹³. Мифы наделяют конкретно-исторические события символическим значением. Для мифотворчества нужна не вся система фактов и процессов в их объективной детерминации, а только явления, актуальные для современного общества и пристрастным образом переосмысленные. Мифы – удобный материал для формирования и перекодирования исторической памяти общества, конструирования новых наций. Это делает мифы эффективным оружием информационных войн.

А.В. Ставицкий даёт определение мифоистории как целенаправленного воздействия на общественное мнение с целью добиться контроля над национальной идентичностью, приспособив прошлое к интересам правящих элит. Украинская мифоистория своеобразна тем, что она требует полностью разорвать исторически сложившиеся смысловые связи (представление об общих исторических корнях русских, украинцев и белорусов; положительную оценку воссоединения Украины с Россией; понимание исторической России как Отечества для малороссов – будущих украинцев и др.). Назначение украинской мифоистории резонно определено А.В. Ставицким в качестве:

- составной части системы контроля над сознанием украинцев;
- эффективного инструмента манипуляции, создающего новое пространство смыслов, над которым не властна научная логика;
- способа этнической и цивилизационной перекодировки, отказа от своих исторических корней, прикрываемого произвольной «подборкой» исторических фактов;

⁷ Ставицкий А.В. Переяславская Рада: опыт мифологической интерпретации. Севастополь: Рибэст, 2014.

⁸ Ставицкий А.В. Мифы Украины: Батуринская резня. Севастополь: Рибэст, 2012.

⁹ Там же.

¹⁰ Ставицкий А.В. Национально-исторический миф Украины. Севастополь: Рибэст, 2015.

¹¹ Ставицкий А.В. Украинская идентичность: общие подходы конструирования и мифологизации. Севастополь: Рибэст, 2013.

¹² Там же.

¹³ Ставицкий А.В. Национально-исторический миф Украины. Севастополь: Рибэст, 2015. С. 35.

– составной части украинского проекта нациестроительства, мотивированного на паразитическое существование за счёт российской цивилизации и принципиального её отрицания¹⁴.

Задачи украинской мифоистории – следующие, по мнению автора:

- взять под контроль поле ценностных смыслов, в котором создаётся идентичность жителей Украины;
- формировать новую идентичность украинцев через перекодировку их сознания и отторжения всего русского в истории страны;
- спланировать украинское общество вокруг общего горя («Голодомора») и образа вечного врага в лице России;
- переключить внимание общества с современных проблем на вопросы истории, оправдав тем самым кризисные явления настоящего;
- и, наконец, главная задача: доказать древность и исключительность, вечную отдельность украинского народа от русского, а на этой основе обосновать историческую легитимность украинской нации и украинского государства¹⁵.

Принципы украинской мифоистории благодаря государственному инициированию агрессивно пронизывают не только обыденное историческое сознание, но и профессиональную историческую науку. Эти принципы сводятся к тому, что:

- цель исторической науки – обслуживать далёкую от науки идеологическую доктрину, а не объективно выявлять и осмысливать исторические факты;
- используются фальсифицированные термины и смысловые подтасовки, что позволяет подгонять исторические события под желаемые трактовки и априорно заданные выводы;
- создаётся такая идеологическая среда, в которой невозможно сохранять научный плюрализм;
- источники используются некорректно и произвольно, интерпретируются вне исторического контекста, подгоняются под антирусскую направленность выводов.

Данные принципы позволяют сделать нормой исторической политики явно фантастические утверждения: будто вся история Руси и даже её имя – это принадлежность Украины, а украинцы якобы существуют издревле (в радикально-фарсовом варианте – начиная с эпохи неолита), а не с XVI в. Все достижения исторической России приписываются только украинцам, а «Московия» соотносится исключительно с насилием, варварством, азиатчиной¹⁶. На этой бездока-

¹⁴ Ставицкий А.В. Национально-исторический миф Украины. Севастополь: Рибест, 2015. С. 110–112.

¹⁵ Там же. С. 112, 139.

¹⁶ Таирова-Яковлева Т.Г. Мазепа. М.: Молодая гвардия, 2007. С. 223; Яковенко Н.Н. Нарис історії України з найдавніших часів до кінця XVIII століття. Київ: Критика, 2006.

зательной основе официальная украинская историография утверждает, что украинцы всегда были европейцами и не имели ничего общего с «тюркофинскими» москалями; украинская нация уже существовала в XVII в. и боролась за независимость; гетман И. Мазепа якобы не предатель, а вождь народно-освободительной революции; русские монархи (прежде всего – Пётр I) ненавидели Украину и любыми способами стремились поработить украинцев и русифицировать их¹⁷.

Таким образом, делает вывод А.В. Ставицкий, налицо «технологии обоснования того, чего не было, но в соответствии с этнической, социальной и психологической мотивацией обязательно должно быть»¹⁸. Всё это придает украинской мифоистории этноцентричный, а потому иррациональный и нелогичный характер. Применяемая доктрина содержательно основана на подмене смыслов, а технически – на фальсификациях фактов. В итоге посредством манипуляций производится «подмена смыслового поля, его направленности и заряженности, нацеливающей на цивилизационный разрыв русского пространства»¹⁹.

Особенности украинской мифоистории аргументированно видятся А.В. Ставицкому в несформированности самой украинской нации как субъекта развития, в отсутствии до распада СССР украинской независимой государственности в качестве единого политико-правового и социокультурного проекта. То, что сейчас называется Украиной, поочередно было частью Древнерусского государства, Великого княжества Литовского, Речи Посполитой, Османской империи, Российской империи, СССР. Это было полиэтничное и поликонфессиональное пространство, которое научно можно осмыслить только с позиций «перекрестной истории»²⁰, а не этноцентризма. Причём малороссы были разделены между несколькими государствами, не осознавая себя отдельной от великороссов, а тем более – единой нацией. О цивилизационной самостоятельности Украины говорить тем более не приходится. Ареал Украины – это типичная буферная зона, фронтир между православной, католической и исламской цивилизациями. Поэтому украинская мифоистория не сможет быть аргументом самостоятельного цивилизационного и геополитического проекта, а способна служить лишь инструментом идеологического контроля Запада над Украиной.

¹⁷ Політична історія України: Навчальний посібник / за ред. В.І. Танцюри. Київ: Академія, 2008.

¹⁸ Ставицкий А.В. Национально-исторический миф Украины. Севастополь: Рибест, 2015. С. 140, 141.

¹⁹ Там же. С. 145.

²⁰ Вендланд А.В. Україна транснаціональна: транснаціональність, трансфер культури, перехресна історія // Україна. Процеси націотворення / уряд. А. Каппелер; наук. ред. В. Маслійчук. Київ: К.І.С., 2011. С. 61–80.

Отмечает А.В. Ставицкий также «виктимность» украинской националистической историографии в отборе и трактовке событий прошлого²¹. Налицо определенное культивирование комплекса «народа-жертвы», болезненная фиксация на трагических фактах, пропаганда отречения от прежних идей славянского единства с целью сплотить нацию и воспитать ненависть к её врагам, самими же идеологами и сконструированными²².

Следовательно, украинская мифоистория не имеет отношения к исторической науке, а является технологией информационно-психологической войны²³, средством перекодирования исторической памяти общества и создания заново принципиально иной, антирусской этноцентричной общности. На время написания А.В. Ставицким серии монографий этот вывод выглядел лишь прогнозом, но сейчас он стал реальностью.

А.В. Ставицкий детально сравнивает версии происхождения Украины в национальной историографии, особо выделяя роль анонимного публицистического текста – «Истории русов» (конец XVIII в.)²⁴, а также работ И.П. Лысяка-Рудницкого²⁵ и М.С. Грушевского²⁶ в формировании «прокрустова ложа» мифоистории. Сопоставлены взгляды и второстепенных публицистов – М. Галычанца, Ю.М. Каныгина, Ю.А. Мыцька. Рассматриваются фальсификации археологического прошлого украинских земель (завышение уровня развития Трипольской и Черняховской культур, их приписывание исключительно «древним украинцам»). Особое внимание уделено выбору и обоснованию этнонима «Украина», его смысловому противопоставлению «Московии». Установлено, что формирование и рост популярности антироссийской доктрины «украинства» состоялись в Галиции, принадлежавшей тогда Австро-Венгерской империи, во второй половине XIX – начале XX вв. Позиция А.В. Ставицкого последовательна: до этого времени на «окраинных» землях жили не «украинцы», а русские люди, русские по языку и культуре, понимавшие свою принадлежность к Русскому миру, русской традиции и вере²⁷.

²¹ Ставицкий А.В. Национально-исторический миф Украины. Севастополь: Рибест, 2015. С. 166–179.

²² Субтельний О. Від советського до національного: тенденції в написанні історії України з 1991 року // Україна. Процеси націотворення / упоряд. А. Каппелер; наук. ред. В. Маслійчук. Київ: К.І.С., 2011. С. 31–38.

²³ Ставицкий А.В. Национально-исторический миф Украины. Севастополь: Рибест, 2015. С. 189–192.

²⁴ Історія русів. Київ: Радянський письменник, 1991. 318 с.

²⁵ Лысяк-Рудницкий І. Историчні есе. У 2-х т. Київ: Основи, 1994. Т. 1. XXIII, 530 с.

²⁶ Грушевский М.С. Иллюстрированная история Украины с приложениями и дополнениями. Донецк: ООО ПКФ БАО, 2006.

²⁷ Ставицкий А.В. Национально-исторический миф Украины. Севастополь: Рибест, 2015. С. 264.

Национально-исторический образ Украины анализируется А.В. Ставицким с позиций идентитарного подхода. Идентичность расценивается автором не как простая сумма самооценок индивидов и групп, а как проявление смысловой целостности сообщества (в данном случае – нации), насыщенное мотивациями и интересами, установками субъектов политики. В идентичности проявляется предназначение страны. Украинская же идентичность – это симулякр, причём малой исторической глубины. Социокультурный раскол Украины имеет цивилизационный характер. Украина, по мнению С. Хантингтона, – «расколота страна», бывшая часть исторической России²⁸.

В историческом ракурсе для успешной политики конструирования идентичности важно выбрать и закрепить в массовом сознании образы героев и «знаковых» событий, противопоставить им образ врага. Учитывая раскол самосознания украинцев и региональные различия, очевидно, что набор «западных» героев (Мазепа, Бандера и т.п.) навязан остальным местностям страны искусственно. И автор монографии доказывает, что такое шизофреническое состояние идентичности – логичное следствие характера общества. Нынешняя Украина, по его мнению, – эклектичное, иррациональное явление, способное существовать только с внешней помощью и за чужой счёт. Украинское государство неполноценно, оно работает как корпорация по утилизации страны²⁹. Поэтому ему и не нужна подлинная идентичность – быть самобытной, но неразрывной частью Русского мира.

Выводы

Исторический выбор Украины между Западом и Востоком, по мнению А.В. Ставицкого, разворачивается по широкому спектру альтернатив – между нацизмом и демократией, унитаризмом и федерализацией, униатством и православием, антирусским и русским началами, демократией и авторитаризмом и др. Реальный выбор Украины лежит между архаизацией и модернизацией, жёсткой моделью этноцентризма и признанием «единства множеств»³⁰. Но автор признаёт: Украина, быть может, в своём развитии уже перешла черту (к весне 2015 г., когда была опубликована монография), за которой данный выбор перестал существовать. Украина свой выбор сделала в пользу худшего варианта. И такой, как до 2014 г., она уже не будет никогда. Далее А.В. Ставицкий исследует противоречие между реальными потребностями украинского общества и мифологизируемыми потребностями его «элит» – этнократическими и одновременно декларирующими евроинтеграцию страны. Но очевидно, что Евро-

²⁸ Хантингтон С. Столкновение цивилизаций. М.: АСТ, 2003. С. 145.

²⁹ Ставицкий А.В. Национально-исторический миф Украины. Севастополь: Рибест, 2015. С. 453, 455.

³⁰ Там же. С. 467.

пейскому Союзу не нужна модернизированная, сильная, самобытная Украина. ЕС нужен плацдарм для экспансии на Восток, нужны рынки сбыта и сырье, дешёвая рабочая сила. Поэтому «евроинтеграция» – лишь флёр для прикрытия архаизации Украины, принудительного культивирования хуторских, глубоко провинциальных мифологем Запада страны. Жизнь на цивилизационном и геополитическом разломе чревата распадом Украины либо полной потерей ею самобытности, заимствованием чужих мифологем. Основой этого вызова автор считает непреодоленный кризис идентичности, отсутствие объединительных созидательных идей и общей стратегии развития. Единственным спасительным выходом из кризиса А.В. Ставицкий считает возврат Украины к своим русским истокам³¹.

В качестве замечаний можно отметить смысловые повторы в тексте, частое многословие. Автор, бесспорно, увлечён темой и глубоко исследовал её, но на периферии внимания остались (по крайней мере, в рецензируемой книге) материалы социологических опросов об исторической памяти и историческом самосознании украинского общества. Напрашивается вопрос: а были ли в постсоветской Украине до 2014 г. влиятельные исторические школы, которые противостояли экспансии агрессивного национализма? И если они были, то почему не смогли оказать весомого воздействия на историческое самосознание в критический момент выбора – с ноября 2013 по апрель 2014 гг.? Но это уже тема нового исследования...

Таким образом, автор монографии выполнил идейно целостное и последовательное исследование мифотворчества в украинской историографии и публицистике. Исследование – самобытное, написанное ярким, эмоциональным языком и в то же время, логически выверенное. Монография А.В. Ставицкого вносит важный вклад в современные исторические исследования украинского национализма, совершенствуя в основном теоретико-методологические аспекты анализа темы.

Introduction

The relevance of the monograph written by A.V. Stavitsky, candidate of philosophy, associate professor of the Department of history and international relations of

³¹ *Ставицкий А.В.* Национально-исторический миф Украины. Севастополь: Рибест, 2015. С. 676.

Lomonosov Moscow State University in Sevastopol, is obvious. Long gone are the days when positivists naively declared the ‘death of myth-making’ and the complete rationalization of historical knowledge. Modern historiography has recognized that both scientific and ordinary assessments of the past are always conditioned by the picture of the world, the worldview of certain societies on the whole or social groups. In these socio-cultural phenomena, there is inevitably a mythological component – irrational, syncretic, value-orientated, as well as historical ideas about the world¹. Myths, as A.V. Stavitsky reasonably writes, are not analysed, evaluated and not critically discussed. They are only observed and cultivated without even noticing it².

We will clarify that we share the socio-constructivist paradigm (Peter L. Berger, Thomas Lukman) in relation to the analysis of historical knowledge³. This position allows to reveal features of historical policy in the mythologization of the past – deliberate distortion of reality to fight for power and control over public consciousness. According to V. E. Molodyakov’s definition, historical policy rests upon on a basic story, which often assumes the character of a myth ... This is a kind of axis around which the historical consciousness of the subjects and everything that forms it, including teaching of history and historical research, at least to the extent that the power controls the latter, rotates or at any rate should rotate⁴.

Besides the fact that mythology is an inevitable attribute of self-organized mass consciousness, mythology is purposefully and prudently constructed by elites – political and intellectual⁵. In the context of the information society, a myth acquires the quality of a ‘matrix’, in accordance with which the images of the past, present and future are formed beneficial to the ruling elites, as well as strategies of civilizational and ideological control over consciousness are developed. By myth-making, elites build identities, maintain or change the value-based meanings of societies in accordance with their goals of gaining and retaining power.

¹ E. Cassirer, *The philosophy of symbolic forms, vol. 2: Mythical thought*, transl. by R. Manheim; introductory note by Ch.W. Hendel (New Haven; London: Yale University Press, 1955), 23–25; M. Magoulick, *What is Myth?*, <https://faculty.gcsu.edu/custom-website/mary-magoulick/defmyth.htm> (date of access: 09.08.2018); R.A. Segal, *Myth: a very short introduction* (Oxford: Oxford University Press, 2004), 34.

² A.V. Stavitsky, *National Historical Myth of Ukraine* (Sevastopol: Ribest, 2015), 18.

³ P. Berger and T. Lukman, *Social Construction of Reality. A Treatise on the Sociology of Knowledge* (Moscow: Medium, 1995), 239–61.

⁴ V.E. Molodyakov, "Historical Policy and Memory Policy", in *Historical Research in Russia: Recent Trends. III* (Moscow: AIRO-XXI, 2012), 16.

⁵ P. Heehs, "Myth, History, and Theory", *History and Theory*, vol. 33, no. 1 (Feb.) (1994): 1–19; J. Coakley "Mobilizing the Past: Nationalist Images of History", *Nationalism and Ethnic Politics*, vol. 10, is. 4 (2004): 531–60; L.A. Mosionzhnik, *Technology of the historical myth* (St Petersburg: Nestor-History, 2012), 11.

Historical mythology is especially important for the 'peripheral' countries and nations experiencing acute inferiority complex, seeking to sublimate their secondary position in the world culture, economy, politics by writing myths about their heroic past. Such semantic constructions are dangerous because they provide archaization of mass consciousness in the dual categories of 'friends and foes', bringing up radical and ethno-nationalist attitudes. The above-mentioned regularities are fully manifested in the case of myth-making in modern Ukrainian historiography and non-fiction⁶.

Main body

A.V. Stavitsky's monograph under review is very unusual both in terms of its tasks and structure. The author has been working on the theme of Ukrainian historical myth-making for twenty years, for which, whilst living in Sevastopol until 2014, it was necessary to have considerable civil courage. The researcher's plan was consistently implemented in several monographs, each revealing an important mythological plot of the history of Ukraine – the Pereyaslav Council⁷, Russian-Ukrainian relations in the era of the Great Northern War⁸, the betrayal of Ivan Mazepa⁹, the proclamation of Ukraine's independence in 1917 and the 'Holodomor' (famine) of 1932–33¹⁰, the nation-building in the post-Soviet space¹¹, the 'poverty of spirit' of Ukraine's elites¹², etc. The author emphasizes his loyalty to the inter-disciplinary approach, paying tribute to the philosophical, historical and political aspects of Ukrainian myth-making in their inextricable mutual influence. In his opinion, by studying history, we end up trying to understand not so much the past as the present¹³. Myths attach symbolic significance to specific historical events. For mythmaking, not all the systems of facts and processes in their objective determination are needed, however only the phenom-

⁶ J. Cohen, "The Historian Whitewashing Ukraine's Past", *The Foreign Policy*, no. 5 (2016), <https://foreignpolicy.com/2016/05/02/the-historian-whitewashing-ukraines-past-volodymyr-iviachuk/> (date of access: 09.08.2018); J.-P. Himka, *Interventions: Challenging the Myths of Twentieth-Century Ukrainian History*, <https://ukraineanalysis.wordpress.com/2011/08/07/interventions-challenging-the-myths-of-twentieth-century-ukrainian-history/> (date of access: 09.08.2018); A. Kappeler "Ukraine and Russia: Legacies of the imperial past and competing memories", *Journal of Eurasian Studies*, vol. 5, is. 2. July (2014), 107–15; T. Kuzio "Competing Nationalisms, Euromaidan, and the Russian – Ukrainian Conflict", *Studies in Ethnicity and Nationalism*, vol. 15, no. 1 (2015): 157–69.

⁷ A.V. Stavitsky, *Pereyaslav Council: Experience of Mythological Interpretation* (Sevastopol: Ribest, 2014).

⁸ A.V. Stavitsky, *Myths of Ukraine: Slaughtering in Baturyn* (Sevastopol: Ribest, 2012).

⁹ A.V. Stavitsky, *Myths of Ukraine: Mazepa* (Sevastopol: Ribest, 2012).

¹⁰ A.V. Stavitsky, *National Historical Myth of Ukraine* (Sevastopol: Ribest, 2015).

¹¹ A.V. Stavitsky, *Ukrainian Identity: General Approaches to Designing and Mythologizing* (Sevastopol: Ribest, 2013).

¹² A.V. Stavitsky, *Ukrainian 'Elite': Identity and Global Choice* (Sevastopol: Ribest, 2011).

¹³ A.V. Stavitsky, *National Historical Myth of Ukraine* (Sevastopol: Ribest, 2015), 35.

ena that are relevant to modern society and are reconsidered in a biased way. Myths represent convenient material for the formation and recoding of the historical memory of society, as well as building new nations. This makes myths an effective weapon in information wars.

A.V. Stavitsky defines mytho-history as purposeful influence on public opinion with a view to gain control over national identity, adapting the past to the interests of the ruling elites. The Ukrainian mytho-history is unique in the fact that it requires to sever ties completely that were shaped (the idea of the common historical roots of Russians, Ukrainians and Belarusians, positive assessment of the reunification of Ukraine with Russia, understanding of historical Russia as Little Russian Fatherland – future generations of Ukrainians, etc.). The designation of the Ukrainian mytho-history is reasonably determined by A.V. Stavitsky as:

- an integral part of the system of control over the consciousness of the Ukrainians;
- an effective instrument of manipulation, creating new space full of meanings, in relation to which scientific logic has no force;
- the way of ethnic and civilizational recoding, the rejection of its historical roots, covered up by an arbitrary ‘selection’ of historical facts;
- part of the Ukrainian project of nation-building, motivated by a ‘parasitic existence’ at the expense of Russian civilization and its fundamental denial¹⁴.

The tasks of the Ukrainian mytho-history are as follows, as per the author’s opinion:

- to take control of the array of value-based meanings, where the identity of the Ukrainian people is created;
- to form a new identity of the Ukrainians through recoding of their consciousness and rejection of all Russian in the history of the country;
- to unite the Ukrainian society around the common grief (‘Holodomor’) and Russia’s image of their eternal enemy;
- to shift the attention of the society from contemporary problems to the issues of history, thereby justifying the present-day crisis;
- and, finally, the main objective would be to prove their antiquity and exclusivity, the eternal separation of the Ukrainian people from the Russians, and on this basis, to justify the historical legitimacy of the Ukrainian nation and the Ukrainian state¹⁵.

The principles of the Ukrainian mytho-history, due to state-based triggering, aggressively permeate not only the ordinary historical consciousness, however also the professional historical science. These principles ‘boil down’ to the fact that:

¹⁴ A.V. Stavitsky, *National Historical Myth of Ukraine* (Sevastopol: Ribest, 2015), 110–12.

¹⁵ *Ibid*, 112, 139.

- the goal of historical science is to serve the ideological doctrine being far from science, and not to reveal and comprehend historical facts objectively;
- falsified terms and semantic manipulation are used, which makes it possible to adjust historical events to the desired interpretations and defined a priori insights;
- an ideological environment is created, where it is impossible to demonstrate scientific pluralism;
- sources are used incorrectly and arbitrarily, interpreted outside the historical context, adjusted to the anti-Russian orientation of the conclusions.

These principles allow making clearly fantastic statements as the norm of historical policy: as if the whole history of Rus and even its name is that of Ukraine, and the Ukrainians allegedly exist from ancient times (in the radical farce variant – from the Neolithic period), and not from the 16th century. All the achievements of historical Russia are attributed only to the Ukrainians, and “Muscovy” refers exclusively to violence, barbarism and Asiatic¹⁶. On this unproven basis, official Ukrainian historiography claims that the Ukrainians have always been Europeans and had nothing to do with the ‘Turkic-Finnish’ Muscovites; the Ukrainian nation already existed in the 17th century and fought for its independence; Hetman Ivan Mazepa was not a traitor, however leader of people’s liberation revolution; Russian monarchs (first of all – Peter the Great) hated Ukraine and by all means tried to enslave the Ukrainians and rus-sify them¹⁷.

Thus, A.V. Stavitsky concludes, there is a technology of justifying what has never happened, but in accordance with ethnic, social and psychological motivation was meant to be¹⁸. All this makes the Ukrainian mytho-history ethnocentric, and therefore irrational and illogical. The used doctrine is substantively based on the substitution of meanings, and technically on falsification of facts. Because of manipulation, the semantic field is substituted, as well as its orientation and ‘state of charge’, aimed at the civilizational gap in the ‘Russian space’¹⁹.

The peculiarities of Ukrainian mythological history are argumentatively seen by A.V. Stavitsky in the unformed nature of the Ukrainian nation itself as a subject of development, in the absence of Ukrainian independent statehood before the collapse of the USSR as a single political, legal and socio-cultural project. What is now called Ukraine, alternately was part of the Ancient Russian State, the Grand Duchy of Lithuania, Rzeczpospolita, the Ottoman Empire, the Russian Empire and the USSR. It was a multi-ethnic and poly-confessional space, which can only be scientifically

¹⁶ T.G. Tairova-Yakovleva, *Mazepa* (Moscow: Young Guard, 2007), p. 223; N.N. Yakovenko, *Essay on the History of Ukraine from Ancient Times to the end of the 18th century* (Kiev: Kritika, 2006).

¹⁷ *Political History of Ukraine: Textbook*, ed. by V.I. Tancyura (Kiev: Академія, 2008).

¹⁸ A.V. Stavitsky, *National Historical Myth of Ukraine* (Sevastopol: Ribest, 2015), 140–41.

¹⁹ *Ibid*, 145.

understood from the standpoint of ‘criss-cross history’²⁰, not ethnocentrism. And the Little Russians were divided between several states, not being aware of themselves living separately from Great Russia, and even more so – as a single nation. One cannot suggest civilizational independence of Ukraine at all. The area of Ukraine is a typical buffer zone, a frontier between Orthodox, Catholic and Islamic civilizations. Therefore, the Ukrainian mytho-history cannot be an argument of an independent civilizational and geopolitical project, however it can only serve as an instrument of ideological control of the West over Ukraine.

A.V. Stavitsky also notes the ‘victimization’ of Ukrainian nationalist historiography in the selection and interpretation of past events²¹. There is a definite cultivation of the ‘nation-victim’ feeling of inferiority, a painful fixation on the tragic facts, propaganda of renunciation of the former ideas of Slavic unity to unite the nation and cultivate hatred for their enemies, constructed by the ideologists themselves²².

Consequently, the Ukrainian mytho-history has nothing to do with historical science; however it is a technology of information-psychological warfare²³, a means of recoding the historical memory of society and creating an entirely different, anti-Russian ethnocentric community. While A.V. Stavitsky was writing his series of monographs, this conclusion was only a prediction, however now it has become a reality.

A.V. Stavitsky compares in detail the versions of Ukraine’s origin in national historiography, specifically highlighting the role of an unattributed publicist text – ‘The History of the Russ’ (end of 18th century)²⁴, as well as the works of I.P. Lysyak-Rudnitskii²⁵ and M.S. Grushevskii²⁶ in the metaphor of the ‘Procrustean Bed’ in mytho-history. The views of the minor publicists – M. Galychanets, Yu.M. Kanygin, Yu.A. Mytsyk – are compared as well. The falsifications of the archaeological past of the Ukrainian territories (overestimation of level of development in Tripoli and the Chernyakhov cultures, their attribution exclusively to ‘ancient Ukrainians’) are considered. Attention is paid to the choice and justification of the ethnonym ‘Ukraine’

²⁰ A.V. Vendland, “Transnational Ukraine: Transnationalism, cultural transfer, cross-cultural history”, in *Ukraine. The Processes of Nation-building*, arranged by A. Kappeler; ed. V. Maslijchuk (Kiev: K.I.C., 2011), 61–80.

²¹ A.V. Stavitsky, *National Historical Myth of Ukraine* (Sevastopol: Ribest, 2015), 166–79.

²² O. Subtel'nii, " From Soviet to National: Trends in Writing History of Ukraine since 1991", in *Ukraine. The Processes of Nation-building*, arranged by A. Kappeler ; ed. by V. Maslijchuk (Kiev: K.I.C., 2011), 31–38.

²³ A.V. Stavitsky, *National Historical Myth of Ukraine* (Sevastopol: Ribest, 2015), 189–92.

²⁴ *History of Rus* (Kiev: Radyans’kii pis’mennik, 1991).

²⁵ Lysyak-Rudnitskii, I. *Istorichni ese V 2-h t.* [Historical Essays. In 2 vols.] (Kiiv: Osnovy, 1994, vol. 1).

²⁶ M.S. Grushevskii, *Illustrated History of Ukraine with Supplements and Additions* (Donetsk: OOO PKF BAO, 2006).

and its semantic opposition to ‘Muscovy’. It is established that the formation and growth of popularity of the anti-Russian doctrine of ‘Ukrainianness’ occurred in Galicia, which then belonged to the Austro-Hungarian Empire, in the second half of the 19th and early 20th centuries. A.B. Stavitsky’s position is consistent: until that time, it was not ‘Ukrainians’ who lived on the ‘outskirts’, however Russian people, Russians as per their language and culture, who understood their belonging to the Russian world, Russian tradition and faith²⁷.

The national historical image of Ukraine is analysed by A.V. Stavitsky from the position of identity approach. Identity is not regarded by the author as a simple sum of self-assessments of individuals and groups, however as manifestation of semantic integrity of the community (in this case, their nation), saturated with motivations and interests, as well as attitudes of politics players. In identity, the mission of the country is manifested. Ukrainian identity is a simulacrum, of a small historical depth. The sociocultural split of Ukraine has a civilizational character. According to Samuel Huntington, Ukraine is a ‘split country’, the former part of historical Russia²⁸.

From a historical perspective, for a successful identity-building policy, it is important to select and consolidate the images of heroes and ‘iconic’ events in the collective consciousness, to oppose them to the image of the enemy. Considering the split in the self-awareness of the Ukrainians and regional differences, it is obvious that the list of ‘Western’ heroes (Mazepa, Bandera, etc.) is imposed artificially upon the rest of the country. And the author of the monograph proves that such a schizophrenic state of identity is a logical consequence of the nature of the society. The current Ukraine, in his opinion, is an eclectic, irrational phenomenon that can exist only with external help and at someone else’s expense. The Ukrainian state is inferior; it works as a corporation for the utilization of the country²⁹. Therefore, it does not need a genuine identity – to be an original, but inseparable part of the Russian world.

Conclusion

The historical choice of Ukraine between East and West, according to A.V. Stavitsky, unfolds over a wide range of alternatives – between Nazism and democracy, unitarism and federalization, Uniatism and Orthodoxy, anti-Russian and Russian principles, democracy and authoritarianism, etc. The real choice of Ukraine lies between archaization and modernization, a rigid model of ethnocentrism and the recognition of the ‘unity of elements’³⁰. However, the author admits: Ukraine, perhaps, in its development has already crossed the line (by the spring of 2015, when the monograph was published), beyond which this choice ceased to exist. Ukraine has made its

²⁷ A.V. Stavitsky, *National Historical Mmyth of Ukraine* (Sevastopol: Ribest, 2015), 264.

²⁸ S. Huntington, *Clash of Civilizations* (Moscow: AST, 2003), 145.

²⁹ A.V. Stavitsky, *National Historical Myth of Ukraine*. (Sevastopol: Ribest, 2015), 453, 455.

³⁰ *Ibid*, 467.

choice in favour of the worst option. And it will never be the same again, as prior to 2014. Further, A.V. Stavitsky explores the contradiction between the real needs of Ukrainian society and the mythologized needs of its 'elites' – ethnocentric and at the same time declaring the country's European integration. However, it is obvious that the European Union does not need a modernized, strong and authentic Ukraine. The EU needs a springboard for expansion to the East, markets and raw materials and cheap labour. Therefore, 'euro integration' is just a 'vibe' for covering up the archaization of Ukraine, forcibly cultivated rural provincial mythology of the country. Life on a civilizational and geopolitical 'fault' is fraught with the collapse of Ukraine, or complete loss of its identity and borrowing other people's mythologies. The author considers the crisis of identity, lack of unifying creative ideas and the overall development strategy to be the basis of this challenge. A.V. Stavitsky considers Ukraine's return to its Russian origins the only salutary way out of the crisis³¹.

As a commentary, one might note the semantic repetitions in the text and frequent verbosity. The author is undoubtedly fascinated by the topic and has deeply investigated it, but on the periphery of attention there were (at least in the reviewed book) the materials of sociological surveys about the historical memory and historical self-consciousness of Ukrainian society. The question arises: were there any influential historical schools in post-Soviet Ukraine until 2014 that opposed the expansion of aggressive nationalism? And if so, why could not they have a significant impact on historical self-awareness at the crucial moment of choice – from November 2013 to April 2014? However, this would be the topic for a new study...

Thus, the author of the monograph carried out an ideologically holistic and consistent study of myth-making in Ukrainian historiography and non-fiction. The research is original, written in bright, emotional language and at the same time, is logically verified. A.V. Stavitsky's monograph makes an important contribution to modern historical studies of Ukrainian nationalism, improving mainly theoretical and methodological aspects to analyse the topic.

Список литературы

Бергер П., Лукман Т. Социальное конструирование реальности. Трактат по социологии знания. М.: Медиум, 1995. 323 с.

Вендланд А.В. Україна транснаціональна: транснаціональність, трансфер культури, перехресна історія // Україна. Процеси націотворення / упоряд. А. Каппелер; наук. ред. В. Маслійчук. Київ: К.І.С., 2011. С. 61–80.

Грушевский М.С. Иллюстрированная история Украины с приложениями и дополнениями. Донецк: ООО ПКФ БАО, 2006. 768 с.

Історія русів. Київ: Радянський письменник, 1991. 318 с.

Лисяк-Рудницький І. Історичні есе. У 2-х т. Київ: Основи, 1994. Т. 1. XXIII, 530 с.

³¹ A.V. Stavitsky, *National Historical Myth of Ukraine*. (Sevastopol: Ribest, 2015), 676.

- Молодяков В.Э.* Историческая политика и политика памяти // Исторические исследования в России: тенденции последних лет. III. М.: АИРО–XXI, 2012. С. 15–35.
- Мосионжик Л.А.* Технология исторического мифа. СПб.: Нестор-История, 2012. 415 с.
- Політична історія України: Навчальний посібник / за ред. В.І. Танцюри. Київ: Академія, 2008. 488 с.
- Ставицкий А.В.* Мифы Украины: Батуриная резня. Севастополь: Рибэст, 2012. 252 с.
- Ставицкий А.В.* Мифы Украины: Мазепа. Севастополь: Рибэст, 2012. 172 с.
- Ставицкий А.В.* Национально-исторический миф Украины. Севастополь: Рибэст, 2015. 748 с.
- Ставицкий А.В.* Переяславская Рада: опыт мифологической интерпретации. Севастополь: Рибэст, 2014. 124 с.
- Ставицкий А.В.* Украинская идентичность: общие подходы конструирования и мифологизации. Севастополь: Рибэст, 2013. 184 с.
- Ставицкий А.В.* Украинская «элита»: идентичность и глобальный выбор. Севастополь: Рибэст, 2013. 209 с.
- Субтельний О.* Від советського до національного: тенденції в написанні історії України з 1991 року // Україна. Процеси націотворення / упоряд. А. Каппелер; наук. ред. В. Маслійчук. Київ: К.І.С., 2011. С. 31–38.
- Таирова-Яковлева Т.Г.* Мазепа. М.: Молодая гвардия, 2007. 272 с.
- Хантингтон С.* Столкновение цивилизаций. М.: АСТ, 2003. 603, 5 с.
- Яковенко Н.Н.* Нарис історії України з найдавніших часів до кінця XVIII століття. Київ: Критика, 2006. 584 с.
- Cassirer E.* The philosophy of symbolic forms. Vol. 2: Mythical thought / translated by R. Manheim; introductory note by Ch.W. Hendel. New Haven; London: Yale University Press, 1955. 269 p.
- Coakley J.* Mobilizing the Past: Nationalist Images of History // Nationalism and Ethnic Politics. London, 2004. Vol. 10. Is. 4. P. 531–560.
- Cohen J.* The Historian Whitewashing Ukraine's Past // The Foreign Policy. 2016. No 5. The Foreign Policy Journal. URL: <https://foreignpolicy.com/2016/05/02/the-historian-whitewashing-ukraines-past-volodymyr-viatrovych/> (accessed: 09.08.2018).
- Heehs P.* Myth, History, and Theory // History and Theory. Middletown, 1994. Vol. 33, No. 1 (Feb.). P. 1–19.
- Himka J.-P.* Interventions: Challenging the Myths of Twentieth-Century Ukrainian History. URL: <https://ukraineanalysis.wordpress.com/2011/08/07/interventions-challenging-the-myths-of-twentieth-century-ukrainian-history/> (accessed: 09.08.2018).
- Kappeler A.* Ukraine and Russia: Legacies of the imperial past and competing memories // Journal of Eurasian Studies. 2014. Vol. 5. Is. 2. July. P. 107–115.
- Kuzio T.* Competing Nationalisms, Euromaidan, and the Russian-Ukrainian Conflict // Studies in Ethnicity and Nationalism. 2015. Vol. 15. No. 1. P. 157–169.
- Magoulick M.* What is Myth? URL: <https://faculty.gcsu.edu/custom-website/mary-magoulick/defmyth.htm> (accessed: 09.08.2018).
- Segal R.A.* Myth: a very short introduction. Oxford: Oxford University Press, 2004. 163 p.

References

Berger, P., and T. Lukman. *Social'noe konstruirovaniye real'nosti. Traktat po sociologii znaniya* [Social Construction of Reality. A Treatise on the Sociology of Knowledge]. Moscow: Medium, 1995. 323 p. (in Russian)

Cassirer, E. *The philosophy of symbolic forms*. Vol. 2: Mythical thought; translated by R. Manheim; introductory note by Ch.W. Hendel. New Haven; London: Yale University Press, 1955. 269 p.

Coakley, J. "Mobilizing the Past: Nationalist Images of History", *Nationalism and Ethnic Politics*, vol. 10, is. 4 (2004): 531–60.

Cohen, J. "The Historian Whitewashing Ukraine's Past", *The Foreign Policy*, no. 5 (2016). The Foreign Policy Journal. <https://foreignpolicy.com/2016/05/02/the-historian-whitewashing-ukraines-past-volodymyr-viatrovych/> (date of access: 09.08.2018).

Grushevskij, M.S. *Ilyustrirovannaya istoriya Ukrainy s prilozheniyami i dopolnennyami* [Illustrated History of Ukraine with Supplements and Additions]. Donetsk: OOO PKF BAO, 2006. 768 p. (in Ukrainian)

Huntington, S. *Stolknovenie civilizacij* [Clash of Civilizations]. Moscow: AST, 2003. 605 p. (in Russian)

Heehs, P. "Myth, History, and Theory", *History and Theory*. Middletown, vol. 33, no. 1 (Feb.) (1994): 1–19.

Himka, J.-P. *Interventions: Challenging the Myths of Twentieth-Century Ukrainian History*. <https://ukraineanalysis.wordpress.com/2011/08/07/interventions-challenging-the-myths-of-twentieth-century-ukrainian-history/> (date of access: 09.08.2018).

Istoriya rusiv [History of Ruses]. Kiev: Radyans'kii pis'mennik, 1991. 318 p. (in Ukrainian)

Kappeler, A. "Ukraine and Russia: Legacies of the imperial past and competing memories", *Journal of Eurasian Studies*, vol. 5, is. 2, July (2014): 107–15.

Kuzio, T. "Competing Nationalisms, Euromaidan, and the Russian-Ukrainian Conflict", *Studies in Ethnicity and Nationalism*, vol. 15, no. 1 (2015): 157–69.

Lysyak-Rudnitskii, I. *Istorighni ese V 2-h t.* [Historical Essays. In 2 vols.]. Kiiv: Osnovy, 1994, vol. 1. 530 p. (in Ukrainian)

Magoulick, M. "What is Myth?" <https://faculty.gcsu.edu/custom-website/mary-magoulick/defmyth.htm> (date of access: 09.08.2018).

Molodyakov, V.E. "Historical Policy and Memory Policy" *Historical Research in Russia: Recent Trends. III*, 15–35. Moscow: AIRO-XXI, 2012. (in Russian)

Mosionzhnik, L.A. *Tehnologiya istoricheskogo mifa* [Technology of a Historical Myth]. St Petersburg: Nestor-Istoriya, 2012. 415 p. (in Russian)

Politichna istoriya Ukraini: Navchal'nij posibnik [Political History of Ukraine: Textbook], edited by V.I. Tancyura. Kiev: Akademiya, 2008. 488 p. (in Russian)

Segal, R.A. *Myth: a very short introduction*. Oxford: Oxford University Press, 2004. 163 p.

Stavickii, A.V. *Mify Ukrainy: Baturinskaya reznya* [Myths of Ukraine: Slaughtering in Baturyn]. Sevastopol: Ribest, 2012. 252 p. (in Russian)

Stavickii, A.V. *Mify Ukrainy: Mazepa* [Myths of Ukraine: Mazepa]. Sevastopol: Ribest, 2012. 172 p. (in Russian)

Stavickii, A.V. *Nacional'no-istoricheskij mif Ukrainy* [National Historical Myth of Ukraine]. Sevastopol: Ribest, 2015. 748 p. (in Russian)

Stavickii, A.V. *Pereyaslavskaya Rada: opyt mifologicheskoi interpretacii* [Pereyaslav Council: Experience of Mythological Interpretation]. Sevastopol: Ribest, 2014. 124 p. (in Russian)

Stavickii, A.V. *Ukrainskaya 'elita': identichnost' i global'nyi vybor* [Ukrainian 'Elite': Identity and Global Choice]. Sevastopol: Ribest, 2013. 209 p. (in Russian)

Stavickii, A.V. *Ukrainskaya identichnost': obshie podhody konstruirovaniya i mifologizacii* [Ukrainian Identity: General Approaches to Designing and Mythologizing]. Sevastopol: Ribest, 2013. 184 p. (in Russian)

Subtel'nii, O. "From Soviet to National: Trends in Writing History of Ukraine since 1991", *Ukraine. The Processes of Nation-building*, arranged by A. Kappeler; edited by V. Maslijchuk, 31–38. Kiev: K.I.S., 2011. (in Russian)

Tairova-Yakovleva, T.G. *Mazepa* [Mazepa]. Moscow: Molodaya gvardiya, 2007. 272 p. (in Russian)

Vendland, A.V. "Transnational Ukraine: Transnationalism, cultural transfer, cross-cultural history", *Ukraine. The Processes of Nation-building*, arranged by A. Kappeler; edited by V. Maslijchuk, 61–80. Kiev: K.I.S., 2011. (in Ukrainian)

Yakovenko, N.N. *Naris istorii Ukraini z naidavnishih chasiv do kincya XVIII stolittya* [Essay on the History of Ukraine from Ancient Times to the end of the 18th century]. Kiev: Kritika, 2006. 584 p. (in Ukrainian)

HISTORIA

Provinciae

2018 · Vol. 2 · № 3

ХРОНИКА
НАУЧНОЙ ЖИЗНИ

CHRONICLE
OF SCIENTIFIC LIFE

Егоров Андрей Николаевич
Доктор исторических наук, доцент
Череповецкий государственный университет
(Череповец, Россия)
anegorov65@mail.ru

Egorov Andrei
Doctor of Historical Sciences, Associate Professor
Cherepovets State University
(Cherepovets, Russia)
anegorov65@mail.ru

**Новое исследование по истории российского либерализма:
рецензия на: Российский либерализм: идеи и люди / под общей редакцией
А.А. Кара-Мурзы. М.: Новое издательство, 2018.***

A New Study on the Russian Liberalism History

Фонд «Либеральная миссия» в партнерстве с «Новым издательством» подготовил новое, третье издание книги «Российский либерализм: идеи и люди». Первое издание вышло в 2004 году и включало 46 «интеллектуальных портретов» русских либералов XIX–XX веков: от графа М.М. Сперанского – до академика А.Д. Сахарова¹. Книга имела успех у читателей: в 2007 году, в год 90-летия Февральской революции, вышло второе, расширенное издание, которое включило в себя уже 96 имен и открывалось либералами «екатерининской эпохи» – гр. Н.И. Паниным, Н.И. Новиковым, гр. А.Р. Воронцовым².

За прошедшие с тех пор десять лет профессиональный и общественный интерес к отечественной либеральной традиции существенно вырос. Результатом

* Для цитирования: *Егоров А.Н.* Новое исследование по истории российского либерализма: рецензия на: *Российский либерализм: идеи и люди / под общей редакцией А.А. Кара-Мурзы.* М.: Новое издательство, 2018 // *Historia Provinciae – журнал региональной истории.* 2018. Т. 2. № 3. С. 193–197.

For citation: Egorov, A. “A New Study on the Russian Liberalism History.” Review of *Russian Liberalism: Ideas and People*, by A. Kara-Murza. *Historia provinciae – The journal of regional history*, vol. 2, no. 3 (2018): 193–97.

¹ Российский либерализм: идеи и люди / под ред. А.А. Кара-Мурзы. М.: Новое издательство, 2004.

² Российский либерализм: идеи и люди. 2-е изд. / под ред. А.А. Кара-Мурзы. М.: Новое издательство, 2007.

этого стал выход ряда изданий, среди которых выделяется, прежде всего, фундаментальная энциклопедия «Российский либерализм конца XVIII – начала XX вв.»³. Тексты выдающихся русских либеральных мыслителей широко представлены и в других крупнейших издательских проектах последних лет: «Библиотеке отечественной общественной мысли с древнейших времен до начала XX века» (рук. проекта А.Б. Усманов) и серии «Философия России первой половины XX века» (гл. ред. Б.А. Пружинин).

К настоящему времени усилиями, главным образом, фонда «Русское либеральное наследие» почти в 40 регионах России установлены мемориальные знаки выдающимся российским либералам, проведены Международные и Всероссийские конференции, посвященные М.М. Сперанскому, Н.М. Карамзину, Н.В. Станкевичу, Т.Н. Грановскому, А.А. Краевскому, А.И. Герцену, И.С. Аксакову, М.М. Стасюлевичу, В.О. Ключевскому, М.А. Стаховичу, С.В. Паниной, П.Б. Струве, А.В. Тырковой, Б.К. Зайцеву, Ф.А. Степуну, В.В. Вейдле. Разумеется, подобная работа стала возможной на основе большой исследовательской работы, в том числе в местных архивах.

Третье, существенно расширенное, издание книги «Российский либерализм: идеи и люди» вышло в двух томах под редакцией президента фонда «Русское либеральное наследие», доктора философских наук, заведующего отделом социальной и политической философии Института философии РАН, члена редакционной коллегии журнала «**Historia provinciae – журнал региональной истории**» Алексея Алексеевича Кара-Мурзы. Первый том посвящен XVIII–XIX вв., второй – XX в. В двух томах 46 ведущих исследователей российской политической мысли представили 130 статей, посвященных крупнейшим российским либералам прошлого. Расширяя проект, инициаторы имели в виду несколько принципиальных обстоятельств. В новом издании значительно шире представлен период генезиса отечественного либерализма в годы правлений Екатерины II и Александра I. В книге теперь дополнительно представлены очерки о крупнейших либеральных деятелях конца XVIII – начала XIX столетий: Д.И. Фонвизине, Д.А. Голицыне, С.Е. Десницком, Е.Р. Дашковой, П.В. Завадовском, С.П. Кочубее, П.А. Строганове, Д.А. Гурьеве, Н.С. Мордвинове.

В новый двухтомник вошли также очерки о выдающихся деятелях отечественной культуры и науки, чья жизнь (по крайней мере, крупные периоды жизни), а также многие принципиальные сочинения были теснейшим образом связаны с развитием отечественной либеральной традиции: Н.М. Карамзин, Н.В. Станкевич, И.С. Тургенев, С.Н. Трубецкой, М.И. Ростовцев, Б.К. Зайцев. Вопрос об отнесении того или иного исторического персонажа к либералам является в науке дискуссионным. Авторы исследовательского проекта исходили из

³ Российский либерализм конца XVIII – начала XX вв. Энциклопедия / отв. ред. В.В. Шелохаев. М.: РОССПЭН, 2010.

положения о том, что все представленные на страницах книги мыслители, политики, общественные и культурные деятели при всех различиях между собой стремились наметить наиболее органичные для России пути достижения единой либеральной цели – обретения «русской свободы», понимаемой в первую очередь как позитивная, творческая свобода личности.

Значительно расширено в новом издании и представительство той части российских либералов, которые связали свои имена с деятельностью крупнейших либеральных партий начала XX века (Н.Н. Кутлер, Ф.А. Головин, А.М. Коллюбакин, А.С. Изгоев, М.Г. Комиссаров). При этом дополнительный упор составителями и авторами двухтомника сделан на мало изученном пока направлении отечественной либеральной традиции, которое можно определить как «либеральный центризм» (очерки о К.К. Арсеньеве, А.И. Чупрове, И.И. Иванюкове, В.Ю. Скалоне, В.М. Голицыне, В.Д. Кузьмине-Караваеве, И.Н. Ефремове, А.М. Рыкачеве и др.). Представлены в издании и видные провинциальные либеральные деятели, чья жизнь и деятельность, как правило, были связаны с работой в органах земского и городского самоуправления. Так, член редколлегии журнала «*Historia provinciae – журнал региональной истории*» А.Н. Егоров подготовил статьи о лидере вологодских кадетов, видном земском деятеле В.А. Кудрявом, первом председателе Череповецкого уездного земства, депутате I Государственной думы А.Н. Попове и др.

Работа по изучению национального либерального наследия будет продолжена. Фонд «Либеральная миссия», в течение многих лет находящийся на переднем крае этой работы, рассчитывает на привлечение новых сторонников и новых авторов. Журнал «*Historia provinciae – журнал региональной истории*» планирует посвятить один из будущих номеров российской либеральной традиции.

The 'Liberalnaia Missiia' Foundation in partnership with the 'Novoe Izdatelstvo' Publishing House prepared a new, third edition of the book 'Russian Liberalism: Ideas and People'. The first edition was published in 2004 and included 46 'intellectual portraits' of Russian liberals of the 19th-20th centuries: from Count M.M. Speransky to Academician A.D. Sakharov.¹ The book was a success with the readers: in 2007, in the year of the 90th anniversary of the February Revolution, the second, expanded edi-

¹ *Russian Liberalism: Ideas and People*, ed. A.A. Kara-Murza (Moscow: Novoe izdatelstvo, 2004).

tion was published, which would include 96 names starting with the liberals of the 'Catherine-era' – Count N.I. Panin, N.I. Novikov, and Count A.R. Vorontsov.²

Over the ten years past from that moment, professional and public interest in the Russian liberal tradition has grown significantly. The result of this was several publications, among which the fundamental encyclopedia 'Russian Liberalism of the late 18th – early 20th Centuries'³ stands out. The texts of the outstanding Russian liberal thinkers are widely represented in other major publishing projects of the recent years: 'The Library of Russian Public Thought from the Ancient Times to the Beginning of the 20th Century' (the leader of the project is A.B. Usmanov) and the series 'Russian Philosophy of the First Half of the 20th Century' (Editor-in-Chief is B.A. Pruzhinin).

By now, mainly with the efforts of the 'Russkoe Liberalnoe Nasledie' Foundation, the memorial plaques for the outstanding Russian liberals have been installed in almost 40 regions of Russia, as well as international and all-Russian conferences have been held, dedicated to M.M. Speransky, N.M. Karamzin, N.V. Stankevich, T.N. Granovsky, A.A. Krayevsky, A.I. Herzen, I.S. Aksakov, M.M. Stasyulevich, V.O. Klyuchevsky, M.A. Stakhovich, S.V. Panina, P.B. Struve, A.V. Tyrkova, B.K. Zaitsev, F.A. Stepun, and V.V. Weidlé. It goes without saying, such work became possible based on the extensive research work, including that in the local archives.

The third, significantly expanded edition of the book 'Russian liberalism: Ideas and People' was published in two volumes edited by Aleksei Alekseevich Kara-Murza, President of the 'Russkoe Liberalnoe Nasledie' Foundation, Doctor of Philosophy, Head of the Department of Social and Political Philosophy of RAS Institute of Philosophy, and a member of the editorial board of 'Historia provinciae – the journal of regional history'. The first volume is dedicated to the 18th-19th centuries, whereas the second – to the 20th century. In two volumes, 46 leading researchers of the Russian political thought presented 130 articles on the most outstanding Russian liberals of the past. Whilst expanding the project, the initiators had several principal circumstances in mind. The new edition represents the period of the Russian liberalism genesis during the reign of Catherine II and Alexander I much broader. Now the book additionally represents essays on the major liberal figures of the late 18th – early 19th centuries: D.I. Fonvizin, D.A. Golitsyn, S.E. Desnitsky, E.R. Dashkova, P.V. Zavadovsky, S.P. Kochubei, P.A. Stroganov, D.A. Guryev, and N.S. Mordvinov.

The new two-volume book also includes essays on the outstanding figures of Russian culture and science, whose life (at least large periods of life), as well as many key works, were closely related to the development of the national liberal tradition: N.M. Karamzin, N.V. Stankevich, I.S. Turgenev, S.N. Trubetskoy, M.I. Rostovtsev,

² *Russian Liberalism: Ideas and People*. 2-nd ed., ed. A.A. Kara-Murza (Moscow: Novoe izdanie, 2007).

³ *Russian Liberalism of the late 18th – early 20th centuries. Encyclopedia*, Chief ed. V.V. Shelokhaev (Moscow: ROSSPEN, 2010).

B.K. Zaitsev. The question of assigning a historical character to liberals is debatable in science. The authors of the research project proceeded from the proposition that all the thinkers, politicians, public figures and cultural figures represented on the pages of the book, with all the differences among themselves, sought to outline the most organic ways for Russia to achieve a single liberal goal: to acquire ‘Russian freedom’, which was understood in the first place as a positive, creative freedom of the individual.

The new edition also significantly expands representation of the Russian liberals who linked their names to the activities of the largest liberal parties of the early 20th century (N.N. Kutler, F.A. Golovin, A.M. Kolyubakin, A.S. Izgoyev, M.G. Komissarov). At the same time, the compilers and the authors of the two-volume book put additional emphasis on the trend of the national liberal tradition that has not been much studied so far and which can be defined as ‘liberal centrism’ (essays on K.K. Arseniev, A.I. Chuprov, I.I. Ivanyukov, V.Yu. Skalon, V.M. Golitsyn, V.D. Kuzmin-Karavaev, I.N. Efremov, A.M. Rykachev, and others). The publication also represents prominent provincial liberal figures, whose life and activities, as a rule, were associated with their work in local administrations of zemstvo and cities. Thus, a member of the editorial board of ‘Historia provinciae – the journal of regional history’ A.N. Egorov prepared articles devoted to the leader of the Vologda Cadets, the prominent figure of zemstvo V.A. Kudryavy, the first chairman of the zemstvo of Cherepovets uyezd, the deputy of the First State Duma, A.N. Popov, and others.

The work on studying the national liberal heritage will be continued. The ‘Liberalnaia Missiia’ Foundation, which for many years has been at the forefront of this work, is looking forward to attracting new supporters and prospective authors. ‘Historia provinciae – the journal of regional history’ is intending to dedicate one of the coming issues to the Russian liberal tradition.

Старостин Сергей Игоревич

Начальник отдела комплектования,
публикации и использования документов казенного
архивного учреждения Вологодской области,
Вологодский областной архив новейшей политической истории
(Вологда, Россия)

vol_star@mail.ru

Starostin Sergei

Head of the Department for acquisition, publication and use
of documents of the public archival institution
of the Vologda region, 'Vologda Regional Archive of Contemporary Political History'
(Vologda, Russia)
vol_star@mail.ru

**Презентация новой книги по истории плена и интернирования
Второй мировой войны на Европейском Севере СССР***

**Presentation of a New Book on the History of Captivity and Internment
during World War II in the European North of the USSR**

Материал подготовлен при финансовой поддержке РФФИ, проект № 18-09-00554 «Органы внутренних дел в контексте взаимоотношений власти и общества России в XX веке (на материалах Европейского Севера)»

The material is prepared with the financial support of the Russian Foundation for Basic Research, project No. 18-09-00554 'Internal affairs agencies in the context of relationships between the authorities and the society in Russia in the 20th century (on the materials of the European North)'

5 июня 2018 года в Вологодской областной универсальной научной библиотеке состоялась презентация книги «Архипелаг ГУПВИ на Европейском Севере СССР (1939–1949 гг.)» доктора исторических наук, профессора кафедры фило-

* Для цитирования: *Старостин С.И.* Презентация новой книги по истории плена и интернирования Второй мировой войны на Европейском Севере СССР // *Historia Provinciae – Журнал региональной истории.* 2018. Т. 2. № 3. С. 198–203.

For citation: Starostin, S. "Presentation of a New Book on the History of Captivity and Internment during World War II in the European North of the USSR". *Historia provinciae – The journal of regional history*, vol. 2, no. 3 (2018): 198–203.

софии и истории Вологодского института права и экономики Федеральной службы исполнения наказаний А.Л. Кузьминых. Александр Леонидович – автор и соавтор более двухсот научных и научно-популярных работ по истории военного плена периода Второй мировой войны, органов внутренних дел и уголовно-исполнительной системы советского государства. Новая монография ученого вышла в 2017 году в издательстве «РОССПЭН» в серии «История сталинизма».

Фото с презентации

Данная книга стала обобщающим трудом автора по истории лагерной системы Главного управления по делам военнопленных и интернированных НКВД-МВД СССР на Европейском Севере России с 1939 по 1949 годы. Во введении автором подробно проанализирована отечественная и зарубежная историография советского плена Второй мировой войны, показан вклад вологод-

ских историков, в первую очередь, А.С. Бланка и В.Б. Конасова в изучение судеб иностранных военнопленных в СССР.

В основу книги положены документы 10 центральных и местных архивов, в том числе Государственного архива Российской Федерации, Российского государственного военного архива, Военно-медицинского музея Министерства обороны РФ, Государственного архива Архангельской области, Государственного архива Вологодской области, архива Управления Министерства внутренних дел Российской Федерации по Архангельской области, архива Управления Министерства внутренних дел Российской Федерации по Вологодской области, Вологодского областного архива новейшей политической истории, архива Управления Федеральной службы безопасности Российской Федерации по Вологодской области, Вологодского государственного историко-архитектурного и художественного музея заповедника.

Ценными источниками при подготовке книги стали материалы личного происхождения: письма, рисунки, а также воспоминания бывших военнопленных и сотрудников лагерей. В ходе исследования автор активно обращался к периодической печати военного времени. В книге представлен богатый иллюстративный материал: карты и схемы дислокации лагерей и захоронений военнопленных и интернированных, фотографии из архивных и музейных фондов, а также личного архива бывшего военнопленного лагеря № 150 Гюнтера Шлёцера.

Структура книги включает пять глав. В первой главе изучено правовое регулирование режима военного плена с древнейших времен до современности, охарактеризовано советское законодательство в области военного плена и показаны особенности его реализации в условиях Европейского Севера СССР. Во второй главе рассмотрен процесс формирования и функционирования органов и учреждений военного плена и интернирования на Европейском Севере в годы Второй мировой войны и после ее завершения.

В третьей главе проанализирована организация жизнеобеспечения и трудового использования военнопленных на Европейском Севере СССР. В частности, показаны влияние климатического фактора на положение «узников войны», формирование лагерной инфраструктуры, организация режима и охраны, продовольственное и вещевое обеспечение, деятельность подсобных хозяйств, вклад военнопленных и интернированных в развитие экономики региона, медико-санитарное обслуживание и смертность лагерного контингента.

Четвертая глава раскрывает особенности существования лагерного социума: психологию военнопленных и феномен лагерной культуры, политическую и культурно-массовую работу, оперативно-следственные мероприятия и судебные процессы над военнопленными, взаимоотношения пленных с лагерным персоналом и местным населением, репатриацию военнопленных и их реинте-

грацию в послевоенное общество. Наконец, пятая глава посвящена захоронениям иностранных военнопленных на Европейском Севере России. К тексту прилагаются более 70 таблиц, в которых представлен обширный статистический материал по различным аспектам исследования.

На презентации присутствовали преподаватели, студенты и курсанты вузов города Вологды, краеведы и журналисты, а также вологжане, интересующиеся историей Второй мировой войны и ее последствиями. В заключительной части презентации автор монографии ответил на вопросы присутствующих, а также поделился своими планами о перспективах дальнейшего изучения истории советского плена и интернирования.

On 5 June 2018, the presentation of the book ‘The GUPVI Archipelago in the European North of the USSR (1939–1949)’ by A.L. Kuzminykh, Doctor of Historical Sciences, Professor of Philosophy and History Department of the Vologda Institute of Law and Economics, Federal Penitentiary Service of Russia took place at the Vologda Regional Universal Scientific Library. Alexander Leonidovich is the author and the co-author of more than two hundred scientific and popular scientific works on the history of military captivity during World War II, internal affairs agencies and the correctional system of the Soviet state. A new monograph by the scientist was published in 2017 in the ‘History of Stalinism’ series of ROSSPEN Publishing House.

This book has become the author’s general work on the history of the camp system of the Main Administration for Affairs of Prisoners of War and Internees (GUPVI) of the NKVD-MIA of the USSR in the European North of Russia from 1939 to 1949. In the introduction, the author analyzed in detail the national and foreign historiography of the Soviet captivity during World War II and showed the contribution of the Vologda historians, A.S. Blank and V.B. Konasov, first and foremost, in the study of the fate of foreign prisoners of war in the USSR.

The book is based on the documents from ten central and local archives, including the State Archive of the Russian Federation, the Russian State Military Archive, the Military Medical Museum of the Ministry of Defense of the Russian Federation, the State Archive of Arkhangelsk Region, the State Archives of Vologda Region, the Archives of the Administration of Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation for Arkhangelsk region, the Archives of the Administration of Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation for Vologda region, the Vologda Regional Archives of the contemporary political history, the Archives of the Administration of

the Federal Security Service of the Russian Federation for the Vologda Region, the Vologda State Historical, Architectural and Art Museum and Reserve.

Photo from the presentation

Valuable sources in the preparation of the book were some personal materials: letters, drawings, as well as memories of former prisoners of war and camp staff. During the study, the author actively appealed to the periodical press of the wartime. The book contains a rich illustrative material: maps and diagrams of the dislocation of camps and graves of prisoners of war and internees, photographs from archival and museum funds, as well as the personal archive of former prisoner of war of camp No. 150 Günther Schlözer.

The structure of the book includes five chapters. In the first chapter, the legal regulation of the military captivity regime from ancient times to the present has been studied, the Soviet legislation in the field of military captivity has been described and

the features of its implementation under the conditions of the European North of the USSR have been shown. The second chapter examines the process of formation and functioning of bodies and institutions of military captivity and internment in the European North during and after World War II.

The third chapter analyzes the maintenance of life and employment of prisoners of war in the European North of the USSR. It shows influence of the climate factor on the situation with the prisoners of war, formation of the camp infrastructure, organization of the regime and protection, food and clothing supplies, activities of subsidiary farms, contribution of prisoners of war and internees to the development of the region's economy, health services and mortality among the camp population.

The fourth chapter reveals the peculiarities of existence of the camp community: psychology of prisoners of war and the phenomenon of camp culture, political and cultural work, operational and investigative measures and trials in relation to the prisoners of war, the relations of prisoners with the camp staff and the local population, the repatriation of prisoners of war and their reintegration into the post-war society. Finally, the fifth chapter is devoted to the burial of foreign prisoners of war in the European North of Russia. The text is supplemented by more than 70 tables, which provide extensive statistical material on various aspects of the study.

The presentation was attended by teachers, students and cadets of the universities in Vologda, local historians and journalists, as well as Vologda citizens interested in the history of World War II and its consequences. In the final part of the presentation, the author of the monograph answered the questions of those present and shared his plans study regarding the history of the Soviet captivity and internment.

ТРЕБОВАНИЯ К СТРУКТУРЕ И ОФОРМЛЕНИЮ РУКОПИСЕЙ

1. Общие требования к содержанию статей

1.1. К публикации в журнале принимаются статьи, представляющие результаты оригинальных научных исследований, заметки, сообщения, а также историографические обзоры и рецензии на новейшие отечественные и зарубежные исследования по проблемам истории и политических наук.

1.2. Журнал печатает только оригинальные научные работы, ранее нигде не публиковавшиеся и не содержащие некорректных или чрезмерных заимствований.

1.3. Присылаемые материалы должны соответствовать тематике журнала, представленной следующими направлениями:

- исторические науки,
- политические науки.

1.4. Присылаемые материалы должны отличаться научной новизной и фундаментальностью. Это предполагает наличие в статье историографического обзора.

В соответствии с международными стандартами подготовки публикаций библиографический список должен включать не менее 20 наименований, рекомендуемые из которых примерно треть – зарубежные издания. Предпочтительно обращение к журналам, входящим в международные наукометрические базы данных (Scopus, Web of Science).

1.5. Рукописи, которые не соответствуют тематике журнала или подготовлены без учета требований журнала по их оформлению, не рассматриваются на предмет публикации.

1.6. При написании статьи авторам следует придерживаться правил и требований российских и международных ассоциаций и организаций: АНРИ (Ассоциация научных издателей и редакторов), ВАК (Высшая аттестационная комиссия), COPE (Committee on Publication Ethics), ORI (the Office of Research Integrity), CSE (Council of Science Editors) и EASE (European Association of Science Editors).

2. Общие требования к оформлению статей

2.1. Рукописи следует предоставлять в формате .doc (Word 1997–2003) или .docx

2.2. Рекомендуемый объем предоставляемой к публикации статьи – 1 п.л. (40 000 знаков с пробелами).

2.3. Параметры страницы: 210 x 297 мм (формат А4), ориентация книжная. Поля страницы – все по 20 мм. Шрифт обычный, Times New Roman. Размер шрифта: 12 пунктов в основном тексте, 10 пунктов в сносках. Междустрочный интервал: полуторный. Текст без автоматической расстановки переносов. Название статьи: полужирным шрифтом по центру страницы. Нумерация страниц внизу справа.

2.4. Текст рукописи предоставляется в виде единого файла. Рукопись условно делится на два блока: первый – включает УДК, информацию об авторе, название статьи, аннотацию, ключевые слова, текст статьи, список использованной литературы; второй – полностью на английском, включает сведения об авторе, название статьи, аннотацию (необязательно), ключевые слова (необязательно), список использованной литературы (References).

3. Структура и правила оформления рукописи

3.1. Информация о (КАЖДОМ!) авторе статьи: ФИО автора – полностью, ученая степень (если имеется), ученое звание (если имеется), должность, место работы/учебы (полностью), страна, город, индекс, улица, номер дома организации, контактный телефон автора, e-mail, идентификатор ORCID (смотри подробнее: <http://orcid.org/>).

Сведения приводятся на русском и английском языках.

3.2. УДК и название статьи (название статьи на русском и английском языках).

3.3. Аннотация объемом 400–600 печатных знаков должна быть информативной и содержательной (т.е. максимально точно отражать содержание статьи, ее структуру и выводы). Аннотация приводится на русском и английском языках.

3.4. Ключевые слова (8–10 слов). Ключевые слова должны способствовать поиску статьи в электронных системах. Приводятся на русском и английском языках.

3.5. Информация о финансировании и благодарности (гранты, спонсоры, посвящения и проч.). Приводится на русском и английском языках.

3.6. Текст статьи. В статье должны быть выделены следующие структурные элементы:

- а) введение;
- б) основная часть;
- с) выводы.

3.7. Список литературы.

4. Правила оформления графических данных

4.1. Рисунки, таблицы, схемы, графики и проч. должны быть обязательно пронумерованы, иметь название и помещаться в печатное поле страницы. Ссылки на рисунки, таблицы, схемы, графики в основном «теле» статьи обязательны.

4.2. Все авторские выделения в тексте статьи – только курсивом (жирный шрифт или подчеркивание не допускаются).

4.3. В связи со сложностью издания графических материалов Редакционная коллегия оставляет за собой право изъять их из текста.

5. Правила оформления сносок

5.1. Сноски оформляются постранично 10 кеглем (Автор. Название. Место издания, издательство, год издания, страница(ы) / лист) внизу при помощи продолжающихся номерных сносок (т.е. по всей статье сквозная нумерация сносок).

Цифра – обозначение сноски в тексте – ставится в конце предложения перед точкой или иным знаком препинания, обозначающим конец предложения.

Постраничные примечания оформляются в соответствии с ГОСТ Р 7.0.5-2008.

При ссылке на электронные ресурсы в конце добавляются точная ссылка на интернет-ресурс и дата обращения к нему.

Если источником является архивный документ, то сначала следует название архива без сокращений, далее в скобках – аббревиатура. Фонд. Опись. Дело. Лист. При повторной ссылке на документы из этого же архива для его названия используется только аббревиатура.

Если на данной странице упоминание об этой работе уже сделано, то используются общепринятые указатели: Там же (Ibid); Он же (Idem). При повторном обращении к той же работе того же автора следует указывать: Автор. Указ. соч. (Op. cit.).

Последовательность информации в ссылках:

- для книг – фамилия и инициалы автора, полное название книги, место издания, издательство, год издания, том или выпуск (если есть) и страница, на которую ссылается автор:

Глебов С. Евразийство между империей и модерном. История в документах. М.: Русский путь, 2009. С. 27.

Stocking M.K. (ed.) The Journals of Claire Clairmont. 1814–1827. Cambridge, 1968. P. 325.

- для статей в периодических изданиях – фамилия и инициалы автора, название статьи, полное название журнала (сборника, газеты), год издания (для сборника – также место издания и издательство), том, номер (выпуск), первая и последняя страницы статьи, DOI (если имеется)

Старостина Т. Послеблокадный транзит. Дневник // Север. 2005. № 5–6. С. 127–133.

Cross A. English – A Serious Challenge to French in the Reign of Alexander I? // The Russian Review. 2015. Vol. 74. No. 1. Pp. 57–68. DOI: 10.1111/russ.10756

- для статей в неперіодических изданиях (книгах) – фамилия и инициалы автора, название статьи, полное название книги (сборника), место издания, издательство, год издания, первая и последняя страницы статьи;

Высочайше утвержденное Положение о губернских и уездных земских учреждениях от 1 января 1864 г. // ПСЗ. Собр. 2. Отд. 1. Т. XXXIX. СПб., 1867. № 40457. С.18–20.

- для тезисов и текстов докладов на конференциях (семинарах, симпозиумах) – фамилия и инициалы автора, название доклада, полное название сборника тезисов или трудов конференции, дата и место проведения конференции, том, номер (выпуск), страница (если в тексте представлена прямая цитата) и первая и последняя страницы тезисов или текста доклада (если идёт общее указание на источник)

Патрикеева О.А. Государственная дума Российской империи в пространстве Петербурга // Таврические чтения 2016. Актуальные проблемы парламентаризма: история и современность. Сборник научных статей / под ред. А.Б. Николаева. СПб., 2017. Ч. 1. С. 61.

Николаев А.Б. Предисловие // Таврические чтения 2007: Актуальные проблемы истории парламентаризма в России в начале XX века. Научно-практический семинар, С.-Петербург, Таврический дворец, 11 декабря 2007. Сборник научных статей / под ред. А.Б. Николаева. СПб., 2008. Ч. 1. С. 4–6.

- для источников из архивов – полное название архива, в скобках – аббревиатура, фонд, опись, дело, лист

Государственный архив Вологодской области (ГАВО). Ф. 366. Оп. 1. Д. 1188. Л. 3. (при первичном обращении)

ГАВО. Ф. 3105. Оп. 1. Д. 3. Л. 1об. (при вторичном обращении)

- для авторефератов и диссертаций – фамилия и инициалы автора, полное название, место защиты, год, страница

Вержбдловский М.В. Очерки истории гигиены воды в России и СССР (1700–1960 гг.): автореф. дис. ... д-ра мед. наук. Л., 1966. С. 7–8.

Васильевская О.В. История водоснабжения города Москвы в гигиеническом освещении: дис. ... д-ра мед. наук. М., 1952. С. 5.

- для электронных публикаций – фамилия и инициалы автора (если есть), название публикации, название ресурса (если есть), электронный адрес (URL), дата обращения

Boisbouvier Ch. Mali: le retour de la Françafrique? // RFI.fr. 23.07.2013. URL: <http://www.rfi.fr/afrique/20130722-mali-presidentielle-francafrique-hollande-fabius-traore-tiebile-d...> (accessed: 26.02.2014).

Лазарев Г. Французы уходят из Мали // Газета.ру. 06.02.2013. URL: http://www.gazeta.ru/politics/2013/02/06_a_4954773.shtml (дата обращения: 22.02.2014).

6. Правила оформления списка литературы

6.1. Список нумеруется и группируется по алфавиту, сначала – книги на русском языке, потом – на иностранных языках.

6.2. В список литературы включаются только научные работы (источники, издания энциклопедического и справочного характера в список литературы не включаются!). Приветствуется включение в список литературы статей по теме исследования, опубликованных в изданиях, входящих в международные БД Scopus и Web of Science.

Примеры оформления:

книги

Потемкина М.Н. Эвакуация в годы Великой Отечественной войны: люди и судьбы. Магнитогорск: МаГУ, 2002. 264 с.

Cross A.G. ‘By the Banks of the Neva’: Chapters from the Lives and Careers of the British in Eighteenth-century Russia. Cambridge: Cambridge University Press, 1997. 474 p.

Орлов А.С. и др. История России. М.: Проспект, 2009. 528 с.

диссертации и авторефераты

Арсланова Ч.Р. Эвакуированное и депортированное в Башкирскую АССР население в годы Великой Отечественной войны (1941–1945): автореф. дис. ... канд. ист. наук. Уфа, 2006. 25 с.

Исхакова Г.Р. Социальная политика Советского государства в годы Великой Отечественной войны (на материалах Башкортостана): дис. ... канд. ист. наук. Уфа, 2002. 147 с.

статьи в журнале

Куманев Г.А. Война и эвакуация в СССР. 1941–1942 годы // Новая и новейшая история. 2006. № 6. С. 7–27.

Solodyankina O.Yu. European widows as governesses in 18th and 19th-century Russia // Women's History Magazine. 2010. Is. 63. Pp. 19–26.

статьи в сборнике

Гулина Т.И. Рукописная книга Григория Бердяева из собрания Ярославского музея-заповедника // Память как механизм культуры в русском литературном процессе: материалы Всероссийской научной конференции с международным участием (Череповец, 12–14 марта 2014 г.). Череповец, ЧГУ, 2014. С. 150–157.

ссылки на электронные ресурсы оформляются по аналогии с предыдущими разделами, только в конце добавляется точная ссылка на интернет-ресурс и дата обращения к нему.

Stansfield G. Iraqi Kurdistan: political development and emergent democracy. Taylor & Francis e-library, 2003. URL: https://www.academia.edu/3271178/Iraqi_Kurdistan_Political_development_and_emergent_democracy (accessed: 04.10.2014).

При ссылке на электронные публикации (статьи или монографии) необходимо указывать полное название сайта.

7. Правила оформления раздела References

7.1. Список литературы на английском языке (References) оформляется в соответствии с английским алфавитом.

7.2. В раздел "References", как и в список литературы, включаются только научные статьи, диссертации, авторефераты, монографии. Все ссылки на источники оформляются в виде подстрочных сносок и не включаются в список литературы и References.

7.3. При транслитерации необходимо использовать стандарт BSI (British Standard Institute, UK). Для автоматической транслитерации текста в соответ-

вии со стандартом BSI можно воспользоваться ссылкой <http://ru.translit.ru/?account=bsi>.

7.4. При оформлении References используется стиль библиографического описания Chicago Manual of Style (17 ed., “Notes and Bibliography System”). Подробнее:

7.5. Список литературы в References должен быть написан только в романском алфавите. Источники на английском, немецком, итальянском, испанском и других языках, использующих латиницу, приводятся на языке оригинала. Для написания ссылок на русскоязычные источники (и источники на иных, не использующих романский алфавит, языках) следует использовать **ОФИЦИАЛЬНЫЙ ПЕРЕВОД** или **ТРАНСЛИТЕРАЦИЮ** (зависит от конкретного элемента описания).

Если статья написана **НЕ на латинице** — на кириллице (русском, белорусском, болгарском, украинском и др.), иероглифами и иными символами, то нужно представить **ОФИЦИАЛЬНЫЙ ПЕРЕВОД** или выполнить перевод на английский язык самостоятельно (парафраз) – для названий статей. Парафраз записывается в квадратных скобках. Для книг необходимо в этом случае привести транслитерацию на латиницу и перевод названия на английский язык или только перевод. В конце описания в круглых скобках указать язык издания.

Объём оформления источников:

Количество авторов. В библиографическом описании каждого источника (книги, журнала и проч.) должны быть представлены **ВСЕ АВТОРЫ**. Если у публикации более 6 авторов, то после 6-го автора необходимо поставить сокращение "..., и др." или "..., et al.".

Важно!: обязательна запятая, разделяющая ФИО последнего автора и «и др.» или «et al.».

Названия и сокращения. Недопустимы сокращения (или изменения) названия статей и журналов. Названия англоязычных журналов можно приводить в только официальном сокращении. Для поиска правильного сокращенного названия журнала можно использовать библиотеку [WorldCat](#), [CAS Source Index](#) или каталог Web of Science ([ISI](#)), [каталог названий](#) базы данных MedLine (NLM Catalog). Если официальное сокращение названия журнала не найдено, то необходимо указывать его полное наименование.

Идентификатор DOI. Во всех случаях, когда у цитируемого материала есть *цифровой идентификатор* (Digital Object Identifier — **DOI**), его необходимо указывать в самом конце библиографической ссылки. Проверять наличие DOI у источника можно на сайте <http://search.crossref.org/> или <https://www.citethisforme.com>. Для получения DOI нужно ввести в поисковую строку название источника на английском языке.

Выходные данные. Библиографические описания следует составлять в формате Chicago Manual of Style. Для описания даты выхода, тома и выпуска

периодического издания и страниц, на которых опубликовано наименование ссылки, следует использовать сокращенный формат записи (см. примеры оформления).

Пунктуация:

- в References не используются знаки предписанной по ГОСТ пунктуации «//», «/», «—». Производится замена данных символов на запятые и точки;
- при указании ФИО авторов следует инициалы помещать после фамилии и после фамилии ставить запятую;
- фамилию и инициалы авторов следует отделять друг от друга запятой;
- название публикации следует отделять от остальной части ссылки точкой;
- название издания (книги, научного журнала, газеты) пишется курсивом;
- при указании даты публикации, места, издателя, иных выходных данных пунктуация должна соответствовать приведенным ниже примерам.

Ссылка на источник литературы в References может состоять одновременно и из транслитерированных элементов (например, ФИО авторов, названия журналов) и из переводных (название публикации).

• **ФИО авторов, редакторов.** Фамилии и инициалы всех авторов на латинице следует приводить в ссылке так, как они даны в оригинальной публикации. Если в оригинальной публикации уже были приведены на латинице ФИО авторов — в ссылке на статью следует указывать именно этот вариант (независимо от использованной системы транслитерации в первоисточнике). Если в официальных источниках (на сайте журнала, в базах данных, в том числе — в eLibrary) ФИО авторов на латинице не приведены — следует транслитерировать их самостоятельно по стандарту BSI.

• **Название публикации.** Если у цитируемой работы существует официальный перевод на английский язык или англоязычный вариант названия (его следует искать на сайте журнала, в базах данных, eLibrary) — требуется указать именно его. Если в официальных источниках название публикации на латинице не приведено, то следует выполнить перевод на английский язык самостоятельно (парафраз). Парафраз приводится только в квадратных скобках.

• **Название издания (журнала).** Некоторые не англоязычные научные издания (журналы) имеют кроме названия на родном языке, официальное «параллельное» название на английском. В списке References в ссылке на статью из русскоязычного журнала следует указать либо транслитерированное название журнала, либо переводное. Переводное название журнала можно взять либо с официального сайта журнала (или использовать данные о правильном написании англоязычного названия из цитируемой статьи), либо проверить его наличие в базе данных (CAS Source Index, библиотеке WorldCat или каталоге Web of Science). В случае, когда у журнала нет официального названия на английском

языке, в References нужно приводить транслитерацию по системе BSI. Самостоятельный перевод названий журналов недопустим.

- **Место издания.** Место издания в ссылках всегда следует указывать полностью на английском языке, транслитерация и без сокращения недопустимы. Например: Moscow (не «Moskva» и не «M.:»), S Petersburg (не «Sankt Peterburg» и не «SPb»), Vologda.

- **Название издательства/издателя.** В отличие от места издания, название издательства для ссылок в References следует только транслитерировать (за исключением крайне редких случаев наличия у издателя параллельного официального англоязычного названия).

- **Идентификатор языка.** Если цитируемая Вами в References публикация исходно не англоязычная (если Вы делали перевод названия публикации и перевод/транслитерацию названия источника чтобы сделать ссылку в References) – в самом конце ссылки после указания диапазона страниц в круглых скобках следует указать язык, на котором написан первоисточник. Для ссылок на русскоязычные источники, например, следует использовать фразу «(in Russian)».

ПРИМЕРЫ ОФОРМЛЕНИЯ ссылок, списка литературы и References

<i>Русскоязычный вариант статьи</i>	<i>Англоязычный вариант статьи</i>
<i>Книга с 1 автором</i>	
Сноска: <i>Галактионов Ю.В.</i> Национал-социализм в Германии: проблемы изучения, пути преодоления. Избранные труды. Кемерово: Кузбассвуиздат, 2006. С. 56.	Сноска: <i>Yu.V. Galaktionov, National Socialism in Germany: problems of study, ways of overcoming. Selected Works</i> (Kemerovo: Kuzbassvuzizdat, 2006), 56.
<i>Rathenau W.</i> Gesammelte Reden. Berlin: Verlag Fischer, 1924. S. 65–66.	<i>Walther Rathenau, Gesammelte Reden</i> (Berlin: Verlag Fischer, 1924), 65–6.
Сокращённая сноска (при ссылке на источник на последующих страницах статьи): <i>Галактионов Ю.В.</i> Национал-социализм в Германии ... Кемерово, 2006. С. 58.	Сокращённая сноска (при ссылке на источник на последующих страницах статьи): <i>Galaktionov, National Socialism in Germany, 58.</i>
Список литературы: <i>Галактионов Ю.В.</i> Национал-социализм в Германии: проблемы изучения, пути преодоления. Избранные труды. Кемерово: Кузбассвуиздат, 2006. 166 с.	References: <i>Galaktionov, Yu.V. Natsional-sotsializm v Germanii: problemy izucheniya, puti preodoleniya. Izbrannye trudy</i> [National Socialism in Germany: problems of study,

	ways of overcoming. Selected Works]. Kemerovo: Kuzbassvuzizdat, 2006. 166 p. (in Russian)
<i>Rathenau W.</i> Gesammelte Reden. Berlin: Verlag Fischer, 1924. 78 S.	Rathenau, Walther. <i>Gesammelte Reden</i> . Berlin: Verlag Fischer, 1924. 78 S.
<i>Книга с 2 авторами</i>	
Сноска: <i>Савельева И.М., Поletaев А.В.</i> Знание о прошлом: теория и история: в 2 т. Т. 1: Конструирование прошлого. СПб.: Наука, 2003. С. 45.	Сноска: I.M. Savel'eva and A.V. Poletaev, <i>Knowledge of the past: theory and history: in 2 volumes. Vol. 1: Designing the past</i> (St Petersburg: Nauka, 2003), 45.
Сокращённая сноска (при ссылке на источник на последующих страницах статьи): <i>Савельева И.М., Поletaев А.В.</i> Знание о прошлом... СПб., 2003. С. 47.	Сокращённая сноска (при ссылке на источник на последующих страницах статьи): Savel'eva and Poletaev, <i>Knowledge of the past: theory and history</i> , 47.
Список литературы: <i>Савельева И.М., Поletaев А.В.</i> Знание о прошлом: теория и история: в 2 т. Т. 1: Конструирование прошлого. СПб.: Наука, 2003. 632 с.	References: Savel'eva, I.M., and A.V. Poletaev. <i>Znanie o proshlom: teoriya i istoriya: v 2 t. T. 1: Konstruirovanie proshlogo</i> [Knowledge of the past: theory and history: in 2 volumes. Vol. 1: Designing the past]. St Petersburg: Nauka, 2003. (in Russian)
<i>Книга с 3 и более авторами</i>	
Сноска: <i>Чернобаев А.А., Горелов И.Е., Зуев М.Н.</i> История России. М.: Высшая школа, 2003. С. 51.	Сноска: A.A. Chernobaev, I.E. Gorelov, and M.N. Zuev. <i>Russian history</i> (Moscow: Vysshaya shkola, 2003), 51.
Список литературы: <i>Чернобаев А.А., Горелов И.Е., Зуев М.Н.</i> История России. М.: Высшая школа, 2003. 479 с.	References: Chernobaev, A.A., I.E. Gorelov, and M.N. Zuev. <i>Istoriya Rossii</i> [Russian history]. Moscow: Vysshaya shkola, 2003. (in Russian)
<i>Статья в научном журнале:</i>	
Сноска: <i>Соколов С.М.</i> Россия на Всемирной выставке в Чикаго в 1893 г. // Американский ежегодник. 1984. С. 152–164.	Сноска: S.M. Sokolov, "Russia at the World Exhibition in Chicago in 1893", <i>American Yearbook</i> (1984): 152–64.

<p><i>Юнгблюд В., Збоев А.</i> Деятельность американских неправительственных организаций на постсоветском пространстве в 1990-е гг. // <i>Quaestio Rossica</i>. 2018. Т. 6. №1. С. 252.</p>	<p>V. Yungblud and A. Zboev, “The Activity of American Non-Governmental Organisations in the Post-Soviet States during the 1990s”, <i>Quaestio Rossica</i>, vol. 6, no. 1 (2018): 251–56.</p>
<p><i>Carmena d’Almeida P.</i> La carte des sols de la Russie, publiée par le Departement de l’agriculture // <i>Annales de geographie</i>. 1904. Vol. 13. P. 273.</p>	<p>Carmena, d’Almeida P., “La carte des sols de la Russie, publiée par le Departement de l’agriculture”, <i>Annales de geographie</i>, vol. 13 (1904): 270–75.</p>
<p>Список литературы: <i>Соколов С.М.</i> Россия на Всемирной выставке в Чикаго в 1893 г. // Американский ежегодник. 1984. С. 152–164.</p>	<p>References: Sokolov, S.M. “Russia at the World Exhibition in Chicago in 1893”, <i>American Yearbook</i> (1984): 152–64 (in Russian).</p>
<p><i>Юнгблюд В., Збоев А.</i> Деятельность американских неправительственных организаций на постсоветском пространстве в 1990-е гг. // <i>Quaestio Rossica</i>. 2018. Т. 6. №1. С. 251–256. DOI 10.15826/qr.2018.1.294</p>	<p>Yungblud V., and A. Zboev. “The Activity of American Non-Governmental Organisations in the Post-Soviet States during the 1990s”, <i>Quaestio Rossica</i>, vol. 6, no. 1 (2018): 251–56. https://doi.org/10.15826/qr.2018.1.294</p>
<p><i>Carmena d’Almeida P.</i> La carte des sols de la Russie, publiée par le Departement de l’agriculture // <i>Annales de geographie</i>. 1904. Vol.13. Pp. 270–275.</p>	<p>Carmena, d’Almeida P. “La carte des sols de la Russie, publiée par le Departement de l’agriculture”, <i>Annales de geographie</i>, vol. 13 (1904): 270–75.</p>
<p>Важно: Если приводится статья в научном журнале с двумя/тремя/более авторами, то имена и фамилии соавторов указываются в том же порядке, как в книгах.</p> <p>В библиографическом описании каждого источника должны быть представлены ВСЕ АВТОРЫ. Если у публикации более 6 авторов, то после 6-го автора необходимо поставить сокращение "..., и др." или "..., et al.". Обязательна запятая, разделяющая ФИО последнего автора и «и др.» или «et al.».</p>	
<p>Статья в научном on-line журнале:</p>	
<p>Сноска: <i>Попова Б.</i> Юлия Николаевна Рейтлингер // Наше наследие. 2008. №87. URL: http://www.nasledie-rus.ru/podshivka/8719.php.</p>	<p>Сноска: B. Popova, “Julia N. Reitlinger” , <i>Our Heritage</i>, no. 87 (2008), http://www.nasledie-rus.ru/podshivka/8719.php</p>
<p><i>Рябкова Е.С.</i> Женщины и женский быт в СССР 1950–1960 гг. в советской и современной российской историографии //</p>	<p>E.S. Ryabkova, “Women and Women's Life in the USSR 1950–1960 in Soviet and modern Russian historiography”, <i>RUDN</i></p>

Вестник РУДН. Серия: История России. 2017. Т. 16. №4. С. 670–685. DOI: 10.22363/2312-8674-2017-16-4-670-685	<i>Journal of Russian History</i> , vol. 16, no. 4 (2017): 670–85, https://doi.org/10.22363/2312-8674-2017-16-4-670-685
Список литературы: <i>Попова Б. Юлия Николаевна Рейтлингер // Наше наследие. 2008. №87. URL: http://www.nasledie-rus.ru/podshivka/8719.php.</i>	References: Popova, B. “Julia N. Reitlinger”, <i>Our Heritage</i> , no. 87 (2008). http://www.nasledie-rus.ru/podshivka/8719.php .
<i>Рябкова Е.С. Женщины и женский быт в СССР 1950–1960 гг. в советской и современной российской историографии // Вестник РУДН. Серия: История России. 2017. Т. 16. №4. С. 670–685. DOI: 10.22363/2312-8674-2017-16-4-670-685</i>	Ryabkova, E.S. “Women and Women's Life in the USSR 1950–1960 in Soviet and modern Russian historiography”, <i>RUDN Journal of Russian History</i> , vol. 16, no. 4 (2017): 670–85. https://doi.org/10.22363/2312-8674-2017-16-4-670-685 (in Russian)
Газетная статья	
Сноска: <i>Делягин М.Г. России нужен Буш // Независимая газета. 2003. 9 апреля.</i>	Сноска: M.G. Delyagin, “Russia needs Bush”, <i>Nezavisimaya Gazeta</i> , April 9, 2003.
Список литературы: <i>Делягин М.Г. России нужен Буш // Независимая газета. 2003. 9 апреля.</i>	References: Delyagin, M.G. “Russia needs Bush”, <i>Nezavisimaya Gazeta</i> [Independent Newspaper], April 9, 2003. (In Russian)
Статья в сборнике:	
Сноска: <i>Щукин Д.В. Германия в политической практике и оценке партии кадетов и ее фракции в Государственной думе Российской империи третьего созыва (на примере Боснийского кризиса 1908–1909 гг.) // Консервативные, социальные и либеральные тенденции в партийно-политическом развитии Германии и России: история и современность: материалы Международного семинара (Череповец, 11–12 октября 2016 г.) / Отв. ред. Б.В. Петелин. Череповец: ЧГУ, 2017. С. 250.</i>	Сноска: D.V. Shchukin, “Germany in the political practice and evaluation of the Cadet Party and its faction in the State Duma of the Russian Empire of the third convocation (on the example of the Bosnian crisis of 1908–1909)”, in <i>Conservative, social and liberal tendencies in the party and political development of Germany and Russia: history and modernity: materials of the International Workshop (Cherepovets, October 11–12, 2016)</i> , ed. B.V. Petelin (Cherepovets: Cherepovets State University, 2017), 250.
Список литературы:	References:

<p><i>Щукин Д.В.</i> Германия в политической практике и оценке партии кадетов и ее фракции в Государственной думе Российской империи третьего созыва (на примере Боснийского кризиса 1908–1909 гг.) // Консервативные, социальные и либеральные тенденции в партийно-политическом развитии Германии и России: история и современность: материалы Международного семинара (Череповец, 11–12 октября 2016 г.) / Отв. ред. Б.В. Петелин. Череповец: ЧГУ, 2017. С. 248–255.</p>	<p>Shchukin, D.V. “Germaniya v politicheskoi praktike i otsenke partii kadetov i ee fraktsii v Gosudarstvennoi dume Rossiiskoi imperii tret’ego sozyva (na primere Bosniiskogo krizisa 1908–1909 gg.)” [Germany in the political practice and evaluation of the Cadet Party and its faction in the State Duma of the Russian Empire of the third convocation (on the example of the Bosnian crisis of 1908–1909)]. In <i>Konservativnye, sotsial’nye i liberal’nye tendentsii v partiino-politicheskom razvitii Germanii i Rossii: istoriya i sovremennost’: materialy Mezhdunarodnogo seminara (Cherepovets, 11–12 oktyabrya 2016 g.)</i> [Conservative, social and liberal tendencies in the party and political development of Germany and Russia: history and modernity: materials of the International Workshop (Cherepovets, October 11–12, 2016)], edited by B.V. Petelin, 248–55. Cherepovets: Cherepovets State University, 2017. (in Russian)</p>
<p>Рецензия на книгу в научном журнале:</p>	
<p>Сноска: <i>Егоров А.Н.</i> Рецензия на книгу: Николаев А.Б. Думская революция: 27 февраля – 3 марта 1917 года: в 2 т. СПб.: РГПУ им. А.И. Герцена, 2017 // <i>Historia Provinciae – журнал региональной истории.</i> 2018. Т. 2. № 2. С. 142.</p>	<p>Сноска: A.N. Egorov, Review of The Duma revolution: February 27 – March 3, 1917, by A.B. Nikolaev, <i>Historia Provinciae – the journal of regional history</i>, vol. 2, no. 2 (2018): 142.</p>
<p>Список литературы: <i>Егоров А.Н.</i> Рецензия на книгу: Николаев А.Б. Думская революция: 27 февраля – 3 марта 1917 года: в 2 т. СПб.: РГПУ им. А.И. Герцена, 2017 // <i>Historia Provinciae – журнал региональной истории.</i> 2018. Т. 2. № 2. С. 140–147.</p>	<p>References: Egorov, A.N. Review of The Duma revolution: February 27 – March 3, 1917, by A.B. Nikolaev, <i>Historia Provinciae – the journal of regional history</i>, vol. 2, no. 2 (2018): 140–47. (in Russian)</p>
<p>Диссертация:</p>	
<p>Сноска:</p>	<p>Сноска:</p>

<p><i>Некрылова О.Г.</i> Политика американских и британских оккупационных властей и образование Христианско-демократического союза в Западной Германии (1945–1949 гг.): дис. ... канд. ист. наук. Воронежский государственный университет, 2012. С. 125.</p>	<p>O.G. Nekrylova, “<i>The policy of the American and British occupation authorities and the formation of the Christian Democratic Union in West Germany (1945–1949)</i>” (PhD diss. Voronezh State University, 2012), 125.</p>
<p>Список литературы: <i>Некрылова О.Г.</i> Политика американских и британских оккупационных властей и образование Христианско-демократического союза в Западной Германии (1945–1949 гг.): дис. ... канд. ист. наук. Воронежский государственный университет, 2012. 208 с.</p>	<p>References: Nekrylova, O.G. “<i>The policy of the American and British occupation authorities and the formation of the Christian Democratic Union in West Germany (1945–1949)</i>”. PhD diss. Voronezh State University, 2012 (in Russian).</p>
<p><i>Автореферат диссертации:</i></p>	
<p>Сноска: <i>Молодчик А.В.</i> Социально-экономические и политические взгляды и концепции В. Ратенау: автореф. дис. ... канд. ист. наук. Пермский государственный университет, 2001. С. 7.</p>	<p>Сноска: A.B. Molodchik, “<i>Socio-economic and political views and concepts of V. Rathenau</i>” (PhD thesis. Perm State University, 2001), 7.</p>
<p>Список литературы: <i>Молодчик А.В.</i> Социально-экономические и политические взгляды и концепции В. Ратенау: автореф. дис. ... канд. ист. наук. Пермский государственный университет, 2001. 26 с.</p>	<p>References: Molodchik, A.B. “<i>Socio-economic and political views and concepts of V. Rathenau</i>”, PhD thesis. Perm State University, 2001. (in Russian)</p>
<p><i>Оформление повторяющихся источников в сносках</i></p>	
<p>Сноска: с повтором фамилии автора при перечислении его исследований ¹<i>Евдокимова Т.В.</i> Отклики зарубежной прессы на убийство Вальтера Ратенау // <i>Личность, общество, культура в историческом процессе: сб. науч. статей.</i> Волгоград: ВГУ, 2002. С. 67–82; <i>Она же.</i> Убийство Вальтера Ратенау и первые</p>	<p>Сноска: с повтором фамилии автора при перечислении его исследований ¹ T.V. Evdokimova, “Foreign press responses to the assassination of Walter Rathenau”, In <i>Personality, Society, Culture in the Historical Process: Collection of Scientific Articles</i> (Volgograd, 2002): 67–82; Idem. “Assassination of Walter</p>

<p>отклики на него // Клио. Журнал для ученых. 2003. №3(22). С. 44–48.</p>	<p>Rathenau and the first reports of it”, <i>Klio. Journal for Scientists</i>, no. 3(22) (2003): 44–48.</p>
<p>на одной странице ¹ Пупырев Е.И., Балова О.А. Мытищенский водопровод. Как его история отразилась в русской живописи XIX века // Московский журнал. 2012. №9(61). С. 70–79. ² Там же. С. 72.</p> <p>¹Rathenau W. <i>Gesammelte Reden</i>. Berlin: Verlag Fischer, 1924. S. 65. ² Ibid.</p>	<p>на одной странице ¹ Pupyrev E.I. and O.A. Balova, “Mytishchi water pipe. How its history was reflected in Russian painting of the XIX century”, <i>Moscow Journal</i>, no. 9 (61) (2012): 70–79. ² Ibid, 72.</p> <p>¹ W. Rathenau, <i>Gesammelte Reden</i> (Berlin: Verlag Fischer, 1924), 65. ² Ibid.</p>
<p>на разных страницах ¹ Пупырев Е.И., Балова О.А. Мытищенский водопровод. Как его история отразилась в русской живописи XIX века // Московский журнал. 2012. №9(61). С. 70–79. ² Пупырев Е.И., Балова О.А. Указ. соч. С. 72.</p> <p>¹Rathenau W. <i>Gesammelte Reden</i>. Berlin: Verlag Fischer, 1924. S. 65.</p> <p>.... ¹Rathenau W. Op. cit. S. 66–67.</p>	<p>на разных страницах ¹ Pupyrev E.I. and O.A. Balova, “Mytishchi water pipe. How its history was reflected in Russian painting of the XIX century”, <i>Moscow Journal</i>, no. 9 (61) (2012): 70–79. ² Pupyrev E.I. and O.A. Balova, Op. cit., 72.</p> <p>¹ W. Rathenau, <i>Gesammelte Reden</i> (Berlin: Verlag Fischer, 1924), 65.</p> <p>..... ¹W. Rathenau, Op. cit., 66–67.</p>

